

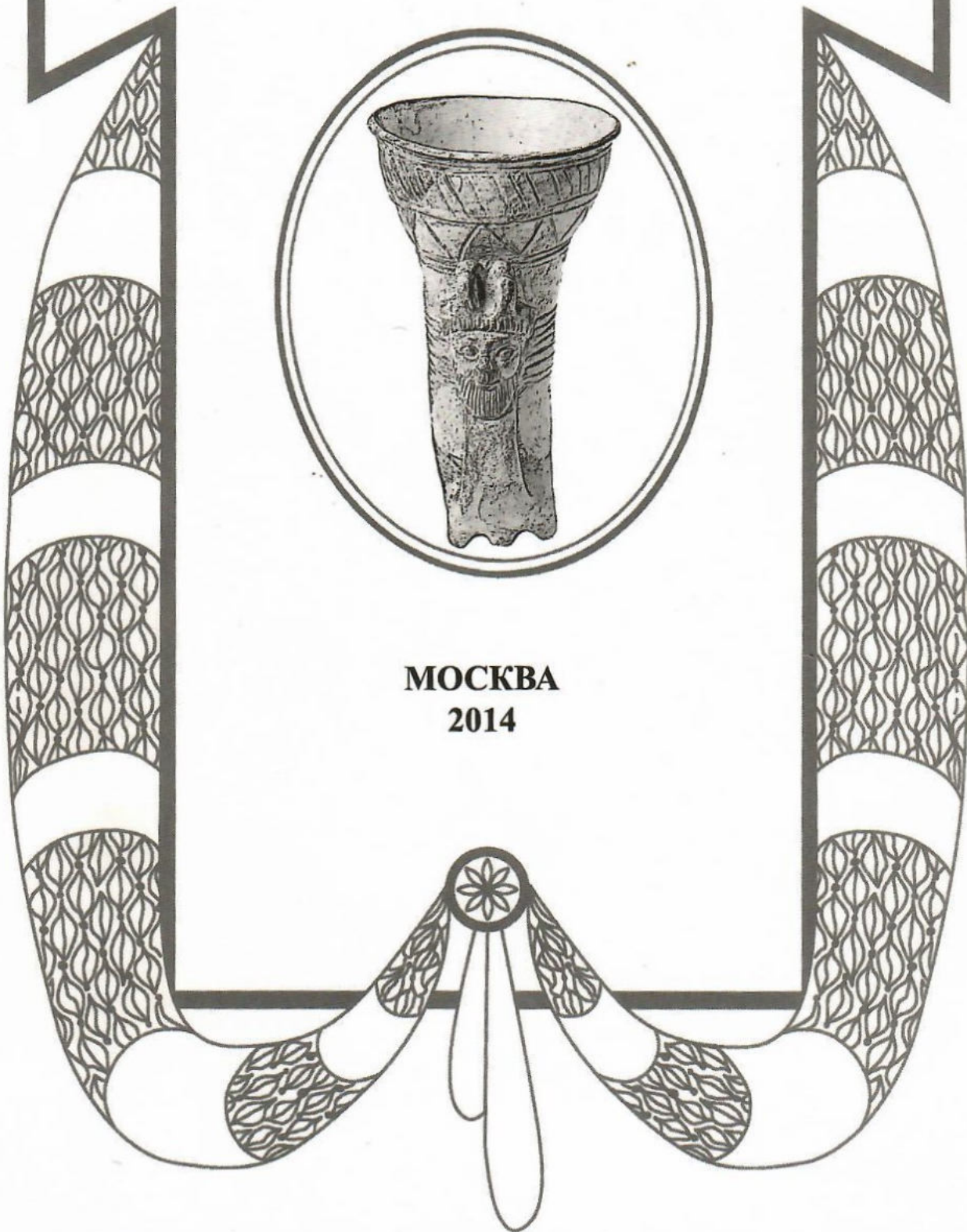

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

МОСКВА

2014

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ ТРИДЦАТИЛЕТИЮ
СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ВОСТОКА

Москва
2014

ББК 63.4
Д 73

Министерство культуры РФ
Государственный музей Востока

Печатается по решению Редакционно-издательского совета
Государственного музея Востока

Ответственный редактор

С.Б. Болелов
к.и.н., Государственный музей Востока

Редколлегия:

Н.Ю. Вишневская
Т.Г. Цветкова
Государственный музей Востока

Рецензенты:

В.Е. Войтов
к.и.н., Государственный музей Востока
И.А. Аржанцева
к.и.н., Институт этнологии и антропологии РАН

Д 73

Древние цивилизации Средней Азии. Материалы международной конференции, посвященной тридцатилетию Среднеазиатской археологической экспедиции Государственного музея Востока. — М.: 2014. — 136 с.

Дизайн и верстка

С.Д. Фролов

Корректор

Т.Г. Цветкова

Подписано в печать 28.11.2014

Формат 70×90/16.

Гарнитура «Minion Pro»

Печать офсетная

Бумага офсетная

Тир. 100

ISBN 978-5-903417-62-9

9 785903 417629 >

ISBN 978-5-903417-62-9

© Государственный музей Востока

СОДЕРЖАНИЕ

Ш.Т. Адылов. Материалы по исторической топографии дороги из Самарканда в Хорезм.	6
А.С. Балахванцев. Еще раз о датировке Старой Нисы.	9
Г.И. Богомолов. К интерпретации некоторых сюжетов на среднеазиатских оссуариях.	11
Е.М. Болдырева. Импортная поливная керамика среднеазиатского происхождения на городище Самосделка.	15
С.Б. Болелов. Древний Хорезм на пороге государственности. Социально-экономический аспект.	19
С.Б. Болелов, Г.Ю. Колганова, М.Г. Никифоров. Юлдуз-ташуйи и паводок Пляда.	24
Г.Э. Вересоцкая. Исследование и реставрация мозаичного декора ларца-дарохранильницы конца III тыс. до н.э. из царской гробницы Гонур депе (Туркменистан).	27
Н.Ю. Вишневская. Модели подражания металлу в керамике Средней Азии VII – начала XIII века.	32
З.С. Галиева. К истории орошения Самаркандского Согда.	36
А.А. Грицина. Средневековый Зерман.	39
Н.Д. Двуреченская. Новые открытия в Северной Бактрии (по материалам работ Бактрийского отряда САЭ ИА РАН.	42
Н.А. Дубова. Два юбилея в одном регионе и в один год: 30 лет Среднеазиатской археологической экспедиции Государственного Музея Востока и 40 лет работ Маргианской археологической экспедиции на Гонур Депе.	46
А.А. Жулина. Рисунки в археологии.	49
Э.Д. Зиливинская. Хорезмийские параллели в культовой архитектуре Золотой Орды.	52
Аж.Я. Ильясов, М. Хасанов. «Торговец горшками, кормящийся поэзией.	56
О.Н. Иневаткина. Крепости Самаркандского Согда (Пастдаргом).	60

<i>А. Искандерова, Б. Бабаджанов.</i> Эпиграфика и декор на надгробных памятниках средневекового Хорезма.....	65
<i>М.-Ш. Кдырниязов, А.К. Алимбетов, О.-Ш. Кдырниязов.</i> Дом религиозного деятеля в золотоордынском Миздахкане	70
<i>Г.Ю. Колганова, М.Г. Никифоров.</i> Новые исследования древнехорезмийского комплекса Кой-Крылган-кала с точки зрения древних астрономических представлений	73
<i>Matteo Compareti.</i> The «IGHT DIVINITIES» in Khotanese paintings: local deities or Sogdian importation?	76
<i>Ж.К. Курманкулов, Е.В. Переводчикова, С.Б. Болелов.</i> Новые материалы к ранней истории городища Чирик-Рабат.	77
<i>И.А. Кызласов.</i> Свидетельства западноазиатского этапа пратюркского культурогенеза.	80
<i>П.Б. Лурье.</i> Согдийская школа	83
<i>В.Е. Маслов.</i> Композиция с номадами из Калаалы-гыр 2.	85
<i>С. Мирзаахмедов.</i> Предварительные данные по архитектурно-планировочным особенностям южного крыла Рабата – каравансарая 4 в пригороде Пайкенда (втор. пол. IX – нач. XIII вв.)	89
<i>Т.К. Мкртычев.</i> Архитектура буддийских памятников Бактрии-Тохаристана	93
<i>В.В. Мокробродов.</i> Некоторые результаты последних исследований памятников «ахеменидского» периода на юге Узбекистана	95
<i>М.Г. Никифоров, Г.Ю. Колганова, А.А. Петрова.</i> Майский паводок Амударья и его особое место в культуре древних земледельцев Хорезма	99
<i>А.В. Омельченко.</i> Новые данные о сложении цитадели Пайкенда .	102
<i>О.А. Папахристу.</i> К вопросу о мастерской по производству предметов из сплавов на основе меди на Гонур-депе (Туркменистан)	105
<i>В.Н. Пилипко.</i> О своеобразии исторического развития и археологического изучения земель по среднему течению реки Амударья	108
<i>А.Н. Подушкин.</i> К функциональности предметов дистанционного оружия из катакомб арысской культуры Южного Казахстана ..	111

<i>Н.Ж. Сапаров, А.И. Торгоев.</i> К хронологии нижних слоёв шахристанов Пайкенда.....	114
<i>Н.В. Семенов.</i> Клиновое оружие на росписях дворца афшинов Уструшаны.....	117
<i>В.С. Соловьев.</i> К интерпретации сюжета на глазурованной чаше из Шуробкургана.....	119
<i>Ю. Степанов.</i> Повторная реставрация настенной росписи «Красный зал» из Варахши VIII в.	121
<i>Р.В. Тихонов.</i> Керамический комплекс кушано-сасанидского времени с городища Дабилькурган в Северной Бактрии.....	125
<i>А.И. Торгоев, В.А. Кольченко, Е.А. Кий, А.В. Кулиш.</i> Буддийский монастырь городища Красная Речка (некоторые итоги работ 2010-2013 гг.).....	127
<i>Т.Г. Цветкова.</i> Фонд археологических материалов Государственного музея Востока: неопубликованные результаты исследований 1930-х годов в Бухарском оазисе	132
<i>А.Т. Яблонский.</i> Хорезмийский вариант зороастризма (по раскопкам курганных могильников)	135

Ш.Т. Адылов

Институт археологии АН, г. Самарканд, РУз

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ ДОРОГИ ИЗ САМАРКАНДА В ХОРЕЗМ

Уже в трудах античных авторов, посвященных походам Александра и географии Средней Азии, есть прямые указания на существование дороги из Самарканда в Хорезм. По сообщению Арриана, в 329 г. до н.э. во время восстания в Согдиане Спитамен, получив известие о приближении Александра, перестал осаждать Мараканду (Самарканд) и отступил на запад. Александр преследовал его до самой пустыни. При этом он прошел по всей стране, орошаемой рекой Политимет (Река Согда – Зарафшан) – вплоть до тех мест, где вода терялась в песках. Спитамена он так и не достиг – тот, по сообщению Страбона, укрылся в стране хорасмиев. В том же году, по сведениям Арриана, к Александру в Мараканду прибыло посольство из Хорезма во главе с царем этой страны Фарасманом. Страбон вслед за Аррианом тоже отмечал, что Политимет, оросив страну, устремлялся в пустынную область и там поглощался песками.

Таким образом, по мнению античных авторов, Река Согда в конечном итоге терялась в пустыне. Однако в действительности из трех основных русел в низовьях реки только одно из них – Хитфар (Вабкентдаря) – действительно «терялось в песках». Еще в эпоху раннего средневековья Самджан имел постоянный сток в одноименное озеро (оно же – Бахр ал-Бухара, ныне – Денгизкуль), а Харамкам – в озеро Каракуль около Байканда. Иногда, возможно, даже вода Хитфара достигала сухого русла Махандарьи (бокового ответвления Самджана) и устремлялась далее на запад к Оксу (Джайхун – Амударья). Стало быть, Арриан и Страбон считали главным руслом реки в низовьях именно Хитфар и не имели представлений о других основных протоках и озерах. Трудно представить, что в противном случае они могли бы упустить такие существенные детали. Все указывает на то, что в низовьях реки Согда все передвижения Спитамена, Александра и Фарасмана осуществлялись по берегам протока Хитфар. Этот путь можно обозначить на карте с указанием исторических городов и селений, которые существовали на данной дороге еще в те времена или возникли позже. Эти пункты упоминаются в трудах географов IX–XIII вв. (Ибн Хордадбега, ал-Истахри, ал-Мукаддаси, ас-Сам'ани, Йакута ал-Хамиви и

др.); многие из них уже локализованы и идентифицированы с конкретными археологическими объектами.

Для начала, держа путь из Самарканда по левобережью «Реки Согда», следовало бы добраться до города Дабусия, который располагался на границе с областью Бухары. Далее к западу на том же берегу реки, не достигая Хазаринской теснины, последовательно располагались такие исторические пункты, как Худиманкан, Мизйамаджкас, Кармина и Кукшибаган.

Преодолев Хазаринскую теснину, «Река Согда», разветвляясь на множество протоков, образует свою дельту – Бухарский оазис. Главным транзитным пунктом на самой северо-восточной окраине Бухарского оазиса был знаменитый «Город павлинов» – Тававис. От него путь пролегал к местности Хархур, минуя селение Хушурта, и в этой местности расположена голова протока Хитфар. Недалеко от истока Хитфара локализуется селение Мазранкан. В дальнейшем начиная от местности Хархур нужно было продвигаться по верховью и среднему течению протока Хитфар, а затем – по его главному хвостовому участку – Рамитанруду. Главным городом в среднем течении Хитфара был Рамитан. На отрезке пути между Мазранканом и Рамитаном последовательно размещались такие города и селения, как Размас, Бумиджжас, Вабкана, Наршах, Какан и Фагитусин. От Рамитана дорога поворачивала на юго-запад к Рамишу и далее на запад – к Варахше. В настоящее время сухое русло Рамитанруда, пересекая Баш-тепинскую зону к западу от Варахши, теряется в песках, не достигая развилки исторического рабата Таш. Именно в районе рабата начинался степной отрезок Хорезмийской магистрали. Характеризуя его, ал-Истахри отмечал, что от Варахши до Хорезма можно было добраться за 8 дней и что на всем пути не было даже рабатов, но были только пастбища. От рабата Таш путь продолжался по берегу Махандарьи до места ее впадения в Джайхун. На противоположном берегу реки располагалась станция Шурух. Из этих мест можно было добраться до Хорезма, двигаясь по берегам Джайхуна: по левому после переправы или правому. Археолого-топографические исследования показали, что постоянно действующая дорога из Хорезма в Мерв и Западный Согд – по левобережью Джайхуна – существовала по крайней мере еще в IV в. до н.э. В то же время на правом берегу до границы с Хорезмом промежуточные станции на пути из Западного Согда были редкостью и в средние века. Указанный маршрут – назовем его Хитфарско-Хорезмийским – был наиболее коротким на пути из Самарканда в Хорезм, а город Нумиджкат (первоначальное название Бухары) оставался в стороне от него. Этот маршрут имел особое значение в те годы, когда именно Рамитан являлся политическим и экономическим

центром всего Западного Согда. Таковым Рамитан являлся начиная с рубежа VI–VII вв. до конца 60-х гг. VII в. Скорее всего, по данному маршруту двигалось из Тюркского каганата в Византию в 568 г. посольство, которое возглавлял согдиец Маниах. Византийский историк Менаандр отмечал, что путь этого посольства пролегал через «земли согдийцев». Возможно, тем же самым маршрутом двигалось в 569 г. ответное посольство во главе с Земархом. Именно на эту стратегически важную магистраль и переместилась столица Западного Согда. Топоним «Бухара» возник на рубеже VI–VII вв. применительно именно к Рамитану – это было его второе название, точнее, эпитет. В дальнейшем Бухарой стали называть всю страну (Западного Согда) в целом. Когда Хитфарско-Хорезмийский маршрут утратил свое значение и столицей снова стал город Нумиджжат, название «Бухара» стало ассоциироваться с первоначальным политическим центром региона и окончательно закрепилось за ним.

А. С. Балахванцев

Институт востоковедения РАН, г. Москва, РФ

ЕЩЕ РАЗ О ДАТИРОВКЕ СТАРОЙ НИСЫ

Более десяти лет тому назад я выступил с идеей о том, что Старая Ниса первоначально являлась династическим культовым центром Селевкидов, возникшим не позднее 250 г. до н.э. (Балахванцев, 2005, с. 185). Эта гипотеза обратила на себя внимание двух ведущих специалистов по данной проблеме — В.Н. Пилипко и К. Липполиса, которые посчитали, что столь ранняя дата возникновения старонисийского комплекса не имеет под собой достаточных оснований (Пилипко, 2007, с. 155; Lippolis, 2013, p. 70, not. 1). Однако поскольку в их работах отсутствовала какая-либо аргументация, я решил еще раз вернуться к этой теме и, в частности, рассмотреть вопрос о фортификации Старой Нисы, привлекая не использованные ранее данные.

Напомню, что, по мнению В.Н. Пилипко, наиболее ранней постройкой Старой Нисы были ее внешние стены. Анализ особенностей конструкции стен Старой и Новой Нисы, а также аршакидских крепостей Геок-тепе, Игды-кала, Чакан-депе позволил автору нарисовать следующую картину развития фортификации в «Партаве». Первоначально самые древние крепостные сооружения этой области (Новая Ниса) имели низкорасположенный внутристенный коридор. На более же поздних этапах развития от него отказались, и стрелковые галереи стали устраиваться на значительной высоте от основания. Т.к. в стенах Старой Нисы внутристенный коридор или был поднят на уровень второго яруса, или вообще отсутствовал, то крепостные укрепления на Старой Нисе сооружены позднее, чем на Новой, и их следует отнести не к раннеэллинистическому (конец IV – первая половина III в. до н.э.), а к аршакидскому периоду (Пилипко 2001, с. 137, 338-339).

Однако согласиться с данной точкой зрения не представляется возможным. Во-первых, крепостные стены отнюдь не всегда сооружались в первую очередь. Так, кроме приводимых в моей статье примеров греческой Олимпии и малоазиатского святилища богини Гемитеи, следует учесть бактрийский Сурх-Котал и хорезмийскую Аяз-калу 3: крепостные стены вокруг обоих памятников появились позже их возведения (Schlumberger, Le Berre, Fussman, 1983, p. 19; Болелов, 1998, с. 130, 134). Во-вторых, вызывает недоумение утверждение В.Н. Пилипко (со ссылкой на Н.И. Крашенинникову) о наличии в основании стен Новой Нисы внутристенных

коридоров. Последняя, напротив, подчеркивает, что «основание стены составляет мощное монолитное ядро высотой не менее 9–9,5 м», а внутристенный коридор с бойницами находился выше (Крашенинникова, 1978, с. 116, 118). В-третьих, против понимания высоты расположения внутристенной стрелковой галереи в качестве хронологического признака свидетельствует фортификация Игды-калы. Три стены этой крепости, выходящие на относительно ровную каменную площадку, имели бойницы, расположенные на уровне «второго этажа», а в обращенной к глубокому каньону северо-восточной стене стрелковый коридор находился прямо на материке (Вайнберг, Юсупов, 1984, с. 24; Юсупов, 1986, с. 156–157).

Все это еще раз подтверждает тот вывод, что конструктивные особенности стен Старой Нисы не дают оснований для уточнения датировки объекта в пределах III в. до н.э. и, естественно, никак не могут доказывать невозможность возникновения всего комплекса в селевкидский период.

Библиография:

- Балахванцев, 2005 – Балахванцев А.С. Старая Ниса: хронология и интерпретация // Центральная Азия: источники, история, культура. М., 2005.
- Болелов, 1998 – Болелов С.Б. Крепость Аяз-кала 3 в правобережном Хорезме // Приаралье в древности и средневековье. М., 1998.
- Вайнберг, Юсупов, 1984 – Вайнберг Б.И., Юсупов Х.Ю. О фортификационных особенностях парфянской крепости Игдыкала на Узбое // Памятники Туркменистана. 1984. № 1.
- Крашенинникова, 1978 – Крашенинникова Н.И. Некоторые наблюдения на некрополе Парфавнисы // История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978.
- Пилипко, 2001 – Пилипко В.Н. Старая Ниса. Основные итоги археологического изучения в советский период. М., 2001.
- Пилипко, 2007 – Пилипко В.Н. Некоторые итоги археологических исследований на Старой Нисе // РА. 2007. № 1.
- Юсупов, 1986 – Юсупов Х. Древности Узбоа. Ашхабад, 1986.
- Lippolis, 2013 – Lippolis C. The “Dark Age” of Old Nisa: Late Parthian Levels in Mhrdatkirt // ТГЭ. [Т.] XLII. Согдийцы, их предшественники, современники и наследники. СПб., 2013.
- Schlumberger, Le Berre, Fussman, 1983 – Schlumberger D., Le Berre M., Fussman G. Surkh Kotal en Bactriane, 1. Les temples. Architecture, sculpture, inscriptions. (Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan. T. 25). Paris, 1983.

Г.И. Богомолов

Институт археологии АН, г. Самарканд, РУз

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕКОТОРЫХ СЮЖЕТОВ НА СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ОССУАРИЯХ

Находки оссуариев известны практически во всех регионах Средней Азии. Как один из элементов погребальной обрядности домусульманской Средней Азии оссуарии представляют собой интереснейший источник по религиозным представлениям раннесредневекового населения. Их традиционно связывают с требованиями зороастрийских представлений. Функционально они предназначались для хранения очищенных костей умерших после предварительного выставления, вероятно, считавшимися необходимыми для последующего воскрешения. Поэтому их помещали в крупные сосуды или оссуарии. По-видимому, форма оссуариев и их орнаментация не были строго регламентированы определенными религиозными догмами.

Часть сюжетов, безусловно, связана с религиозной символикой зороастрийского круга (изображение алтаря огня и жрецов по сторонам от него, божества с весами в руках и божества, переводящего душу через мост Чинвад), принадлежность других сюжетов часто определить затруднительно, т.к. отражает либо какие-то локальные представления, либо восходит к глубоко архаичным пластам. К VII веку в декоративное оформление оссуариев широко внедряется штампованный орнамент (в виде как отдельных элементов, так и целых композиций). Наиболее популярными становятся: аркада, изображение двухстворчатой двери, гирлянды в виде волнистой линии с помещенными над ней человеческими головками или нары (реже нескольких) многолепестковых розеток.

Среди них выделяется небольшая группа оссуариев, где на лицевой стороне нанесены изображения антропоморфных персонажей со сложенными на груди руками, как бы в позе внимания и повиновения. Оссуарии с такими изображениями были найдены в Самарканде, Кашкадарье, в Ташкентском оазисе, в Таразе и на Красной Речке (Киргизия). Все они датируются в пределах VI–VIII вв. Типологически их можно разделить на несколько групп:

- а) антропоморфные фигурки, стоящие под аркой;
- б) антропоморфные фигурки разделенные розетками;
- в) погрудное изображение в овальном медальоне;
- г) сочетание погрудного изображения с другими фигурами.

Примечательно, что мужские персонажи, как правило, не имеют оружия, в отдельных случаях у них к поясу прикреплен мешочек (возможно, кошелек).

Женские персонажи переданы в длинных платьях, с ожерельем на шее. Иногда по контуру фигуры нанесены углубления – точки, как бы короткие лучи, исходящего от тела сияния. Важно отметить, что в большинстве случаев эти персонажи помещались среди элементов архитектуры, либо сама форма имитировала некое сооружение. Семантическая нагрузка персонажей дискуссионна. По мнению некоторых исследователей, это жрецы или жрицы, а здания с аркадами, изображенные на оссуариях, это храмы, с происходившими в них ритуальными сценами, например жертвоприношениями огню или ритуальными танцами с актерами, играющими богов (Маршак, Распопова, 1991, с. 164). Однако зачем на оссуарии необходимо было изображать храм, да еще актеров в виде богов? Как впрочем, очень спорен и вопрос о разыгрывании мистерий или танцев в зороастрийских храмах. Согласно другим предположениям фигуры со сложенными на груди руками – это сцены моления, имевшие «апотропеическое значение» (Павчинская, Ростовцев, 1988, с. 96).

Более перспективная версия, что это изображения фравашей (Ремпель, 1957, с. 104). Тем более, что в это же время в разных регионах Средней Азии появляются аналогичные терракотовые фигурки со сложенными на груди руками (Маршак, 1964, с. 237, 239-240, рис. 26,3; Байпаков, 1990, с. 66-67.). В последнем случае К.М. Байпаков считает, что эти женские персонажи одеты в халаты и панцирные доспехи и являются изображениями фравашей, охранителей душ (Байпаков, 1990, с. 66). Совершенно очевидно, что изображения на оссуариях были связаны с кругом представлений о загробном мире и верой в предстоящее возрождение к новой жизни праведников (реинкарнации). Поэтому вполне логично видеть в них стремление изображения мистического места и мистического действия. Иными словами мастер рисовал типичную картину загробного мира, ожидающую умершего – «сверкающую обитель Арты» – Рай или точнее «небеса», где обитают души праведников до их возрождения. Уже в Гатах образ рая прямо связывается со зданием и носит название «Гара-дмана» – «Дом Хвалы» или «дом вознаграждения». В зороастрийском «Дадастан-и меног и храд» (Суждение Духа разума) говорится, что после того как душа праведника поднимется в рай «все боги и амахраспанды (бессмертные святые) выходят ему навстречу и спрашивают» как она пришла из

этого опасного, злого мира в их мир» (Дадастан-и меног и храд, 1997, с. [16] 86).

Очевидно, элементы именно такого необычного и красивого здания мастер стремился изобразить на оссуарии. То есть основная идея композиции – это изображение райской обители, а фигуры, стоящие под арками – это божества и души праведников, населяющие ее и встречающие умершего. Так, на оссуарии из Сарытепа под арками (т.е. внутри здания) изображены три женские фигуры со сложенными на груди руками. Возможно, это фравашы, встречающие «урван», душу умершего в «Обители Арты». Функции фравашей разнообразны, они слетались на помощь людям, следили, чтобы в их семьях рождались дети и т.д. Не удивительно, что в поздних сочинениях фравашы все более осмысливались как своего рода ангелы-хранители.

В то же время исследователями отмечается тенденция отождествления «урван» с «фравашами». Так, М. Бойс приводит фразу из зороастрийского сочинения: «мы поклоняемся душам (урван) умерших, которые являются фравашы праведных» (Бойс, 1987, с. 24). Урван – бессмертная душа конкретной личности, чьи прижизненные деяния влияют на ее судьбу. Именно она в представлениях зороастрийцев после смерти человека растет, взрослеет. Вспомни и обычай делать ей ежегодные приношения в течение 30 лет. По истечении этого срока, т.е. через 30 лет урван (безусловно, при условии ее праведности) окончательно присоединяется к фравашам, духам предков. Следовательно, до этого срока необходимо было сохранять костные остатки. Вероятно, установленного канона в этом плане не существовало, и предпочтение в разных регионах могло отдаваться тем или иным формам, одной из которых были оссуарии. Именно поэтому оссуарии нередко использовались по несколько раз. Важно и то, что в целом композиция на оссуариях – это иллюстрация широко распространенного и легко узнаваемого для раннесредневекового населения Средней Азии представления о посмертной судьбе души умершего.

Библиография:

- Байпаков, 1990 – Байпаков К.М. По следам древних городов Казахстана (Отрарский оазис). Алма-Ата, Наука, 1990.
- Бойс, 1987 – Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. Пер. с англ. И.М. Стеблин-Каменского. Послел. А. Грантовского. М., ГРВЛ изд. Наука, 1987.

- Дадестан-и меног и храд*, 1997 – Зороастрийские тексты. Суждения Духа разума (Дадестан-и меног и храд). Сотворение основы (Бундахишн) и другие тексты. Издание подготовлено О.М. Чунаковой, М., издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997.
- Маршак*, 1964 – Маршак Б.И. Отчет о работах на объекте XII за 1955–1960 гг. // Труды ТАЭ. Т. IV (МИА СССР, № 124). М.:Л., 1964.
- Маршак, Распопова*, 1991 – Маршак Б.И., Распопова В.И. Адоранты из северной капеллы и храма Пенджикента. / Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. М., 1991.
- Павчинская, Ростовцев*, 1988 – Павчинская Л.В., Ростовцев О.М. Оссурарии из Сарытепе. // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 22, Ташкент, 1988.
- Ремпель*, 1957 – Ремпель Л.И. Некрополь древнего Тараза // КСИИМК. Вып. 69. М., 1957.

Е.М. Болдырева

Государственный исторический музей, г. Москва, РФ

ИМПОРТНАЯ ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА СРЕДНЕАЗИАТСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ НА ГОРОДИЩЕ САМОСДЕЛКА

Самосдельское городище – единственный крупный многослойный памятник среди средневековых поселений дельты Волги. Регулярные археологические исследования здесь ведутся с 2000 года¹. Благодаря этим работам была собрана значительная по объему коллекция находок, среди которой, безусловно, на первом месте находится керамическая коллекция. Наибольшее число находок керамики приходится на хозяйственную и столовую неглазурованную посуду. Ее выборка составляет более 100 000 фрагментов (Васильев, 2010, с. 241-249), но есть и глазурованная посуда. Явных следов производства поливной керамики на городище пока не обнаружено, поэтому она считается импортной. Автором данной статьи была создана база данных поливной посуды, в которую вошли 2054 экземпляра сосудов и их обломков. Статистический учет, анализ и интерпретация позволили выяснить основные группы импортов и время их поступления на городище.

Среди них выделяется некоторые редкие группы ранних импортов среднеазиатского происхождения. В первую очередь это поливные светильники. В материалах Самосделки было обнаружено всего четыре светильника, покрытых глазурью. Представляют интерес три из них, два покрыты прозрачной светло-зеленой поливкой по слою белого ангоба. Один декорирован подглазурной росписью в виде завитков светло-коричневого цвета и хаотично разбросанных светло- и темно-коричневых пятен. Резервуар этих светильников имеет уплощенную сверху полусферическую форму. Носик прямой удлинённый открытый, а на противоположной стороне петлевидная ручка. Такая форма резервуаров и носиков поливных светильников отмечена на многих городищах Средней Азии, в частности, она характерна для слоев Чача конца IX – конца X века. Светильники такой формы есть и в материалах средневекового

¹ Экспедиция была организована и проводилась с 2000 по 2008 гг. в рамках «Хазарского проекта» при поддержке Российского Еврейского конгресса. Руководители «Хазарского проекта» В.Я. Петрухин, И.А. Аржанцева, непосредственные производители работ на городище Э.Д. Зиливнинская и Д.В. Васильев.

Отрара, где они датируются X–XI вв. (Керамика..., 1991, с. 109). Случаются их находки и на Афрасиабе, где время их существования не выходит за пределы X века (Terres secr tes de Samarcande 1992–1993, p. 45, 113–114, n . 280–295). Есть они и в близжесточных коллекциях, где считаются импортом из Средней Азии (Watson, 2005, p. 231, cat. Gb.16). Эти характеристики склоняют к датировке самосдельских светильников периодом до начала XI в.

Особняком стоит четвертый светильник, напоминающий миниатюрный кувшинчик по форме. Обращает на себя внимание форма носика светильника. Он не имеет длинного открытого носика-слива, а на всем своем протяжении носик закрыт и лишь его край резко срезан и образует небольшое отверстие для вставки фитиля. Слой поливы прозрачный насыщенного коричневого оттенка, нанесен без ангоба и покрывает весь сосуд. Форма светильников с узким высоким горлышком характерна для керамики Ближнего Востока. Среди керамики Самарры встречены светильники-чираги с аналогично срезанным носиком, но есть они и в Закавказье (Археологические памятники, 1986, илл. 53).

Редкой группой импорта являются и крупные чаши с тремя ручками и с трубчатым носиком-сливом с четвертой стороны. Слой поливы зеленый прозрачный, покрывает чашу с двух сторон. Ангобирован сосуд только снаружи. Внешняя поверхность таких чаш украшалась круглыми налпами со штампами. Среди глазурированной керамики Согда есть подобные чаши, предназначавшиеся, по мнению Г.В. Шишкиной, для молочных продуктов (Шишкина, 1979, с. 17, табл. X, 8.10.11; XXXIII, 11, 14).

Еще одной интересной находкой раннего периода городища Самосделька является развал поливной чаши с изображением розетки в центре дна под бесцветной прозрачной глазурью. Такие розетки являются характерным элементом оформления дна среднеазиатских чаш с середины X до XI в. включительно (Шишкина, 1986, с. 56–57). Наиболее сходными с самосдельской являются розетки на керамических изделиях из Джигербента (Вишневская, 2001, с. 70, рис. 27, 13).

Среди материалов городища выделяется группа из 24 фрагментов чаш. Они рассредоточены по двум раскопам, и повсеместно их находки приходятся на нижние слои памятника. По характеру декора и форме можно предположить, что это так называемые «изделия Сары», датирующиеся в пределах X–XI вв. (Ильясов, Ильясова, 2013, с. 100–101; Persian Ceramics..., 2006, p. 65, 173). Чаши Сары есть в коллекции Кувейтского национального музея (Watson, 2005, p. 243), в опубликованной коллекции Х. Плотника (Pancaroglu, 2007, p. 72–73. Cat. 30–31), в частных коллекциях Милана (Persian ceramics..., 2006, p. 65, 173), фонда Марджани (Ильясов,

Ильясова, 2013, с. 100–101) и др. Исследователями выделяются и изделия близкие к керамике Сары, но не идентичные ей (Ильясов, Ильясова, 2013, с. 102–103). Декор, подобный Сары, на территории Средней Азии назывался крапчатым орнаментом. В частности, роспись крапинами характерна для керамики Согда и Чача X в. (Вишневская, 2001, с. 69). В то время как на Ближнем Востоке (Wilkinson, 1973, p. 160) и в Закавказье такая керамика не была распространена. Рассматриваемые чаши могут и не относиться к специфичным изделиям Сары, так как целого изображения птицы на Самосдельском городище обнаружено не было, а обломки с похожим орнаментом могут являться среднеазиатскими чашами с крапчатым орнаментом, но их датировка все равно не выходит за пределы X–XI вв.

Еще в материалах городища есть один зооморфный налп на сосуд в виде головы быка. И среди керамики Согда присутствует находка горла кувшины, оформленная в виде головы быка, среднеазиатские исследователи видят в этом кувшине раннесредневековые истоки (Шишкина, 1979, с. 17, табл. XL, 1, 2). Однако такие кувшины есть и на территории Ирана, где они датируются XII веком (Persian Ceramics..., 2006, p.70, 173).

Представленные материалы иллюстрируют, что на начальном этапе существования городища в небольшом количестве сюда поступала импортная поливная посуда из среднеазиатского региона и с территории восточного Ирана, но примерно с XII века поток импортов на городище резко увеличивается и товары начинают привозиться из Закавказья и стран Ближнего Востока.

Библиография:

- Археологические памятники. Памятники материальной культуры Азербайджана. Вып. 7. Баку: АН АзССР, 1986.
- Васильев Д.В. Методика обработки и общая характеристика массового материала с Самосдельского городища // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. Материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции (г. Астрахань, 18–21 октября 2010 г.). Астрахань. Издательский дом «Астраханский университет», 2010, с. 241–249.
- Вишневская Н.Ю. Ремесленные изделия Джигербента. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001.
- Ильясов Дж. Я., Ильясова С.Р. Чаша // Классическое искусство исламского мира. Десять имен Всевышнего. Сост. К.Г. Ласикова М.: Издательский дом Марджани, 2013, с. 100–103.

- Керамика средневекового Отрара. Альбом. Авторы вступительной статьи и составители К.М. Байпаков, Л.Б. Ерзакович. Алма-Ата, изд-во «Онер», 1991.
- Шишкина Г.В. Глазурованная керамика Согда (вторая половина VIII – начало XIII в.). Ташкент: Изд-во «ФАН» Узбекской ССР, 1979.
- Шишкина Г.В. Ремесленная продукция средневекового Согда. Ташкент: Изд-во «ФАН» Узбекской ССР, 1986.
- Pancaroglu O. Perpetual Glory: Medieval Islamic Ceramics from the Harvey B. Plotnick Collection. Chicago: The art institute of Chicago, 2007.
- Persian Ceramics. From the 9th to the 14th century. Edited by Giovanni Curatola. Milano: SKIRA, 2006.
- Terres secrètes de Samarcande. Ceramiques du VIIIe au XIII siecle. Paris-Caen-Toulouse, 1992–1993.
- Watson O. Ceramics from the Islamic lands. Kuwait national museum. The al-sabah collection. London: Thames & Hudson, 2005.
- Wilkinson C.K. Nishapur: Pottery of the early Islamic period. New York: The Metropolitan Museum of art, 1973.

С.Б. Болелов

Государственный музей Востока, г. Москва, РФ

ДРЕВНИЙ ХОРЕЗМ НА ПОРОГЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ранние этапы истории Хорезма в период раннего железного века (далее РЖВХ) связаны, прежде всего, с левобережьем Амударьи (Южный Хорезм ниже Туямуюнской излучины и Присаракамышская дельта).

Уже в VIII в до н.э. периодически происходят прорывы воды из Амударьи в южные русла Присаракамышской дельты (Южный и Средний Даудан). По всей видимости, не позднее конца VIII до н.э. по ним устанавливается постоянный сток в Саракамыш. В это же время значительно сокращается сток по Южной Акчадарьинской дельте (правобережье Амударьи), что послужило основной причиной ухода с этой территории населения, освоившего оазис в эпоху поздней бронзы (Амирабадская культура).

В этот период времени заселяются ранее пустующие берега дельтовых протоков на территории Присаракамышья. По археологическим и антропологическим данным выделяются две различные в своей основе группы населения, расселившиеся в области левобережья Амударьи и никак не связанные с культурами эпохи бронзы: присаракамышские саки и куясайцы. Конец VIII – VII вв. до н.э. можно считать первым этапом раннего железного века в Хорезме (РЖВХ-1), который можно называть сако-куясайским. По всей видимости, в это же время на территории Южного Хорезма (правый берег Амударьи, район Туямуюнской излучины) также появляются группы сакского населения, оставившие курганы в могильнике Мешекли.

Надо полагать, основой хозяйственной системы этих племен было скотоводство. Установлено, что куясайцы проживали в открытых поселениях в полуземлянках или в наземных каркасных постройках. Помимо скотоводства они занимались примитивным (богарным) земледелием. На Куясайском поселении зафиксированы остатки домашнего ремесленного производства (бронзоволитейное, кузнечное, ювелирное). Поселений, которые по характеру материальной культуры можно было бы считать сакскими, в Присаракамышье пока не обнаружено. Возможно, это были

группы подвижных или полукочевых скотоводов. Какой-либо заметной социальной дифференциации общества по археологическим данным в этот период не зафиксировано. Во всяком случае, так называемых «статусных захоронений», выделяющихся по составу погребального инвентаря, в могильнике Сакар-Чага не открыто. На Куюсайском поселении также не обнаружено каких-либо построек, которые по размеру или интерьерам отличались от остальных. То же можно сказать и в отношении саков южного Хорезма. Совместное проживание двух различных в своей основе, но, возможно, родственных групп населения на одной, причем незначительной по площади территории (Куюсайское поселение расположено в нескольких километрах от возвышенности Сакар-Чага) в рамках единой и взаимосвязанной палеоэкономической системы, обусловило формирование в Присакакмышье сако-куюсайской культурной и хозяйственной общности.

Не позднее второй половины VII в. до н.э. в низовьях Амударьи в результате мощного культурного импульса из южных земледельческих областей Средней Азии, прежде всего Маргианы, в регионе принципиально изменяется палеоэкономическая система хозяйствования и начинается процесс урбанизации области. Именно в этот период на территории Хорезма возникают производственные ремесленные центры (Хумбуз-тепе), первые ирригационные сооружения; население области осваивает навыки строительства из форматного сырцового кирпича, появляются первые укрепленные и довольно крупные поселения (Кюзели-гыр). Рубеж VII–VI вв. до н.э. в низовьях Амударьи можно считать началом второго периода раннего железного века в Хорезме (РЖВХ-II). В археологической литературе он называется «архаическим периодом» и подразделяется на два этапа: ранний – кюзелигырский – рубеж VII–VI – начало V вв. до н.э. (РЖВХ-IIa) и поздний – дингильджинский – вторая половина V – начало IV в. до н.э. (РЖВХ-IIб).

На территории Хорезма зафиксировано около 400 поселений периода РЖВХ-II. В археологическом отношении, да и то не в полном объеме, изучено только три. Однако полученные данные позволяют в некоторой степени охарактеризовать материальную культуру региона в период РЖВХ-II.

Наиболее ранние культурные слои эпохи урбанизации области выявлены на поселении Хумбузтепа (южный Хорезм), которое можно квалифицировать как полифункциональный ремесленный производственный центр. По стратиграфическим данным и по морфологическим признакам на памятнике выделяются три одновременных археологических комплекса – ХТ-I, ХТ-II и ХТ-III.

Определенно можно говорить, что этот производственный центр начал функционировать на территории южного Хорезма не позднее второй половины VII в. до н.э. (комплекс ХТ-Ia). Технология производства керамики здесь была напрямую связана с традициями гончарного производства южных областей Средней Азии и, прежде всего, с Маргианой. Хумбузтепа не единственное поселение середины I тыс. до н.э. в этом районе. В 3 км севернее также отмечены следы керамического производства – куски шлака, бракованная керамика. По подъемному материалу его также можно отнести к архаическому периоду (VI–IV вв. до н.э.).

Не позднее рубежа VII–VI вв. до н.э. в наиболее густонаселенной области Хорезма – Присакакмышской дельте Амударьи возникает крупный городской или протогородской центр – городище Кюзели-гыр, который переживает несколько периодов своего существования и окончательно был покинут жителями не позднее середины или конца V в. до н.э.

На следующем, заключительном этапе архаической культуры Древнего Хорезма наблюдается дальнейшее развитие традиций предыдущих периодов. Это отражено в археологических комплексах усадьбы Дингильдже, комплексе ХТ- II и, отчасти, верхнего слоя Кюзели-гыр. В этот период улучшается качество посуды, увеличивается ее ассортимент, что обусловлено дальнейшим развитием навыков обращения с двухдисковым гончарным кругом. В строительстве вместо прямоугольного начинает использоваться квадратный сырцовый кирпич (Кюзели-гыр, Дингильдже, на заключительном этапе Калалы-гыр 1). Можно предполагать, что все эти изменения могли быть связаны с вхождением Хорезма в империю Ахеменидов, что произошло незадолго до 530 г. до н.э. По-видимому, этот этап архаической культуры (РЖВХ – IIб), который традиционно называют Дингильджинским, можно датировать в пределах всего V в. до н.э., не исключая при этом и конца VI в. до н.э., и, возможно, как показывают материалы Хумбуз-тепе, до начала или середины IV в. до н.э. В это время наступают изменения не только в материальной культуре Хорезма, являющиеся дальнейшим развитием традиций (комплекс ХТ-III), но и в его политической истории, а именно выходом из состава Ахеменидской державы и началом строительства самостоятельного государства.

В период РЖВХ – II отмечаются значительные изменения в социальной структуре древнехорезмийского общества. Это отчасти подтверждается археологическими данными. В настоящее время можно говорить о трех типах архаических поселений на территории Хорезма, различающихся по размерам,

особенностям планировки и, как можно предполагать, по функциям в социально-экономической системе области.

К первой категории относятся укрепленные поселения (Кюзели-гыр и, возможно, Хазарасп).

Кюзели-гыр является поселением площадью свыше 25 га, которое было окружено крепостной стеной с бойницами, фланкированной округлыми башнями. В стене было трое ворот. Внутреннее пространство городища подразделяется на две части: возвышенная юго-западная – первоначальное ядро городища и пониженная – северная. В юго-западной части («верхний город») выделяется монументальный архитектурный комплекс (дворец) площадью около 1 га, центром которого был квадратный зал площадью 270 кв.м и примыкавший к нему с юга трапециевидный двор, вдоль стен которого располагались глинобитные возвышения – суфы. Возвышение у северной стены, по всей видимости, было тронным местом. Напротив его, уже за пределами двора, обнаружены остатки платформы, где, возможно, устанавливался алтарь со священным огнем.

Как отдельную категорию можно рассматривать неукрепленные рассредоточенные поселения, состоящие из отдельных усадеб, располагавшихся иногда на значительном расстоянии друг от друга на берегах канала (окрестности Кюзели-гыр) или в пределах небольшого ирригационного района (Дингильдже).

К третьему типу памятников, прежде всего по функциональному признаку, можно отнести ремесленные поселения и производственные центры (Хумбуз-тепе).

По данным письменных источников, прежде всего Авесты, в древнем восточноиранском обществе выделяется три сословия: жрецы – *атраван*; воины – *ратайштар* и крестьяне (земледельцы и скотоводы) – *вастрьо-фшуйайит*. В одном случае к ним добавляется и четвертое сословие – ремесленники – *хути*. Эти данные как представляется, вполне соотносятся с археологическими материалами.

Кюзели-гыр, вне всякого сомнения, был если не столичным городом, то, во всяком случае, центром земледельческой области (Присаракамышская дельта), которую можно сопоставить с единицей общественного устройства *дахью* – область, населенная племенем или союзом племен, которая упоминается в Яштах, а Кюзели-гыр мог быть резиденцией правителя области – *дахьюнати*. Подтверждением этому является открытый на памятнике дворцово-храмовый комплекс, в котором могли жить жрецы и воины. Во всяком случае, в присутствии военного гарнизона, учитывая систему фортификации городища, не приходится сомневаться.

Основой палеэкономической системы Древнего Хорезма было ирригационное земледелие, социальной основой которого были крестьяне-общинники, проживавшие в открытых поселениях на территории микроазисов. Кюзели-гыр, во всяком случае, на раннем этапе своего существования, сосуществовало с Куясайским поселением, основой хозяйства которого было скотоводство. Не вызывает сомнения, что группы скотоводческого населения в период РЖВХ-II были включены в палеоэкономическую систему Древнего Хорезма и их также можно отнести к социальной категории *вастрьо-фшуйайит*. На территории сельских поселений (Дингильдже, окрестности Кюзели-гыр) зафиксированы следы ремесленного производства (гончарство, кузнечное дело). В Южном Хорезме функционировал крупный производственный центр (Хумбузтепа). Эти факты однозначно свидетельствуют о выделении ремесла в отдельную отрасль хозяйства, в которой были заняты ремесленники – *хути*.

Все эти процессы на территории Хорезма происходили до включения области в Ахеменидскую державу в качестве сатрапии. В это время Хорезм еще не был государством в традиционном понимании. Надо полагать, что также как и в других древнеземледельческих областях Средней Азии процессы социальной дифференциации общества происходили здесь автономно, без вмешательства извне, в результате развития социально-экономической системы области.

С.Б. Болелов

Государственный музей Востока, г. Москва, РФ

Г.Ю. Колганова

Институт востоковедения РАН, г. Москва, РФ

М.Г. Никифоров

Московский Государственный Университет, г. Москва, РФ

ЮЛДУЗ-ТАШУВИ И ПАВОДОК ПЛЕЯД

Целью настоящей работы является исследование названия майского паводка Амударьи «Юлдуз-ташуви» и возможность соотнесения начала времени паводка с первой утренней видимостью Плеяд. Согласно этнографической информации, сообщаемой Я.Г. Гулямовым, третий паводок Амударьи назывался «Юлдуз-ташуви» или «паводок Плеяд». Происхождение названия объясняется тем, что начало майского разлива в древности совпадало с гелиакальным восходом Плеяд (Колганова..., 2014). Вопрос, которому посвящено настоящее исследование, состоит в следующем. Название «Юлдуз-ташуви» дословно переводится как «паводок звезды», что не эквивалентно смысловому значению «паводок Плеяд». В первой интерпретации речь идет о некоторой звезде «вообще», во второй дается отождествление с конкретным объектом.

В древнем Иране и Месопотамии Плеяды имели названия «Звезды» и «Звезда», которые, по всей видимости, различались по контексту употребления. Множественное число «Звезды» употреблялось в религиозных текстах для передачи сакрального смысла «семь Божеств» или «семь Богов» (Kurtik, 2005). Единственное число «Звезда» использовалось в астрономическом контексте, когда фиксировались даты гелиакальных восходов и заходов (Куртик, 2007). Последний вариант отождествления «Плеяды» = «Звезда» был заимствован из Ирана астрономами Древнего Хорезма как астрономический термин и оставался известен по крайней мере до X в., о чем свидетельствует Бируни (Бируни, 1957).

В более позднее время на территории Хорезма ассимилировалось тюркское название Плеяд – «Улкар» (Кашгари, 2005), но сохранилась и древнеиранская традиция. Плеяды по-прежнему отождествлялись со «Звездой», которая в тюркском языке называлась «Юлдуз». Отсюда появилось двойное наименование Плеяд: «Плеяды» =

«Юлдуз», соответствующее древнеиранской традиции, «Плеяды» = «Улкар» – тюркской.

Поэтому майский паводок Амударьи, ассоциировавшийся еще с древности с Плеядами, назывался одновременно «Улкар-ташуви» и «Юлдуз-ташуви» (Гулямов, 1957). Это вполне логично, поскольку с практической точки зрения начало паводка должно отождествляться с конкретным объектом (в данном случае Плеядами), а не с абстрактной звездой.

Как отдельный астеризм Плеяды были известны во всех культурах, где имелись хоть какие-то астрономические представления (Березкин, 2009). Плеяды использовались в качестве маркера в греческих сельскохозяйственных календарях (Ptolemy, 1816; Плиний, 2009), а так же на обширных территориях, прилегающих к Хорезму (Арриан, 1993; Куфтин 1916; Рахимов, 1957). Поэтому возможность использование Плеяд в качестве маркера паводка Амударьи является вполне ожидаемым событием.

Древним названием майского паводка Амударьи был «паводок Звезды», где под «Звездой» по древнеиранской традиции подразумевались Плеяды. Отметим, что по времени гелиакальный восход Плеяд соответствовал времени майского паводка Амударьи и празднику Вахш-Ангам во второй половине I тыс. до н.э. (Бируни, 1957). Плеяды могли использоваться в качестве маркера на протяжении нескольких сотен лет, после чего, из-за явления прецессии, они стали восходить после паводка.

Позднее в названии паводка «Звезда» была заменена на тюркский аналог «Юлдуз» несмотря на то, что Плеяды имели в тюркском языке собственное название «Улкар». В результате майский паводок стал называться «Юлдуз-ташуви». К этому времени паводок уже давно опережал восход Плеяд, однако за ним сохранилось историческое название.

Библиография:

- Арриан, 1993 – Арриан. Поход Александра. М.: МИФ, 1993.
 Бируни, 1957 – Бируни Абу Рейхан. Памятники минувших поколений / Пер. и прим. М.А. Салье // Избранные произведения. Т. I. Ташкент: Фан, 1957.
 Березкин, 2009 – Березкин Е.Ю. Плеяды-отверстия, Млечный Путь как дорога птиц, девочка на Луне: североазиатские этнокультурные связи в зеркале космономии // Археология, этнография и антропология Евразии. 4(40), с.100-113.
 Гулямов, 1957 – Гулямов Я.Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1957.

- Катон...*, 2009 – Катон, Варрон, Колумелла, Плиний. О сельском хозяйстве. Рязань: Александрия, 2009.
- Кашгари*, 2005 – Кашгари М. Диван Лугат ат-Турк (Словарь тюркских наречий) / Перевод, предисловие и комментарии З.-А. М. Ауэзовой. Алматы: Дайк-Пресс, 2005.
- Колганова...*, 2014 – Колганова Г.Ю., Никифоров М.Г., Рейджс В. Археoaстрономические исследования древнехорезмийского комплекса Кой-Крылган-кала // Восток. №4. М., 2014.
- Куртик*, 2007 – Куртик Г.Е. Звездное небо древней Месопотамии. СПб: Алетейя, 2007.
- Куфтин*, 1916 – Куфтин Б.А. Календарь и первобытная астрономия киргиз-казацкого народа // Этнографическое обозрение. №3-4, 1916, с. 123-150.
- Рахимов*, 1957 – Рахимов М.Р. Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период (историко-этнографический очерк). Институт истории, археологии и этнографии. Труды, том XLIII. Сталинабад: Изд. АН Тадж.ССР, 1957.
- Kurtik, Militarev*, 2005 – Kurtik G., Militarev A. Once more on the origin of Semitic and Greek star names: an astronomic-etymological approach updated // Culture and Cosmos. A Journal of the History of Astrology and Cultural Astronomy. Vol. 9, №1, pp. 3-44.
- Ptolemy*, 1816 – Ptolemy C. Apparitions des fixes et annonces / Traduites du grec de Ptolémée par M. l'abbé Halma. 1816.

Г.Э. Вересоцкая

Государственный музей Востока, г. Москва, РФ

ИССЛЕДОВАНИЕ И РЕСТАВРАЦИЯ МОЗАИЧНОГО ДЕКОРА ЛАРЦА-ДАРОХРАНИТЕЛЬНИЦЫ КОНЦА III ТЫС. ДО Н.Э. ИЗ ЦАРСКОЙ ГРОБНИЦЫ ГОНУР-ДЕПЕ (ТУРКМЕНИСТАН)

В 2011 году были начаты работы по консервации сохранившихся фрагментов стенок ларца-дарохранительницы, обнаруженных в процессе археологических раскопок гробницы № 3230 царского некрополя Гонур-Депе.

В 2004 году в процессе полевой консервации фрагменты обнаруженных мозаик были зафиксированы профилактической заклеивкой из капроновой сетки на 10% полимерный клей Паралонд Б-72 (реставратор Н.И. Чудновская), после чего они были извлечены из завала и уложены на хранение в фанерный ящик. В погребении № 3230 были обнаружены фрагменты трех стенок ларца-дарохранительницы, лежащие на разных уровнях.

Фрагмент с условным номером 3230-16 обнаружен в завале лежащим лицевой поверхностью вниз. Возможно, что это была нижняя или боковая стенка перевернутого ларца-дарохранительницы. Мозаичный геометрический орнамент, составленный из светлых квадратных и прямоугольных тессер, смонтирован в кесонные блоки на известково-песчаный раствор (образцы №№ 1, 3, 7, 9: химико-технологическое исследование образцов археологического материала Гонур-депе – В.Н. Киреева). Размер мелких деталей орнамента колеблется от 4 до 5 мм. Кесонные блоки, вероятно, были скреплены деревянным реечным каркасом, но сейчас дерево полностью истлело и между блоками образовались пустоты, которые постепенно заполнились барханным песком.

Фрагмент стенки ларца-дарохранительницы поступил на реставрацию в руинированном состоянии: лицевая поверхность представляла собой хаотичное нагромождение лессово-песчаных комков грунта, в которые были вкраплены кусочки мозаичных тессер из белого материала. Штукатурный грунт тыльной поверхности фрагмента был укреплен марлевой профилактической заклеивкой. По периметру фрагмента мозаичные вставки выкрошились, часть из них, собранная в небольшие пакеты, хранилась рядом с фрагментом.

На поверхности по краям фрагмента лежали костные останки – фаланги пальцев кисти человека. Они также были частично укреплены профилактической заклеякой с тыльной стороны и сняты вместе с мозаикой. Этот факт, вероятно, подтверждает погребальную традицию, зафиксированную в Гонур-Депе, когда ларец-дарохранительница устанавливался сверху на тело усопшего (Сарианиди, 2008, с. 214-220).

Центральная часть мозаичного орнамента фрагмента пострадала больше всего. Вероятно, в процессе полевой консервации тяжелые деформированные слои основы были сдвинуты и, не выдержав своего собственного веса, выкрошились из рыхлого штукатурного слоя.

Мозаика представляет собой орнаментальный геометрический узор, так называемый “ковровый орнамент”, составленный из квадратных и прямоугольных модульных кусочков из светлого материала. Мелкие квадратные и прямоугольные детали орнамента образуют более крупные геометрические композиции из квадратов и ромбов, которые разделены между собой прямоугольными горизонтальными и вертикальными полосами. Резерв между мозаичным орнаментом выкрашен в красный и черные цвета, дополнительно подчеркивая яркий цвет основного светлого материала мозаики.

Реставрация фрагмента мозаичной стенки ларца-дарохранительницы.

Расчистка и укрепление лицевой поверхности мозаики. Подбор и вклейка разрозненных мозаичных вставок.

Размеры фрагмента стенки дарохранительницы: ширина 73 см, высота 37 см. В самом начале работы фрагмент, находящийся в ящике с невысокими краями, был условно разделен на четыре части сеткой из натянутых нитей, зафиксированных на рейках по краям ящика. Это было сделано для фиксирования первоначального местоположения мелких фрагментов мозаики, находящихся в разрозненном состоянии. Поднятые с поверхности каждого квадрата разрозненные отдельные кусочки мозаики и хаотично разбросанные по поверхности фрагмента комки лесса с мозаичными фрагментами были промаркированы и уложены в отдельные поддоны, соответствующие своему квадрату. Это очень облегчило дальнейшую работу по расчистке, подбору и монтированию фрагментов декора – каждого на свое место.

Затем мозаика была осторожно очищена от поверхностных наслоений из лесса и песка. По мере раскрытия участков мозаики и фрагментов полихромных росписей с рассыпленным красочным слоем, поверхность тут же укреплялась растворами БМК-5, что дало возможность максимально сохранить полихромные росписи.

В процессе раскрытия мозаики с ее лицевой поверхности были удалены фрагменты фаланг пальцев, прикрепленных к профилактической заклеяке в процессе полевой консервации. Мозаика в этих местах была частично разрушена: мозаичные кусочки сдвинуты, грунт разбит и деформирован, под некоторыми фрагментами костей утрачен мозаичный орнамент. Предварительно очищенные от лесса и песка поверхности вокруг этих участков были укреплены растворами БМК-5, затем профилактическая заклеяка под костями размягчалась ацетоном и кости удалялись. Небольшие разрозненные фрагменты мозаики на лессовом грунте, предварительно снятые с поверхности, обрабатывались отдельно. Они были расчищены и укреплены. Тыльная поверхность таких фрагментов была дополнительно зафиксирована профилактической заклеякой.

Во время раскрытия лицевой поверхности мозаики от лессовых наслоений было отмечено, что многие мозаичные вставки плохо держались в своих гнездах, и поэтому в процессе консервации они были подклеены к основе 10% раствором БМК-5 (в ацетоне).

Укрепление красочного слоя полихромного декора.

Выравнивание деформаций основы фрагмента.

В процессе расчистки мозаики от лессовых наслоений, участки грунта с полихромной росписью укреплялись небольшими фрагментами по мере их открытия. Укрепление проводилось 2,5% р-ром БМК-5 (в ИПС+Ус). В тех местах, где красочный слой был сильно распылен, укрепление его проводилось вместе со слоем лесса на его поверхности. Только затем проводилась дорасчистка. Таким образом, удалось сохранить все фрагменты полихромной росписи декора.

В процессе реставрации, когда уже была раскрыта вся поверхность мозаики, раскрыт и укреплен красочный слой, стало очевидным, что часть изображения в центре фрагмента сильно деформирована и смещена. Для восстановления точной композиции рисунка орнамента предварительно была сделана прорисовка сохранившегося орнамента и на его основе составлена схема реконструкции орнаментального декора всей стенки ларца-дарохранительницы.

Центральная часть мозаики, сдвинутая со своего места в процессе полевой консервации, представляла собой локальный участок, выпавший из штукатурного основания и затем зафиксированный на нем профилактической заклеякой. Этот кусок обрабатывался отдельно и прошел весь цикл камеральной обработки. После этого с орнаментального рисунка фрагмента была снята прорисовка, с помощью которой было определено место утраченного в процессе полевой консервации фрагмента.

После этого марлевая профилактическая заклейка тыльной поверхности была подрезана в нескольких местах, и фрагмент, согласно схеме-реконструкции, был установлен на место и зафиксирован с тыльной стороны марлевой профилактической заклежкой.

Подбор и вклейка мозаичных модулей.

В процессе расчистки мозаики от лессовых наслоений с авторской поверхности были собраны и систематизированы разрозненные мозаичные тессеры.

После окончательной расчистки мозаичной поверхности и укрепления красочного слоя, основы и пустых гнезд с утраченными модулями можно приступить к подбору и вклейке разрозненных мозаичных модулей. Эта важная часть работы заняла много времени, но, тем не менее, индивидуальный подход к каждому небольшому участку мозаики был вполне оправдан. Так, например, утраченный крошечный фрагмент мозаичного модуля был восстановлен благодаря тщательному подбору и систематизации всех разрозненных тессер и их фрагментов.

В этой части работы также учитывалась последовательность расположения тессер из разных материалов в одном узоре мозаичного набора.

Работа по подбору и вклейке выпавших тессер на деформированных участках орнамента контролировалась предварительно выполненными схемами-реконструкциями орнаментального узора. Постепенно собирая орнамент по кусочкам, удалось найти место практически всем фрагментам, обнаруженным в разрозненном виде.

После завершения этапа работы по подбору мозаичных тессер и установки их на место, утраты основы штукатурного грунта были восполнены мастикой, составленной из гонурского песка и лесса. Предварительно лесс и песок были несколько раз промыты и затем высушены.

Переконсервация тыльника фрагмента.

Решение о переконсервации тыльника фрагмента было принято по многим причинам. Во-первых, тыльная поверхность в процессе полевой консервации была укреплена вместе со случайными фрагментами лесса, которые налипли на авторскую кладку, которая являлась основой и грунтом под мозаику. Во-вторых, нанесенная на тыльник марлевая профилактическая заклейка местами не прилипла к тыльной поверхности мозаики, отставала от нее, создавая значительные трудности при расчистке фрагмента и создавая опасность новых утрат.

Переконсервация началась с предварительного укрепления лицевой поверхности мозаичной композиции марлевой профилактической заклежкой на модифицированном мучном клейстере. После высыхания

заклейки фрагмент был перевернут и старая марлевая профзаклейка тыльника, выполненная в 2004 году на Paraloid-72, была удалена с помощью ватно-марлевых компрессов, смоченных ацетоном. Избытки клея с тыльной поверхности также были удалены марлевыми тампонами, смоченными ацетоном. Одновременно авторская поверхность была освобождена от случайных комков глины, которые были закреплены на тыльной стороне мозаичной стенки профилактической заклежкой в процессе полевой консервации.

Чтобы сохранить аутентичную поверхность тыльника фрагмента без изменений, было решено не покрывать ее слоями мастики, как этого требовала методика реставрации, а только промастиковать утраты сырцовой кладки-основы (мастика составлена из смеси промытого и просеянного гонурского песка и лесса, замешанного на 10% р-ре 5 БМК-5 в ацетоне).

После дополнительной пропитки штукатурной основы растворами БМК-5 на тыльную поверхность были наклеены два слоя марлевой профилактической заклейки на 10% БМК-5 в ацетоне.

Монтирование фрагмента на новое основание и доведение до экспозиционного вида.

Так как конструкция этой находки еще не достаточно понятна, а сохранность стенок фрагментарна, мы внесли предложение на Реставрационный совет о временном экспонировании стенок на трех отдельных основах. Если в процессе изучения материала по мозаикам мы сможем предложить конкретное, более точное решение этой конструкции дарохранительницы, то новая пенопластовая основа фрагментов может быть повторно использована в качестве основы новой конструкции и для этого не потребуются травмирующего перемонтирования уникальной мозаики.

Проведенный предварительно Реставрационный совет одобрил и принял нашу концепцию последнего этапа реставрации.

Фрагмент 3230-16 были смонтированы на пенопластовую плиту. Поля пенопластовой пластины для придания им фактуры и органичного колорита затонированы светлым гонурским лессом.

Библиография:

Сарианиди, 2008 – Сарианиди В.И. Маргуш. Тайна и правда великой культуры. Ашгабат, 2008.

Н.Ю. Вишневецкая

Государственный музей Востока, г. Москва, РФ

МОДЕЛИ ПОДРАЖАНИЯ МЕТАЛЛУ В КЕРАМИКЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ VII – НАЧАЛА XIII ВЕКА

Влияние изделий торевтики на керамику – явление, широко распространенное в различные периоды во многих регионах. Как правило, смысл подражания состоит в том, чтобы в более дешевом и доступном материале воспроизвести престижное и дорогое металлическое изделие. В ряде случаев к этому основному мотиву добавляется фактор инокультурного влияния. Это два основных момента, приводящих к появлению в керамическом материале форм, подражающих металлическим изделиям.

Вопрос о влиянии торевтики на среднеазиатскую керамику неоднократно исследовался в археологической литературе. Особенно хорошо изучена в этом отношении керамика раннесредневекового Согда. Классической стала обобщающая статья Б.И. Маршака «Влияние торевтики на согдийскую керамику VII–VIII веков (Маршак, 1961, с. 177-201).

Глазурованная керамика – новая для Средней Азии категория глиняной посуды, приобретающая начиная с VIII–X вв. все больший удельный вес, – также не избежала воздействия торевтики. На согдийском материале, с привлечением широкого круга аналогий, эта тема наиболее полно и убедительно раскрывается в работах Г.В. Шишкиной (Шишкина, 1979, с. 40-56; Шишкина, 1986, с. 31-40).

С тех пор авторы раскопок, обнаружив соответствующий керамический сосуд и определив его как «подражание металлу», ссылаются на вышеприведенные классические работы. Тема считается закрытой, а сам процесс влияния торевтики на керамику воспринимается как нечто однородное и неизменное во времени и пространстве.

Однако накопление нового материала и его разнообразие заставляет вернуться к проблеме. Представляется логичным и необходимым, несколько расширив территориальные и хронологические рамки блестящего анализа Б.И. Маршака, включить в область исследования глазурованную керамику и попытаться проследить динамику и характер подражания металлу в керамике Средней Азии, как историко-культурного явления.

Данная работа не ставит задачу создания свода керамических подражаний с памятников Средней Азии домонгольского средневековья. Ее

целью является попытка определить признаки и побудительные мотивы явления подражательности, выявить модели, в рамках которых проявляется влияние торевтики на керамику. Для выяснения этих вопросов необходимо учитывать несколько критериев.

Направление подражания, которое может идти по трем линиям: форма сосуда, металлическая фактура поверхности и декор. В одном сосуде могут быть задействованы один или несколько признаков подражательности в разных сочетаниях.

Массовость производства. Некоторые керамические подражания имеют массовый характер, другие единичны, или же уникальны.

Хронологическая и территориальная протяженность существования того или иного типа сосудов.

Развитие подражательной керамической формы или же ее неизменность.

Побудительные мотивы, т.е. наличие или отсутствие намерения максимально приблизиться к металлическому прототипу.

Согласно этим критериям выделяются три модели влияния торевтики на керамику рассматриваемого периода.

Подражания

За образцовый пример этой модели примем комплекс согдийских сосудов VII–VIII вв., исследованный Б.И. Маршаком.

Во всех случаях подражание изделиям торевтики в первую очередь проявляется в заимствовании формы сосуда, причем каждому керамическому типу соответствует один совершенно определенный металлический прототип. В ряде случаев предпринимались попытки передать металлическую фактуру поверхности (посыпка слюдой, лощение). В некоторых регионах эти приемы не использовались. Таким образом, подражание по линии фактуры поверхности было возможно, но не обязательно. Насколько можно судить по сохранившимся металлическим образцам, сплещифический декор торевтики в керамических изделиях воспроизвести не пытались.

Следующие два критерия (массовость и протяженность существования подражательных форм во времени и пространстве) в высокой степени присущи рассматриваемой группе изделий.

Глиняные сосуды, имеющие общие металлические прототипы, со временем модифицируются и развиваются в соответствии с особенностями керамического комплекса той или иной территории. Первоначальное подражание непосредственно металлическому образцу и попытка максимально к нему приблизиться (но, как представляется, без стремления создать иллюзию тождественности) постепенно сменяется естественной эволюцией уже самой керамической формы.

Для периода IX–XI вв. характерна другая модель, назовем ее

Заемствование

Заимствуются отдельные элементы, присущие металлическим изделиям: детали оформления сосуда (гофрированное горло, ушки для вставки колечек); идея подвижного крепления откидной крышки; приемы орнаментального оформления и композиционные схемы (типично для глазурованной керамики). Практически все заимствования касаются исключительно декора, при этом форма сосуда может оставаться традиционно керамической.

Заимствования часто имеют массовый характер, распространяются на больших территориях.

Эволюция заимствованного элемента во времени и на разных территориях не прослеживается. Исключение составляет декор глазурованной керамики.

Заимствуя для гончарных изделий те или иные детали предметов торевки, мастера не ставили своей целью сделать их похожими на металлические сосуды. Преследовалась цель сделать керамическую посуду нарядной, привлекательной для покупателя за счет ее украшения эффектными, «модными» деталями. В случае глазурованной керамики заимствования вызваны дефицитом декоративных средств, адекватных новой технологии.

Керамические изделия, созданные в рамках третьей модели максимально приближены к металлическому прототипу. Назовем эту модель

Имитация

Подобные изделия периодически возникали в разных регионах. В качестве примера возьмем резную глазурованную курильницу с ручкой их Бинкета X в. (Mkrtychev, 1998, p.18-19), штампованную глазурованную чашу X–XI в. из Саурана (Смагулов, 2011, с. 397, рис. 89, 90) и сероглиняный котелок с залощенной поверхностью XII в., найденный на Джигербенте (Вишневская, 2001, с. 160, рис. 31, 9).

Подражание осуществляется по всем трем направлениям (форма, поверхность, декор), Б.И. Маршак называл это «рабским подражанием».

Практически все имитации единичны, а иногда и уникальны, соответственно, о развитии формы речь не идет.

Побудительным мотивом является желание создать вещь, насколько это возможно идентичную престижному металлическому образцу, своего рода копию. Вероятно, речь идет об индивидуальном пожелании заказчика или о личной инициативе мастера.

Рассмотренные модели демонстрируют, что влияние торевки на керамику не только по-разному проявлялось, но и вызывалось различными

побудительными мотивами. Этот фактор целесообразно учитывать при изучении соответствующих керамических форм.

Библиография:

- Вишневская, 2001* – Вишневская Н.Ю. Ремесленные изделия Джигербента. М. 2001.
- Маршак, 1961* – Маршак Б.И. Влияние торевки на согдийскую керамику VII–VIII веков / Труды Государственного Эрмитажа. Т. V. Культура и искусство народов Востока. Вып 6. Л. 1961.
- Смагулов, 2011* – Смагулов Ер. Древний Сауран. Алматы, 2011.
- Шишкина, 1979* – Шишкина Г.В. Глазурованная керамика Согда (вторая половина VIII – начало XIII в.). Ташкент, 1979.
- Шишкина, 1986* – Шишкина Г.В. Ремесленная продукция средневекового Согда. Ташкент, 1986.
- Mkrtychev, 1998* – Mkrtychev T. A Unique X-th – Century Insense-Burner from Tashkent // Arts & the Islamic Worlds. № 33. Special volum. Treasures of Central Asia. Islamic Arts Objects in the State Museum of Oriental Arts, Moscow, 1998.

З.С. Галиева

Государственный музей Востока, г. Москва, РФ

К ИСТОРИИ ОРОШЕНИЯ САМАРКАНДСКОГО СОГДА

1. В долине среднего течения Зеравшана, в левобережье его южного рукава – Карадарьи, располагается Самаркандская область, некогда входившая в один из древнейших историко-культурных регионов Средней Азии – Согдиану. Благоприятное географическое расположение Самаркандского Согда: горный массив Зеравшанского хребта на юге, предгорные лесовые равнины и адыры, степные просторы на западе; поймы и надпойменные террасы реки Зеравшан, речные долины, плодородные почвы, мягкий климат, полезные ископаемые – способствовали освоению региона с эпохи палеолита (Лев, 1965, с. 22-27; Аванесова, 2010, с. 337-339; Джаракулов, Мамедов, 1986, с. 18-20).

В результате хозяйственной деятельности человека здесь сформировались различные антропогенные комплексы, включая оазисные ландшафты в зонах древнего орошения.

2. Одним из важных направлений в археологических исследованиях Самаркандского Согда являются реконструкция исторических ландшафтов, мониторинг и учет сохранившихся памятников, изучение специфики и динамики развития ирригационного орошения. В течение последних десяти лет коллективом сектора археологии Средней Азии ОИМК и ДИ Государственного Музея Востока под руководством Г.В. Шишкиной проводились комплексные археолого-картографические исследования Пастдаргомского района, расположенного к западу от Самарканда. Здесь в междуречье Агалыксая, Капаккульсая, Тепакульсая, Сазагансая сохранились разнообразные разновременные археологические памятники (Иневаткина, 2010, с. 6-26). Одной из самых трудных задач в работе стало изучение их водоснабжения. Поскольку регион входит в сельскохозяйственную зону, а земли интенсивно распахиваются под поливное и богарное земледелие, то найти и изучить в потревоженном ландшафте протяженные древние оросительные системы не представлялось возможным. И только благодаря материалам государственной аэрофотосъемки 1973 г. (М 1:12000, М 1:36000; М 1: 39000), космическим снимкам Google, данным карт 1950–1960-х, 1970-х годов (М 1:100000), разведкам Среднеазиатской экспедиции ГМВ в 1985–1991 гг. и полевым исследованиям 2012–2013 гг.,

проведенным при поддержке РГНФ (грант №12-01-00152), нам удалось выявить русла древних протоков и каналов, реконструировать структуры ирригационных систем, проследить технологию и динамику развития искусственного орошения в древности и средневековье.

В процессе специального и аналитического дешифрирования аэрофотоснимков все полученные данные гидрологического дешифрирования были систематизированы и сгруппированы в блоки эталонных изображений древних естественных и искусственных водных систем (Галиева, 2012). Анализ результатов дешифрирования, данных археологии, топографической ситуации структур антропогенных ландшафтов позволил реконструировать динамику развития ирригационного орошения в междуречье Капаккульсая, Тепакульсая и Сазагансая на протяжении трех периодов: IV–II вв. до н.э.; I в. до н.э. – I в. н.э.; II – начала VIII вв. н.э.

В течение первого периода в междуречье Сазагансая и Тепакульсая действует ирригационная система Теп.2а, б/1,2. Возможно, в конце IV–III вв. до н.э. ее расширяют, удлиняя на запад широтный магистральный канал, из которого выводится серия меридиональных отводов (Теп.2а, б/2,2). На западе, очевидно в III–I вв. до н.э. начинает функционировать ирригационная система, выведенная из рукава Сазагансая (Саз.1а/2). Это каналы меридионального направления, продолженные с юга на север, и широтный канал Саз.2б/1, подведенный с востока к ирригационной сети Тепакульсая (Теп.2а/2). В эллинистический период не только у саев, но и по берегам магистральных каналов и отводов возводятся крепости, расширяются границы поливной земель. В раннем средневековье (третий период) традиционно во многих регионах Средней Азии в водоснабжении продолжают использовать русла древних естественных протоков саев и искусственных каналов, проводятся протяженные узкие магистральные каналы с разветвленной сетью боковых ответвлений. Новые ирригационные системы увеличивают полезную площадь для орошаемого земледелия. Совершенствуется техника орошения, складываются специфические локальные традиции в ирригации. Например, в Согде: естественный сай – широтный магистральный канал (восток-запад) – распределительный гидроузел – меридиональные каналы-отводы – сброс воды (широтный Олдынсай).

Геоморфология равнины и особенности гидрографии в междуречье Сазагансая и Тепакульсая повлияли на технику орошения и характер ирригационных сооружений. В древности, как и в настоящее время,

магистральные каналы проводились в широтном направлении в основном с востока на запад, при этом сеть меридиональных отводов-каналов орошали земли в правобережье ниже по уклону с северной стороны равнины. Ниже по течению саев современные ирригаторы, так же, как и древние, учитывая геоморфологию местности и закономерности движения водного потока (меридионального), в 1994 году провели широтный канал «Прогресс» (направление восток-запад), ставший своеобразной водной границей отделяющей поливные земли от богарных. И сегодня на землях древнего орошения в междуречье Сазаганская и Тепакульская простираются поля богары, где в благоприятный сезон выращивают пшеницу, а после сбора урожая, так же, как и в засушливый период, их используют под выпас скота. В правобережье канала «Прогресс» на орошаемых его водами землях в фермерских хозяйствах выращивают пшеницу, хлопок, кукурузу, люцерну, садовые и огородные культуры.

Библиография:

- Аванесова, 2010* – Аванесова Н.А. Зеравшанская культурная провинция Бактрийско-Маргианской цивилизации // На пути открытия цивилизации: Труды Маргианской археологической экспедиции. Санкт-Петербург: Алетейя, 2010, с. 334-363.
- Галиева, 2012* – Галиева З.С. Древние оросительные системы Согдианы в антропогенном ландшафте. (Методы реконструкций) // Археология и геоинформатика. Вып. 7. М.: АГИС, 2012.
- Джаракулов, Мамедов, 1986* – Джаракулов М.Д., Мамедов Э.Д. Геология археологических памятников Зеравшана. Ташкент: Укутувчи, 1986. 137 с.
- Иневаткина, 2010* – Иневаткина О.Н. Начальные этапы урбанизации Самаркандского Согда и его западные пределы // Материальная культура Востока. Вып. 5. М., 2010, с. 6-26.
- Лев, 1995* – Лев Д.Н. Самаркандская палеолитическая стоянка // ИМКУ. Вып. 6. Ташкент, 1995.

А.А. Грицина

Институт археологии АН, г. Самарканд, РУз

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ЗЕРМАН

Перечисляя населенные пункты при изложении событий VIII в. в Самаркандском Согде, источники упоминают и селение Зерман. Располагалось селение в 7 фарсах от Самарканда по дороге в Бухару, в 5-6 фарсах от Рабинджана и одним фарсах от Иштихана. В.В. Бартольд, сопоставив сведения источников, предложил локализовать его на месте селения Чимбай. И действительно, здесь на левом берегу Зарафшана в Пастдаргомском районе Самаркандской области находится небольшое одноименное городище, общая площадь которого не превышает 12-14 га. Оно состоит из цитадели с двумя шахристанами и рабата. Часть цитадели смыта водой. Цитадель и первый шахристан – это наиболее возвышенные части городища – были обведены крепостными стенами. Второй шахристан отделен от первого довольно глубокой ложбиной и также укреплен оборонительными стенами с башнями.

На городище заложено два раскопа. Раскоп 1 в виде шурфа (3х3 м) расположен в рабате на самом высоком его холме, размеры 32х50 м и высота свыше 1,5 м. В ходе раскопок зафиксировано два основных слоя – верхний и нижний. Первый штык верхнего слоя довольно рыхлый с включением достаточно многочисленной поливной и неполивной керамики, сформированной на гончарном круге. Среди поливной керамики – венчик чаши под сплошной поливой бирюзового цвета и фрагмент сосуда под поливой коричневого цвета, которые обычно датируются XII – началом XIII вв. Ниже шел завал из обломков пахсы и сырцовых кирпичей, которые вместе с керамикой свидетельствуют об обживании рабата в это время. Завал подстилал лессовый слой, в котором на глубине одного метра в материке были выявлены остатки трех мусульманских погребений. Судя по сохранившимся остаткам, погребения были подбойными. Подбой ориентированы в направлении с юга на север. Анатомический порядок погребенных был сильно нарушен.

Раскоп 2 заложен во втором шахристане, на самой возвышенной его части. До раскопок на распаханной поверхности находилось большое количество керамического шлака и обломки футировки. Слой от дневной поверхности до архитектурных остатков (0,3 м) очень рыхлый, с

включением сильно разрушенных стен и керамики. В комплексе широко представлена глазурованная керамика, цветовая гамма декора которой в археологической литературе обычно называется «яичница с луком» – сочетание зеленого, желтого и коричневого цветов. Также в слое найден обломок монеты и какого-то бронзового предмета, кричное железо и в небольшом количестве кости животных. В ходе расширения раскопа в этом же слое найдено довольно много поливной и неполивной керамики караханидского времени: обломки хумов, горшков, кувшинов, котлов, крышек, фрагменты металлических изделий. Интересна находка детской игрушки – терракотовое изображение животного, похожего на собаку.

В ходе раскопок на площади 10х10,5м было вскрыто шесть помещений, включая часть улицы и двора. Толщина стен разная и составляла от 70 до 145 см. Помещения соединены между собой проходами шириной до 85 см.

В результате археологических исследований городища была прослежена динамика формирования основных его частей и получены материалы к характеристике жилой архитектуры, фортификации и ремесленного производства.

Древнейшим ядром городища является цитадель с прилегающей территорией, откуда происходят материалы, характерные для археологического комплекса каунчинской культуры, в этом же комплексе представлена и типичная согдийская керамика. На первом этапе своего существования Зерман – это селение, укрепленное накануне арабского нашествия оборонительными стенами. В VIII в. оно также оставалось небольшим селением. В саманидское время (IX–X вв.) цитадель и первый шахристан постепенно забрасываются и рядом складывается второй шахристан, который со временем обводится стенами (скорее всего, не ранее XI в., уже после падения Саманидской династии). Вероятно, на городище в мусульманское время не было ярко выраженной цитадели, и оно относится к ряду безцитадельных, как ряд городищ Южного Казахстана и городище Нурата-Хушкет в Уструшане. В караханидское время бывший элитный район городища превращается в ремесленный квартал, а наиболее интенсивно обживается восточная его часть. Пригород, видимо, постепенно формируется в течение XII – начала XIII в., поглотив заброшенное к этому времени кладбище X – первой половины XI в.

Что касается ремесленной продукции, то она представлена поливной и неполивной керамикой, различными изделиями из стекла и металлов, в основном X–XI вв. По качеству изготовления она мало чем уступает городской и большая ее часть завозилась из других крупных ремесленных центров, хотя не вызывает сомнений, что какая-то ее часть производилась

на месте для удовлетворения внутреннего рынка. Об этом свидетельствуют остатки гончарных и, видимо, плавильных печей, оплавленное стекло, а также бракованная керамика. Среди поливной керамики выделяется блюдо с изображением двух плывущих в противоположных направлениях рыб. Изображение рыб характерно для этого времени в Согде и Чаче, с одной стороны – как олицетворение хтонического, потустороннего мира, безмолвия усопших; с другой – рыбы являлись символом удачи, богатства и почестей. Поэтому рыбы часто изображались на керамике X–XII вв. – такая посуда пользовалась симпатией и гончаров, и покупателей. Две рыбки, заключенные в круг, составляли древний символ «дня и ночи». Таковы основные вехи истории согдийского селения, которое к моменту нашествия монголов превратилось в городок на одной из важнейших трасс Великого шелкового пути.

Н.Д. Двуреченская

Институт археологии РАН, г. Москва, РФ

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ В СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАБОТ БАКТРИЙСКОГО ОТРЯДА САЭ ИА РАН)

Десять лет Бактрийский отряд Среднеазиатской археологической экспедиции Института археологии РАН совместно с Тохаристанской археологической экспедицией Института искусствознания АНУз вел раскопки на крепости Кампыртепа (Сурхандарьинская обл., р. Узбекистан). К 2013 году удалось аккумулировать технические и материальные средства, организовать команду в составе археологов, архитекторов, топографов, палеозоологов и историков и развернуть работы сразу в четырех направлениях: продолжение раскопок на крепости Кампыртепа, возобновление раскопок на сельском поселении Гишттепа в Пашхуртской котловине, рекогносцировочно-разведочные исследования на крепости Узундара и разведочные маршруты на территории Пашхуртской котловины.

Все эти работы были объединены одной основной тематикой – изучение эпохи раннего эллинизма в Бактрии. На протяжении второй половины XX века только один греческий город – Ай-Ханум в северном Афганистане являлся единственным эталонным памятником среднеазиатского эллинизма. На многослойных памятниках Северной Бактрии материалы эллинистического периода из нижних культурных слоев до последнего времени удавалось получать лишь в небольшом количестве из весьма незначительных по площади шурфов. Таким образом, наши представления о периоде после прихода греческих колонистов первой и последующих волн на территории Бактрии долгое время были сопоставимы по скудности с противоречивыми данными письменных источников.

Ситуация несколько изменилась в начале XXI века, когда начались широкомасштабные исследования крепости Кампыртепа, была открыта и полностью раскопана небольшая крепость Курганзол в предгорьях Гиссара. Эти памятники значительно расширили наши представления о процессе эллинизации Бактрии в последней трети I тыс. до н.э. Однако в силу объективных, а зачастую и субъективных причин многие вопросы, касающиеся культурной и политической истории Селевкидской державы и Греко-Бактрийского царства до сих пор далеки от окончательного решения. По этой причине было принято решение о начале работ на крепости

Узундара и о возобновлении археологических раскопок на сельском поселении Гишттепа, которые ранее проводились отрядом Государственного музея Востока.

На крепости Кампыртепа Бактрийским отрядом археологические исследования велись на восточном секторе «нижнего города» с 2004 года. За это время под жилой застройкой кушанского времени (середина I – первая четверть II в. н.э.) были вскрыты на значительной площади эллинистические слои и объекты. Так, был открыт и полностью раскопан «Террасный дом», продолжают работы по уточнению планировки масштабного сооружения 36, условно именуемого «землянка-блиндаж». Длина этого, надо полагать, подземного сооружения на сегодняшний день составляет уже более 40 м при ширине от 6-7 м и глубине до 4,5 м. Оба эти объекта относятся к периоду раннего эллинизма.

Также на юго-востоке крепости раскопан входной комплекс, по всей видимости, прикрывавший подъем с пристани. По сопутствующему материалу комплекс датируется I в. до н.э. – II в. н.э.

В 2013 году работы проводились в северо-западной части сооружения 36, у входа в него. В процессе раскопок на уровне материка по краю террасы было обнаружено девять круглых ям хозяйственного назначения, расположенных параллельно краю террасы. Из ям получено несколько представительных закрытых керамических комплексов периода раннего эллинизма.

Крепость Узундара была открыта академиком Э.В. Ртвеладзе в 1991 году. Вновь начать работы на ней нам удалось лишь спустя 22 года – весной 2013 года.

Памятник расположен в горах Байсуна, на горе Сузистаг на высоте более 1650 м от уровня моря, в 7 км к югу от пограничной стены между Бактрией и Согдом в районе Дарбанта. Нет сомнений, что крепость Узундара была одним из звеньев пограничной фортификационной системы, контролирующей все возможные проходы вглубь Бактрии.

Крепость вписана в сложный горный рельеф. Она перекрывает все пространство от урочища Кара-Камар на севере до ущелья Узун-дара на юге – места возможного перехода относительно крупного войска с территории Согда.

Ромбовидная в плане крепость имеет дополнительные выступающие за ее пределы отрезки мощных стен (инструментальный план был составлен Г.П. Ивановым). Основной четырехугольник с небольшим отклонением ориентирован по сторонам света. Общая протяженность крепостных стен толщиной не менее 3,5 м составляет более 690 м. Они сложены из

камня на глиняном растворе и сохранились в высоту от 2,5 до пяти и более метров (по данным археологических разрезов, а также георадарной разведки). Стены фланкированы десятью башнями разных размеров, имеющих прямоугольные и квадратные очертания. Длина куртины колеблется от 50 до 170 м на каждом изгибе стен.

На памятнике был произведен планшетный сбор подъемного материала (керамики и индивидуальных находок) с привязкой каждого изделия GPS-приемником. Это позволило, к примеру, выявить в масштабах всей крепости не только места основной концентрации керамики, но и выделить сектора, где преобладала крупная тарная посуда типа хумов, предназначенная в первую очередь для хранения зерна, и участки, где концентрировались фрагменты столовой посуды.

Основная концентрация находок фиксируется на северном гребне стены. Именно здесь были подняты три дихалка греко-бактрийского царя Евтидема I (230–200 гг. до н.э.). Здесь же на небольшом расстоянии друг от друга обнаружены наконечники железных стрел, перстень, медная пластина. Аналогии этим предметам мы находим на Ай-Ханум и Тахти-Сангине.

Таким образом, крепость Узун-дара представляет собой уникальный памятник, ярко иллюстрирующий период становления молодого греко-бактрийского государства и, возможно, один из самых драматических его эпизодов, известных нам по данным Полибия, – когда у северных границ, по словам самого Евтидема, на северных рубежах нависла угроза вторжения кочевых племен, в частности саков, а столичные Бактры осаждал селевкидский правитель Антиох III (209–205 гг. до н.э.).

Третье направление – возобновление раскопочных работ на сельской усадьбе Гишттепа, открытой в 2003 г. С.Б. Болеловым. Памятник небольшой, прямоугольных очертаний, 30x40 м, содержит остатки архитектурной постройки, просуществовавшей с последней трети IV в. до н.э. до середины III в. н.э. Стратиграфически выделено три строительных горизонта, соответствующих трем периодам жизни памятника. На уровне первого, самого раннего строительного горизонта выявлены остатки построек из пахсовых блоков. Во второй период строительство велось уже из сырцового кирпича античного стандарта.

Среди индивидуальных находок из раскопок Гишттепа можно отметить зооморфную ручку в виде протомы лошади, которая является одним из самых ранних образцов мелкой пластики, возродившейся в эпоху эллинизма после длительного периода аниконизма. Каменные ложила и пряслица, выточенные из стенок керамики, – типичные изделия как для позднеахеменидского комплекса, так и для раннеэллинистического.

И наконец, четвертое направление работ – это разведки в зоне Пашхуртской котловины. Здесь было открыто 25 памятников и местонахождений от эпохи поздней бронзы до позднесредневековых селищ.

Наибольший интерес представляет поселение, открытое у кишлака Газ и получившее название Газкала. Время возникновения памятника, судя по многочисленному подъемному материалу, относится к концу III – началу II тысячелетия до н.э., что подтверждает предположение о широком распространении культуры БМАК в Пашхурдской котловине. Газкала это уже второй, после поселения Тяля-Булак, крупный объект этого времени, обнаруженный на территории Пашхуртской котловины за последнее десятилетие.

Н.А. Дубова

Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва, РФ

**ДВА ЮБИЛЕЯ В ОДНОМ РЕГИОНЕ И В ОДИН ГОД:
30 ЛЕТ СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ВОСТОКА И 40 ЛЕТ РАБОТ МАРГИАНСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НА ГОНУР ДЕПЕ**

Непостижимым образом значимые события соединяются почти в одной точке. Когда в Музее Востока принималось решение об организации САЭ, никто и не задумывался о том, что это происходит в то время, как Маргианская экспедиция под руководством В.И. Сарияниди уже 10 лет ведет раскопки на Гонур Деде в Каракумах. Да и о самом памятнике тогда еще почти никто не знал. Уже стали появляться интересные публикации о монументальной архитектуре, прекрасных образцах глиптики и сфрагистики с таких храмов в древней дельте р. Мургаб, как Тоголок 1, 21, Аучин деде, Келлели и др., но, работая параллельно и в Туркменистане, и в Северном Афганистане, и найдя уже «Золото Бактрии», сам руководитель раскопок почти все свое внимание уделял вопросам происхождения разнообразных параллелей в культуре народов, расселившихся от Анатолии до Гиндукуша, а раскопки Гонура тогда еще только-только начинались.

Хочу здесь сделать небольшое отступление и напомнить то, что специалисты прекрасно знают – к началу XX в. вся информация об истории Средней Азии начиналась со средневековья: ни памятники эпохи бронзы, ни памятники энеолита, ни памятники железного века еще не были известны. Только к середине прошлого столетия благодаря невероятным усилиям отечественных подвижников были сделаны выдающиеся открытия. Хорезмская экспедиция под руководством С.П. Толстова открыла Хорезмскую цивилизацию, а А.П. Окладников обнаружил верхнепалеолитические пещерные стоянки. Во второй половине столетия В.М. Массон выделил и описал джейтунскую неолитическую культуру, целая плеяда археологов десятилетия трудилась для понимания того, что же собой представлял регион в эпоху бронзы, в период раннего железного века и позднее. Среднеазиатская экспедиция Музея Востока, чей юбилей отмечается в эти дни, также внесла большой вклад в это дело.

Ярчайшую страницу в историю изучения памятников эпохи энеолита и бронзы Средней Азии вписал и В.И. Сарияниди. Эта страница начала

заполняться еще в 1950-е годы, когда он вместе с В.М. Массоном, С.Ю. Юреневым, Ю.Ф. Буряковым работал на таких памятниках, как Тахирбай и Яз-Депе, вместе с В.П. Алексеевым и П.М. Кожиным на Геоксюре, в составе разных отрядов на Кара Деде, Улуг Деде, Хапуз Деде, Алтын Деде и других. Но гонурский материал, полученный десятилетиями позже, дал ему веские основания сформулировать концепцию о новом, блестящем центре древневосточной цивилизации, сложившемся и развивавшемся на территории современного Туркменистана в конце III – во II тыс. до н.э. Но самые первые кирпичики этой концепции почти в прямом смысле слова были высушены на солнце именно около 40 лет, когда глазам археологических разведчиков открылся огромный холм высотой более 3 м и площадью не один десяток гектаров.

Многие из сделанных на Гонур Деде открытий сейчас хорошо известны: это и монументальная архитектура, и великолепные образцы глиптики и сфрагистики, и прекрасные ювелирные украшения, и уникальные изделия из металла (от миниатюрной – всего 1 см – золотой фигурки козленка на навершии булавки до бронзового котла диаметром около 1 м, синхронных аналогов которому пока не имеется), и, конечно, сюжетные мозаичные композиции, выполненные в технике полихромной живописи и каменных вставок (приходится повториться – подобная техника нигде ни до, ни после Гонура пока не известна). А какую ценнейшую информацию для изучения обрядов и верований дают погребения животных (ослов, баранов, собак, быков), которым принесены приношения более богатые в некоторых случаях, чем людям! А разнообразие и опять же уникальность некоторых погребальных сооружений!.. Это краткое перечисление приведено здесь лишь для иллюстрации того, что было сделано одной экспедицией и на одном памятнике. Все эти отряды, трудившиеся в тяжелейших полевых условиях XX в., в том числе направленные Музеем Востока, и явили на свет все богатство древней, античной и средневековой истории, которое мы теперь имеем возможность изучать.

Для тех, кто никогда не бывал тогда или смог попасть только в недавнее, все же намного более благополучное, чем десятилетия назад, время экспедиции, хочу добавить еще несколько слов по поводу условий, в которых делались открытия поистине мирового значения. Я имею в виду не только отсутствие самых элементарных удобств (воды и электричества в том числе) на месте раскопок (да и в ближайших населенных пунктах тоже!). Не только порой жестокий резко-континентальный климат региона, когда днем даже в тени может быть +40, а ночью -3. Не только отсутствие транспорта и передвижение вглубь изучаемого населенного

пространства просто пешком, неся на себе все необходимое, включая и защиту от солнца, и пищу, и лопаты... Хочу обратить Ваше внимание, что не на таких уж и старых фотографиях (например, 1960–1970-х годов) нередко мы видим всего 1-2-3 тогда молодых людей, только позднее ставших корифеями, чистящих погребения или совершающих броски «бери больше – кидай дальше!». Но это не всегда значит, что сфотографировали только их, а все другие находятся где-то рядом, вне зоны видимости объектива. Этих «всех других» просто не было. И многие памятники с громкими именами, которые не знают только совсем ленивые, изучались именно горсткой энтузиастов. Просто выделенных финансовых средств хватало только на это. Конечно, и времена меняются, и оснащение экспедиций тоже. Но, отмечая юбилей, мне думается, мы должны не отмечать, что кому-то везло, а кому-то не очень, а вспомнить гражданские подвиги, подвижничество тех, кто создал славу отечественной науки.

И еще одно в связи с этим и, как говорится, на злобу дня. Мы отмечаем юбилей создания Среднеазиатской экспедиции. В последние пару десятилетий в этом регионе год от года работает все меньше и меньше российских отрядов. И причины этого разные. Будучи оптимистом, я надеюсь, что ситуация будет меняться в положительную сторону и отечественная наука опять станет на ноги. Но бывает очень обидно и горько, когда читаешь материалы и выводы отечественных ученых (полученных, как только что было сказано, ценой больших усилий), переведенные на разные европейские языки без должных ссылок на оригинальные публикации. Я не хочу «сгущать краски» или «найти виноватых», просто приведу один совсем крошечный пример, касающийся именно Средней Азии. Когда описывается история археологического изучения южных районов Туркменистана, всегда упоминается известная экспедиция 1903–1904 гг. Рафаэля Помпелли. В некоторых работах указывается, что собственно раскопки вел Губерт Шмидт, а также факт, что первые пробные разведки на холмах Анау были проведены в 1886 г. генералом А.В. Комаровым. Но мало кто знает, что одним из участников экспедиции Пампелли около Мерва и в Анау был выдающийся отечественный востоковед Александр Александрович Семенов...

Поздравляя Музей Востока с юбилеем созданной им экспедиции, хочу поблагодарить организаторов этой конференции за внимание и память к нашей общей истории.

Д.А. Жулина

г. Москва, РФ

РИСУНОК В АРХЕОЛОГИИ

Рисунок является наиболее выразительным и лаконичным средством передачи разнообразной информации о форме и конструкции разных предметов. С развитием и все нарастающей доступностью техники, такой, как фотоаппаратура, сканеры, а также графических программ, роль выполненного от руки рисунка в археологии постепенно уменьшается, оттесняется на второй план. Между тем рабочие чертежи, планы, схемы, зарисовки являются одним из основных материалов в работе археолога, они позволяют лучше «увидеть» и понять исследуемый объект.

На данный момент можно говорить не об общих правилах выполнения археологического рисунка, а скорее о традициях рисования: в разных регионах, научно-исследовательских институтах и музеях и даже в разных экспедициях сложились свои «школы» рисования, порой сильно различающиеся.

Точного определения археологического рисунка не существует, так же как не существует точных правил его выполнения.

Однако предложить формулировку «археологический рисунок» можно и нужно.

Археологический рисунок – это графическое изображение предмета, в котором ясно зафиксированы размеры, форма, пропорции и стилистика предмета, а также все рисунки, надписи, орнаментация и т.д., присутствующие на данном предмете.

Такое определение археологического рисунка напрямую связано с его назначением. Основная задача археологического рисунка – фиксация материала. Ценность и достоверность научных материалов, их дальнейшее результативное использование в исследовательской работе всецело зависят от фиксации и сопровождающей ее научной документации.

Можно выделить основные требования к археологическому рисунку:

1. **Объективность.** Задачей художника является объективно передать в рисунке форму, фактуру и все изображения на данном предмете. Творческий домысел и концентрация на отдельных деталях, будь то оригинальная фактура или доминирующий элемент узора, не допустимы. Рисунок должен иметь четкий замкнутый контур; обязательно наличие масштаба.

2. *Полнота изображения.* Это требование подразумевает под собой передачу такого объема графической информации (видов, разрезов и сечений), который необходим для всеобъемлющего представления изображаемого предмета. В случае с орнаментированными предметами или фрагментами возможна их отдельная прорисовка. Обязательны обмеры с максимальной точностью.

3. *Наглядность и обзорность.* Художник должен как не увлечься деталями, так и не пренебречь ни малейшей подробностью, имеющей значение для корректной передачи археологического объекта. Рисунок обязан давать ясное и полное представление не только специалисту – любой человек, смотрящий на рисунок должен суметь «прочитать» переданную в нем информацию.

Археологический рисунок должен быть таким, чтобы в дальнейшей работе с ним исследователь мог без труда опознать изображенный предмет, отличить его от схожих артефактов и получить всю нужную информацию, которую только возможно передать графическими средствами, а также, при необходимости, реконструировать графически – это еще одна из функций и возможностей, немаловажная для археологического рисунка.

Научная реконструкция – это сложная специфическая работа, требующая наличия исходных археологических данных, исторических аналогий, знаний закономерности стиля, технологии производства реконструируемого объекта. При этом требуется разработка научных обоснований: почему именно так, а не иначе исследователь реконструирует археологический объект. Археологический рисунок используется в графической реконструкции, т.е. при изображении на плоскости предполагаемого первоначально вида археологического объекта. Это самый универсальный вид реконструкции: рисунок более нагляден, чем текстовое описание предмета, графическая реконструкция более доступна, чем реконструкция в материале. При этом выполнение рисунка – этап, предшествующий выполнению реконструкции в материале.

Вместе с фиксацией археологический рисунок берет на себя и аналитические функции. Внешний вид и состояние артефакта передает фотография, рисунок же – это прежде всего анализ. Чтобы получить полное представление о форме предмета, порой необходимо сделать несколько сечений, разрезов.

К сожалению, нередко встречаются рисунки, где дана неполная информация или изображение нельзя интерпретировать однозначно. Это происходит в тех случаях, когда предмет представлен недостаточным

количеством изображений, либо художник неверно расположил эти изображения или не внес необходимые условные обозначения, которые, в свою очередь, могут трактоваться по-разному (например, пунктирная линия может обозначать как линии невидимого контура, так и линии предполагаемого, т.е. реконструируемого контура).

В таком случае, на наш взгляд, художник не совсем верно изъясняется графическим языком. Под графическим языком подразумеваются способы проецирования и условные обозначения, принятые в технической графике – черчении, начертательной геометрии и пр. Этим языком пользуются специалисты во всем мире. Элементарных навыков черчения – «азбуки» графического языка – для грамотного археологического рисования вполне достаточно. Это, в частности, определенные виды штриховки сечений для передачи того или иного материала, способы оттенения, виды линий, использование метода параллельных проекций.

Естественно, археологический рисунок имеет свою специфику и не может подчиняться всем правилам. Но основы графического языка применять нужно – это избавляет от разночтений.

Как нам представляется, давно возникла необходимость откорректировать некоторые традиции рисования в археологии, следует привести к общему знаменателю условные обозначения. Возможно, это несколько снизит художественную ценность археологического рисунка, сделает его более техническим, однако значительно облегчит «чтение» рисунка и добавит информативности.

Э.Д. Зиливинская

Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва, РФ

ХОРЕЗМИЙСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В КУЛЬТОВОЙ АРХИТЕКТУРЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Богатый материал для изучения влияния различных архитектурных школ на сложение монументальной архитектуры в Золотой Орде дают мавзолеи. Это наиболее хорошо сохранившаяся категория построек, которые изучены во всех регионах этого огромного государства. В настоящее время известно и исследовано около 100 мавзолеев различной сохранности и разнообразной планировки (Зиливинская, 2012, с. 132-228). Большая часть мемориальных построек дошла до нас в виде остатков нижней части стен, которые могут дать представление о планиграфии зданий. В то же время для того, чтобы достоверно судить о принадлежности памятника к той или иной архитектурной школе, одной планиграфии не достаточно. Именно поэтому огромное значение имеют сохранившиеся постройки, а также рисунки и фотографии исследователей тех времен, когда здания еще не были разрушены. В этом плане наиболее известным является городище Маджары в Ставропольском крае, где остатки более 40 мавзолеев стояли до второй половины XVIII в. Городище неоднократно посещалось различными путешественниками и исследователями, причем некоторые из них смогли зарисовать сохранившиеся в то время здания (Зиливинская, 2011).

Еще два мавзолея известны на Южном Урале и Западном Казахстане. На юге Челябинской области находится мавзолей Кесене, который также зарисовал П.С.Паллас в конце XVIII в. и фотографии которого начала XIX в. приводил И.А. Кастанье (Кастанье, 1910). В Западном Казахстане, в Актюбинской области находится известный мавзолей Абат Байтак, сохранившийся почти полностью до наших дней (Ажигали, Турганбаева, 2004).

Таким образом, до нас дошли изображения (и один сохранившийся мавзолей) ряда типологически схожих мемориальных построек на территории Золотой Орды. Все они имеют призматический объем, переходящий в многогранный барабан, увенчанный многогранным или коническим шатровым куполом. Одни здания имеют развитый портал, у других только один из фасадов выделен входной аркой. Мавзолеи подобных архитектурных форм наиболее характерны для различных регионов Средней Азии. Генезис их был подробно рассмотрен Г.А.Пугаченковой (Пугаченкова,

1949; Масон, Пугаченкова, 1950, с. 86-88). Исследовательница считает, что прообраз шатровых мавзолеев следует искать в погребальных памятниках среднеазиатских кочевых народов, прежде всего – присырдарьинских тюрок (сельджуков), у которых существовали шатровые, конические и пирамидальные надмогильные и поминальные сооружения. В результате сельджукских завоеваний X–XI вв. шатровые мавзолеи получили распространение в мусульманском зодчестве. В это время возводятся башенные мавзолеи с шатровым покрытием, известные в основном в Хорасане.

В северных областях Средней Азии в XI–XII вв. создаются несколько вариантов архитектурного решения шатровых погребальных памятников. Здесь происходит соединение формы кубического и башенного мавзолеев и появляются центрические мавзолеи, такие, как Айша-биби у Тараза (Южный Казахстан), Ак-Сарай-динг у Ташауза (Хорезм), и фасадные мавзолеи, например Бабаджа-хатун возле Тараза и мавзолей Фахрединна Рази в Куны Ургенче (Хорезм). В XII в. в эту композицию вводится такой элемент, как развитый портал (пештак) и возникает новая форма «портально-шатровых» мавзолеев. По мнению Г.А.Пугаченковой, эта композиция специфична для Средней Азии и нигде больше в это время не встречается. Ярким образцом портално-шатровых усыпальниц является мавзолей Текеша в Куны Ургенче; еще один из шедевров порталных мавзолеев с шатровым покрытием XIV в. – Гумбез Манаса в Киргизии. Как мы видим, широкое распространение получили эти мавзолеи и в Золотой Орде.

Еще одним ярким примером участия хорезмийских зодчих в сложении золотоордынской архитектуры может служить большой мавзолей города Мохши (Алихова, 1973), расположенного в мордовских землях, в современной Пензенской области. Он представлял собой крупную мемориальную постройку, состоящую из четырех помещений. За высоким порталом с обширным айваном следовал небольшой тамбур, из которого можно было попасть в боковые комнаты и центральное помещение. Под последним находился склеп крестообразного плана, перекрытый куполом. Центральное помещение имело купольное перекрытие. Боковые, квадратные в плане комнаты также, скорее всего, были увенчаны куполами, но несколько меньших размеров и высоты.

Близким по плану этой постройке в Мохши является мавзолей Наджмеддина Кубра в Куны Ургенче, построенный между 1321–1333 гг. над могилой известного шейха, главы и основателя дервишского ордена Кубрави. Здание состоит из четырех подкупольных объемов, расположенных на взаимно перпендикулярных осях. С южной стороны находится высокий, богато украшенный пештак со стрельчатым сводом.

Мавзолей № 1 в Мохши по своей структуре почти идентичен мавзолею Наджмеддина Кубра. Оба здания имеют близкие размеры и Т-образную планировку. Внешняя отделка мохшинского мавзолея была даже более интересной: все внешние углы были украшены колоннообразными выступами различного диаметра. Мавзолей в Мохши также отличает наличие обширного подземного склепа, а в мавзолее Наджмеддина Кубра усыпальница была устроена в большом купольном помещении.

Следует также отметить, что мавзолей № 1 в Мохши – единственная известная на данный момент мемориальная постройка в Золотой Орде, которая имеет столь сложную планировку. Г.А.Пугаченкова высказала гипотезу о том, что купольные помещения мавзолея Наджмеддина Кубра использовались для собраний дервишей, то есть он являлся также ханака (Пугаченкова, 1967, с.154). Мавзолей в Мохши приспособлен для этих целей даже в большей степени. Так как погребальная камера находится в подземном склепе, большое купольное помещение над ним могло использоваться как зиярат-хана и зал для радений дервишей.

Подводя итог, можно отметить, что в мемориальном зодчестве Золотой Орды достаточно четко прослеживается влияние архитектуры и строительного дела Средней Азии, а скорее всего – именно Хорезма. Однако это влияние было не единственным.

Библиография:

- Ажигали, Турганбаева, 2004 – Ажигали С.Е., Турганбаева Л.Р. Абат Бай-так – жемчужина Казахской степи. Алматы, 2004.
- Алихова, 1973 – Алихова А.Е. Мавзолей города Мохши-Наровчата // СА, № 2. М., 1973.
- Загребин, 1989 – Загребин С.И. Мавзолей Кесене // Рифей. Челябинск, 1989.
- Зиливинская, 2011 – Зиливинская Э.Д. Еще раз о мавзолеях Маджара // От палеолита до средневековья. Москва, 2011.
- Зиливинская, 2012 – Зиливинская Э. Архитектура Золотой Орды. Взаимодействие культурных традиций. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2012.
- Кастанье, 1910 – Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края // Труды ОУАК, вып. XXII. Оренбург, 1910.
- Массон, Пугаченкова, 1950 – Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. «Гумбез Манаса». (Киргизское зодчество. XIV в.) (Серия «Памятники архитектуры народов СССР»). М., 1950.
- Пугаченкова, 1949 – Пугаченкова Г.А. К проблеме возникновения шатровых мавзолеев Хорасана // Труды ЮТАКЭ. Вып. 1. Ашхабад, 1949.

Дж.Я. Ильясов

Институт искусствознания АН, г. Ташкент, РУз

М. Хасанов

Институт археологии АН, г. Самарканд, РУз

«ТОРГОВЕЦ ГОРШКАМИ, КОРМЯЩИЙСЯ ПОЭЗИЕЙ»

Отряд Самаркандского государственного музея-заповедника под руководством С.И. Мустафакулова с 2010 г. ведет раскопки жилого квартала (Раскоп 29) на городище Афрасиаб (Хасанов, Мустафакулов 2013). В 2013 г., в ходе археологического изучения слоев X в., образовавшихся после периода запустения в раннесредневековом пом. 43, была найдена керамическая тарелка с глазурированным декором. И форма, и декор данного сосуда отличаются оригинальностью и вызывают особый интерес. Тарелка имеет кольцевой поддон, кроме того, к ее нижней части были прилеплены после формовки три полые ножки, от которых сохранились только следы. Ввиду того, что сосуд стоял не на поддоне, а на ножках, росписью были украшены не только внутренняя и внешняя стороны тарелки, но и донная его часть снаружи, что является уникальным явлением для глазурированной керамики Мавераннахра домонгольского периода. Диаметр тарелки – 34 см, диаметр поддона – 15 см, высота – 5 см; полевой шифр Афр-13-29-43. Место хранения – Самаркандский государственный музей-заповедник.

Роспись тарелки выполнена коричнево-черной и охристо-красной краской по белому ангобному фону. Прозрачная бесцветная глазурь покрывает сосуд, как и ангоб, целиком, включая кольцевой поддон и дно снаружи. Внутренняя поверхность украшена двумя надписями, выполненными почерком керамического курсива. Одна из них расположена горизонтально на дне тарелки, вторая – по кругу. Вокруг надписей оставлен светлый фон, приблизительно повторяющий контуры букв, остальное пространство занято очерченными красным цветом фигурными панелями, заполненными черными точками. Надпись на дне сосуда представляет собой благопожелание: «А[л-баракату] лисахиби» – «Благословение владетелю сего». Под ней обведенная красным контуром пальметта.

Круговая надпись прочитана и переведена д-ром Абдуллахом Кучани и д-ром Б.М. Бабаджановым, которым авторы выражают свою глубокую признательность. Надпись гласит:

[Ман] канати л-дунья хаваху ва хаммаху

Сабатуху л-[мун]а ва истабадатаху л-матамиу

Перевод:

А тот, кто пребывает в мирских желаниях и озабочен ими,

Тот окажется в плену (своего) желания и (станет) рабом алчности.

Это, по любезному сообщению д-ра А. Кучани и д-ра Б.М. Бабаджанова, двустихие (бейт) из стихотворения «Она – смерть» знаменитого арабского поэта по имени Абу Исхак Исмаил ибн ал-Касим ибн Сувайд ибн Кисан, более известного по своему своеобразному прозвищу Абу-л-Атахия, что означает «Отец Безумия» или «Отец Дурусти». Он жил и творил в эпоху аббасидских халифов ал-Махди (правил в 775–785 гг.), ал-Хади (785–786), наиболее знаменитого благодаря сказкам «Тысячи и одной ночи» Харуна ал-Рашида (786–809), а также ал-Амина (809–813) и ал-Мазмуна (813–833) и умер в 210 году хиджры (826 г. н.э.). Его прозвище пошло от фразы ал-Махди, который сказал поэту однажды:

– Ты человек хвастливый и глупый.

Многие занимательные и поучительные истории из жизни уроженца иракского города Куфа Абу-л-Атахии приводятся в сочинениях не менее знаменитых средневековых авторов, таких как ал-Масуди (X в.) и Абу л-Фарадж ал-Исфахани (X в.). Из книги ал-Масуди «Золотые копии и россыпи самоцветов» и «Книги песен» ал-Исфахани можно узнать, что Исмаил ибн ал-Касим был вхож во дворцы багдадских халифов, что его цитировали и восхваляли как одного из лучших арабоязычных поэтов своей эпохи и что он склонялся к учению суфиев, то есть мусульманских мистиков.

Позволим себе привести одну из историй, приключившихся в жизни поэта. Абу л-Атахия был безнадежно влюблен в рабыню халифа ал-Махди по имени Утба, которой он посвящал множество прекрасных стихов и которую безуспешно пытался выпросить в жены у Повелителя Верующих. Однажды халиф разгневался на Абу-л-Атахию за стихи, восхваляющие его невольницу, которая слезно пожаловалась супруге халифа на бесчестие, и повелел высечь поэта. Когда только что наказанного плетью влюбленного вывели из дворца, ему встретилась Утба, при виде которой он произнес:

Радуйся, о Утба, ради тебя

Убил ал-Махди уже погибшего.

Эта история имела продолжение: увидев печальное положение поэта и уязвленная его горьким упреком, рабыня снова плачет у своей госпожи, и ее снова застает за этим занятием грозный халиф. Получив объяснение о том, что она видела «иссеченного Абу-л-Атахию, и он сказал ей то-то

и то-то», ал-Махди приказал выдать поэту 50 000 дирхамов в качестве компенсации. Гордый сочинитель стихов раздал эту приличную сумму тут же на выходе из дворца, о чем кто-то из бдительных слуг престола не преминул написать Повелителю Верующих. Халиф послал поэту запрос о том, что побудило его раздать милость, которую он ему пожаловал. Ответ нашего героя был достоин его смелого поступка: «Я не проел цены той, которую люблю». Впрочем, правитель не привык, чтобы его милости отвергались, и опять послал поэту 50 000, взяв с него клятву, что он их на этот раз не раздает.

Любопытный факт – исконным занятием Абу-л-Атахии, которого современники неоднократно называли самым лучшим из поэтов, была торговля керамической посудой. В молодости он ходил по улицам Куфы, нагруженный корзиной с горшками, кувшинами и мисками, и продавал ее всем желающим. Когда строгий, но щедрый халиф в ответ на дар Абу-л-Атахии, помещенный в сосуд китайской выделки, решил-таки подарить ему свою рабыню Утбу, чувствительная девушка расстроилась и сказала ал-Махди: «О, Повелитель Верующих, с целомудрием моим, и правдой моей, и службой моей выдаешь меня торговцу горшками, кормящемуся поэзией». Сделка не состоялась ...

Подобных историй о поэте много, однако их изложение не является нашей целью. Мы привели некоторые из них лишь для того, чтобы показать, что он, благодаря своему замечательному таланту стихосложения, смог стать собеседником и сотрапезником халифов, героем многочисленных историй и по праву занял важное место в арабской литературе раннеаббасидского периода. Это был знаменитый поэт, стихи которого цитировались знатоками поэзии и включались в различные хроники и антологии. Для нас важен тот факт, что бейт Абу-л-Атахии, творившего в Багдаде в последней четверти VIII – первой четверти IX в., тщательно выписан на керамическом сосуде X в., найденном в Самарканде. Трудно представить более зримую иллюстрацию к широко известному и признанному утверждению о том, что в IX–X вв. на огромной территории, подчиненной, пусть во многих случаях и номинально, Халифату Аббасидов, сформировалось единое культурное пространство. Очевидно, что поэзия Абу-л-Атахии была известна и почитаема в Мавераннахре, где местные любители изящной словесности покупали или переписывали книги, восхищаясь стихами поэтов, подвизавшихся в далеких столицах империи, Багдаде и Самаре. Хорошим тоном у образованных слоев населения было знание арабоязычной литературы, и неудивительно, что здесь, скорее всего, на заказ, была изготовлена тарелка, украшенная одним из многочисленных бейтов жившего сто лет назад знаменитого поэта. Надо полагать, это было одно из

любимых двустийший анонимного заказчика тарелки, на которого в центре сосуда призывается благословение. Отметим, что эта надпись, вероятно, самое раннее документальное свидетельство распространения раннеабхазской поэзии в Мавераннахре, так как других свидетельств, например, рукописей литературных сочинений IX–X вв., здесь не сохранилось.

Местом изготовления тарелки, возможно, являлся Самарканд – крупнейший культурный и экономический центр государства Саманидов, где она и была найдена. Но, судя по некоторым декоративным элементам, не исключено, что сосуд был изготовлен в другом важнейшем городе с развитым керамическим производством – Бинкате (Ташкент) и затем привезен в Самарканд. На это указывают такие декоративные мотивы, украшающие внешнюю сторону и дно тарелки, как пышные кусты с листьями, формой напоминающими птичьи головки. На сосуде представлены также половинки подобных кустов. Оба варианта данного мотива неоднократно встречены на глазурованной керамике Шаша. Однако в данном случае не столь существенно, чья именно это продукция – шашских мастеров или гончаров Согда, для нас важен тот факт, что в Мавераннахре эпохи Саманидов в среде образованного городского населения знали и высоко ценили поэзию «Отца Безумия» – знаменитого «торговца горшками, кормившего поэзией» и прославившего на века свое имя.

О.Н. Иневаткина

Государственный музей Востока, г. Москва, РФ

КРЕПОСТИ САМАРКАНДСКОГО СОГДА (ПАСТДАРГОМ)

Земельные массивы Пастдаргома расположены в Левобережье среднего течения Зеравшана и граничат с сельской округой Самарканда. Они включают равнинную и предгорную зоны между отрогами Зеравшанского хребта и Карадарьей, за каналом Даргом. Западная граница определяется пределами орошаемой площади по линии Карасу–Джам, совпадая с историческими административными границами Анхорского тумана XVII–XIX вв. Эти земли играли значительную роль в экономике Самаркандского Согда, что отразилось на плотности заселенности земельного массива, на многообразии типов археологических памятников и на больших размерах древнего административного центра – городища Дурмен – средневековый Исбискет (с V в. до н.э. и по IX в. н.э.). В процессе создания Г.В. Шишкиной типологии археологических памятников Пастдаргома была выделена группа объектов военной архитектуры – крепости (тип VII) (см: Шишкина, Иневаткина, 2012, с. 33–68) (рис. 1, 4–6.). Под определение крепости (VII) подходят холмы разной конфигурации и высоты, оборонительные функции которых выражены валами периферийных стен, сотками башен и бастионов. Их объединяет ряд общих морфологических признаков: замкнутое оборонительной стеной пространство с единственным вьездом; геометрический четкий абрис плана – круг (VII.1), квадрат (VII.2, VII.3) прямоугольник, многоугольник (VII.4); наличие (помимо башен и бастионов) кешка (выделяющегося размерами холма) – жилого дома «коменданта» крепости; и т.д. Все четыре типа крепостей встречаются как на равнине, так и в предгорной зоне. В настоящее время насчитывается 41 крепость. Они группируются в ландшафте Пастдаргома тремя цепочками по направлениям дорог из Самарканда в Карши и Бухару.

Начало формирования системы крепостей Самаркандского Согда следует отнести к концу VI в. до н.э., когда по воле новой Ахеменидской администрации столица была перенесена из Правобережья (городище Коктепа) в Левобережье, и древний Самарканд стал структурообразующим фактором исторического ландшафта среднего течения Зеравшана. Этот

начальный этап представляют пять круглых в плане крепостей (VII.1-62, 133, 722, 728, 266). Все они довольно крупных размеров, диаметр внешнего кольца от 66 м до 250 м (крепость 62), внешний вал (шириной от 8 до 10 м) обычно правильной кольцевой формы. Подъемный материал с крепостей 62 и 133 позволяет говорить об их нижней дате – середине I-го тыс. до н.э., но по морфологическим признакам круглые крепости корнями восходят к Бактрийско-Маргианскому археологическому комплексу конца III – начала II тыс. до н.э. В середине I-го тыс. до н.э. принцип кольцевой планировки широко распространился в Бактрии (Swertschkov, 2010, p. 145-153). Расположением круглых крепостей в ландшафте Пастдаргома отмечены важные стратегические пункты и ирригационные узлы. На границе западных владений Самарканда вдоль левого берега Даргома крепости 62 и 722 контролировали переправы, а важнейший распределительный узел древней ирригационной системы – голову широтного канала Эски-Анхор охраняла крепость 266. Распределение сезонных вод Агалыкская, Сазаганская и Даргома регулировали крепости 133 и 728, расположенные в голове и хвосте канала Эски-Анхор.

Основную группу (34 памятника) в системе крепостей Пастдаргома составляют крепости квадратного плана (VII.2 и VII.3). Четко уже прослеживается их организованность цепочками вдоль дорог государственного значения: дороги вдоль предгорий в Южный Согд и двух веток Бухарской дороги: верхней, прибрежной, вдоль берега Карадарьи и нижней – в равнинной части. Расстояние между крепостями составляет один-два дневных перехода. Памятники ориентированы по странам света, размеры сторон от 40 м до 160 м, наибольшая высота 8-10 м (кешки). Согласно нашим исследованиям, наиболее ранними являются крепости типа VII.2 (каре стен, окружающее свободное пространство двора-площа, с холмом кешка на линии стен). На исследуемой территории их насчитывается двадцать, девять сохранили свою первоначальную структуру (680, 187, 573, 40, 470, 70, 67, 428, 370). Представления об архитектуре, строительных приемах сооружений этого типа дали зачатки Г.В. Шишкиной крепости 40, расположенной у прибрежной Бухарской дороги между Дурменсаем и Даргомом. В системе фортификации крепости 40 сочетаются две строительные традиции: строительный материал и приемы, отмеченные в оборонительной системе Афрасиаба V-IV вв. до н.э. – лахса и прямоугольные бойницы (Шишкина, 1976, с. 103; Chichkina, 1986. P. 71-72. Fig.288, etapes 1et) и новые архитектурные модели, пришедшие в Согд с греческим завоеванием – квадратный кирпич и стрелчатые бойницы (Chichkina, 1986, p. 76-77). Такое сочетание традиций может быть свидетельством работы местных

строителей под руководством иноземных инженеров в конце IV в. до н.э. Нельзя также исключать и того, что новая крепость соорудилась позже на руинах ахеменидской крепости в III – начале II в. до н.э.

Некоторые крепости модифицировались в соответствии с потребностями нового времени. Так крепость 53 (Куль-тепе) близ Хаузака увеличивается в размерах почти в полтора раза. Ранняя крепость – 70x70 м, более поздняя – 150x150м. Поздняя крепость представляет собой концентрическое в плане сооружение с квадратным укреплением в центре (ранняя крепость). Перепланировка, возможно, произошла в самом начале ранне-средневекового периода, но нельзя исключать, что это один из видов планировки эллинистической крепости (ср. Калаи-Захаки-Марон: Шишкина, Сулейманов, Кошеленко, 1985, с. 412, табл. СХХIV).

Вдоль западной малозаселенной линии Пастдаргома под защитой крепостей образовывались селения. На стрелке Карасу и Карадарьи на прибрежной Бухарской дороге квадратная крепость 680 (Ляляяктепа), построенная на краю более древнего села, функционировала в III-II вв. до н.э. вместе с разросшимся большим (торговым) селением Пулад. Ниже по Карасу на стрелке с Каттасаем расположена квадратная крепость 187 (50x50 м) с примыкающим прямоугольным в плане укрепленным поселением (110x160 м). Очевидно, что помимо охраны западных пределов Исбискета жители села решали и важную ирригационную задачу: регулировали сбросовые воды древнего Эски-Анхора перед впадением их в русло Карасу и далее в Карадарью.

Данные письменных источников, относящихся к походам Александра, говорят о Согде как о «стране городов» и свидетельствуют, что вокруг Самарканда находились многие селения и укрепления, которые пришлось покорять грекам силой (Арриан, IV, 16, 3). После разорения Согдианы Александр поручил Гестефиону колонизировать согдийские города (Арриан, IV, 16, 3), что, по мнению И.В. Пьянкова, свидетельствует об основании «городов с явными функциями военных крепостей» (Пьянков, 1972, с. 25, § 9). Можно предположить, что в разоренных окрестностях древнего Самарканда, как и вокруг древней Маргианы (Гаибов, Кошеленко, Треблева, 2011, с. 67) восстанавливались или заново строились крепости защитного пояса столицы Согда. Такими укреплениями могли быть круглые крепости и, возможно, крепости 40 и 116 в их раннем варианте.

Вероятно, в этот короткий период истории Самаркандского Согда были намечены контуры будущих линий крепостей. Массовое монументальное строительство в новых архитектурных традициях наблюдается в Согде на протяжении III-начале II в. до н.э. Эту дату подтверждает

подъемный материал с обследованных крепостей и нумизматические находки на территории Пастдаргома: тетрадрахма Селевка I и халк Антиоха (Абдуллаев, Бердимуратов, 2010, с. 47), греко-бактрийские монеты из Джама; монета Деметрия (200–185 гг. до н.э.) в окрестностях Исбискета (Дурмен) (Зеймаль, Вафаев, 1982, с. 39). С первых веков до н.э. цепочки квадратных эллинистических крепостей становятся организующей доминантой ландшафта Пастдаргома.

В раннее средневековье часть эллинистических крепостей перестраивалась (53?, 121, 156, 584, 116, 227, 320, 209, 282, 332, 361, 508). Вероятно, менялись и расширяются функции кешка, а со временем возводятся новые мощные кешки, занимающий значительную часть двора (тип VII. 3 – крепость квадратная в плане с кешком внутри дворового пространства). Морфология оборонительных сооружений (282, 116, 322), расположенных на противоположных границах района и в разных географических зонах, позволяет говорить о едином плане фортификационного строительства в регионе и типовой планировке крепостей. Все три крепости имеют ярко выраженную деталь: гребень, соединяющий угловую башню с кешком, что еще более подчеркивает их одинаковое функциональное назначение и одновременность появления в ландшафте. Существование фортификационных сооружений этого типа уже в II в. до н.э. подтверждают раскопки крепости 282 (Койтепа) (Abdullaev, Genito, 2011, p. 28). Часть крепостей квадратного плана (568, 49, 466, 591, 140, 616, 632, 292, 121, 220, 367) могла быть построена заново в раннее средневековье, в эту эпоху оборонительные линии дополнялись и сооружениями новой формы – крепостями удлиненных пропорций (VII.4) разного абриса.

Выявленные нами регулярно расположенные оборонительные сооружения: древние, эллинистические и раннесредневековые крепости – дают возможность предположить, что стихийные процессы расселения в удобных для ведения хозяйства местах не позднее середины I тыс. до н.э. входят в русло, направляемое волевым решением власти, сначала ахеменидской администрацией и краткими решительными действиями наместников Александра. Сложение же системы крепостей, зафиксированной нами по памятникам типа VII.2, происходило на протяжении III в. до н.э. и являлось результатом завоевательной политики Селевкидов и правителей Греко-Бактрии, продолживших эллинизацию «верхних сатрапий». Оперные пункты – военные поселения-катоикки создавались для охраны, в первую очередь, главных путей сообщения и торговли, ведущих к их форпосту на востоке. Векторы цепочек эллинистических крепостей

оказались настолько продуманно верными, что устойчиво сохранялись на протяжении почти тысячелетней истории Согда.

Библиография:

- Арриан, 1993 – Арриан. Поход Александра (перевод М.С. Сергеенко). М.:Л., 1993.
- Абдуллаев, Бердимуратов, 2010 – Абдуллаев К., Бердимуратов А. Монета Диодота из Муминобада Ургутский район Самаркандской области // Традиции Востока и Запада в античной культуре. Ташкент, 2010.
- Гаиров, Кошеленко, Требелева, 2011 – Гаиров В.А., Кошеленко Г.А., Требелева Г.В. О локализации городов Маргианы парфянского времени // ПИФК. № 2. Москва-Магнитогорск, 2011.
- Зеймаль, Вафаев, 1982 – Зеймаль Е. В., Вафаев Г. Тетрадрахма Деметрия из долины Зеравшана // ОНУ. № 5. Ташкент, 1982.
- Пьянков, 1972 – Пьянков И.В. Древний Самарканд (Мараканды) в известиях античных авторов. Душанбе, 1972.
- Шишкина, 1976 – Шишкина Г.В. Северные ворота древнего Самарканда // История и культура народов Средней Азии. М., 1976.
- Шишкина, Сулейманов, Кошеленко, 1985 – Шишкина Г.В., Сулейманов Р.Х., Кошеленко Г.А. Согд // Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985.
- Шишкина, Иневаткина, 2012 – Шишкина Г.В., Иневаткина О.Н. Западные земли Самаркандского Согда. Типология археологических памятников // ПИФК. № 4. Москва-Магнитогорск, 2012.
- Abdullaev, Genito, 2011 – Abdullaev K., Genito B. Trial trenches at Kojtepa, Samarkand area (Sogdiana), (Third Interim Report 2011) // Newsletter di Archeologia CISA, Volume 2. Naples, 2011.
- Chichkina, 1986 – Chichkina G.V. Les remparts de Samarkande á l' époque hellénistique // La fortification dans l'histoire du Monde Grec. Actes du colloque International. Valbonne, décembre 1985. Paris, 1986.
- Swertsckov, 2010 – Swertsckov L. Die Grabungen im Fort Kurgansol im Süden Usbekistans – neue Daten zur Geschichte Zentralasiens am Ende des 4. Jhs. v. Chr. // Aleksander der Grosse und die offnung der Welt. Katalog zur Ausstellung in der Kunsthalle Leoben 21.3.–1.11.2010. Kunsthalle Leoben. 2010.

А. Искандерова

Институт археологии АН, г. Самарканд, РУз

Б. Бабаджанов

Институт востоковедения, г. Ташкент, РУз

ЭПИГРАФИКА И ДЕКОР НА НАДГРОБНЫХ ПАМЯТНИКАХ СРЕДНЕВЕКОВОГО ХОРЕЗМА

В ходе археологических изысканий на средневековых памятниках Хорезма накоплен богатейший материал, позволяющий изучить декор архитектурных сооружений и надгробий мавзолеев XIII–XIV веков. В докладе и затем в статье мы решили представить, наряду с прежде найденными материалами, новые находки, состоящие из фрагментов надгробий и отчасти архитектурного декора с эпиграфикой.

Среди средневековых городов Хорезма одним из богатых торгово-ремесленных и религиозных центров было городище Миздахкан, которое быстрее других возродило свою материальную и духовную культуру, став местом зарождения архитектурных решений и приемов декоративной отделки культовых и гражданских построек. На восточном холме городища находится огромное кладбище, используемое с начала нашей эры до настоящего времени. Памятник впервые обследован А.Ю. Якубовским, затем в разные годы Б.Н. Засыпкиным, В.И. Пилявским, В.Н. Ягодиным и др.

Фрагменты надгробий с *Миздахкана* были обнаружены в разное время (1960-е, 1987–1990-е годы; последняя находка в 2012 году) сотрудниками Каракалпакского Научно-исследовательского института гуманитарных наук. Другой фрагмент надгробия найден на городище *Кетенлер*. Плиты, использовавшиеся в оформлении надгробных сооружений, покрывали некогда надгробия ступенчатой конструкции (типа «*сагана*»). Они были изготовлены из пористого, розовато-белого цвета керамического теста – кашина. Фасад и боковые стороны фрагментов покрыты глазурованной поливой, основание и тыльные части не окрашены. На них имеются надписи. Остальные фрагменты разной формы (удлиненные, подтрапециевидной формы) использовались, видимо, для обрамления боковых краев надгробий. Часть из них оформлена переплетенными черной краской стеблями и листочками, с повторяющимися орнаментами на бирюзовом

фоне. Другие представляют собой повторяющиеся полосы кобальтового цвета, в обводе черных линий, на голубом фоне.

Условно представленные фрагменты облицовок надгробий можно разделить на две группы. Первая из них представлена шестью фрагментами, которые, судя по палеографии почерка, могут быть отнесены к более раннему времени (примерно вторая половина XIII – самое начало XIV в.). Они выделяются богатой гаммой цветов, более тонким и разнообразным узором. Буквы здесь с позолотой, окантованные красной линией. Это почти полностью повторяет стиль надписей надгробия Кусамы ибн 'Аббаса на комплексе Шахи-Зинда в Самарканде (вторая половина XIII в.)².

Вторая группа представляет собой фрагменты глазурованных плит в виде стрельчатых арок, которые крепились на торцевых частях верхней *сагана*. К этой же группе относятся фрагменты с разных частей надгробия-*саганы*, например, окантовок, плит на боковых поверхностях с надписями и т.п. Тексты обрамлялись полосами узоров в виде побегов растений (*ислими*). Узоры прорисовок распылячатые, сделаны скорее наспех, без особой тщательности, иногда с натеками, что говорит о массовости производства. По конструкции, палеографии почерков и отчасти по цветовой гамме ближайший аналог представленным фрагментам – это надгробное сооружение в мавзолее Сайид 'Ала ад-дина/Алоуддина (г. Хива), датируемое концом XIII – началом XIV в. Правда, отделка надгробия 'Ала ад-дина более тщательная и глазурь без цеков.

Надписи первой группы. Почерк фрагментов с эпиграфами – декоративный дивани, диакритика нерегулярная. Судя по имеющимся двум фрагментам, надпись выполнена профессиональными каллиграфами, имевшими хороший навык в написании подобных текстов. Возможно, что каллиграф одновременно был автором и исполнителем узоров. Однако трудно допустить, что он одновременно являлся керамистом, поскольку работа последнего предполагает тяжелый труд, который трудно сочетать с тонкой каллиграфической или художественной работой.

Фрагмент 1. Сохранились левая половинка трех последних строк эпиграфии, из которых более или менее уверенно читаются два слова: «*مسورات* [1]» (возможный перевод: «носящая [богатые] украшения», в смысле аристократка) и титул покойной «*خاتون*» (хатун). Ниже, под титулом «хатун» сохранились две буквы «син» и «ха-йи-хаввас» («...*صه*»). Возможно, это

² Сходство заметно в стиле узоров, цветовой гамме, а также в почерке (*дивани*). Не исключено, что надгробие Кусамы ибн 'Аббаса изготовлено именно хорезмскими мастерами.

тоже часть имени. Судя по этому титулу, эпитафия украшала надгробие высокопоставленной дамы из правящего дома. Для более точной идентификации сохранившегося фрагмента недостаточно.

Фрагмент 2. Это также фрагмент эпитафии надгробия. Почерк скорописный насх, без диакритических знаков. Буквы были покрыты позолотой и окантованы красной глазурью. Сохранилась часть букв двух строк. В первой строке – последние две буквы предыдущего (утраченного) слова «...له» и предлог «که». Во второй строке сохранилась полная графема, которая при отсутствии диакритических точек и контекста может читаться в двух вариантах: «فرضت» (твой долг) и «فرصت» (время, мгновение).

Остальные три фрагмента представляют собой куски облицовки боковых плоскостей сагана. К сожалению, фрагментарность не позволяет сложить из имеющихся остатков букв (ح/ص/ذ) какого-либо слова. Почерк надписи насх, написанный без особых декоративных ухищрений.

Надписи второй группы. Эта группа фрагментов с надписями нанесена на керамических плитках в виде арочек, которые монтировалась на торцевых частях клиновидных наверший, венчавших надгробия-сагана. Они окантованы майоликовым узором. Буквы и часть узоров выведены белыми линиями на бирюзовом, темно-синем (или кобальтовом) фоне. Часть текстов утрачена. Диакритические точки расставлены нерегулярно. Почерк декоративный насх с элементами почерка *дивани*.

Для начала представим текст фрагмента эпитафии, найденного на годище Кетенлер. Текст:

زين جهان رفتيم و دل برداشتيم / با جهان در آن جهان بگذاشتيم / اينچنى گفتم از دست اجل / اى دريغا کجا غلط پنداشتيم
Перевод: Ушли мы из этого мира и отказались от прежних желаний, / Переселившись из этого мира в другой мир, / Так говорим (сожалеем) только по причине смерти, / О, жаль, где же мы ошиблись?

Перед нами *марсийа*/надгробные стихи (точнее, их часть). Она была опубликована Х. Эсбергенювом с приблизительным переводом. Его предложения понимают этот текст с точки зрения мутаэлитской (рационалистической) идеологии и калама, и одновременно попытки толковать содержание в контексте истории суфизма в Хорезме не могут быть приняты во внимание.

Между тем содержание текста (в полном соответствии с традицией жанра *марсийа*) связано с учением (идеологией) «ал-када» («кадр/такдир», «сар-навишт»), проповедующее божественную предопределенность событий в этом мире, что близко к обычным эсхатологическим представлениям как в религиозных догмах (в том числе и в исламе), так и в повседневной жизни. Представленная *марсийа* не найдена в доступной литературе.

Следует особо сказать об особенностях текстов на фрагментах надгробий, найденных на разных объектах некрополя *Миздакхана*. По содержанию и языку они разделены на персо- и арабоязычные. Обратимся к персоязычным фрагментам. На одном из них, найденном на мавзолею *Джумарт касаб*, повторен фрагмент вышеприведенной *марсийа*:

... جهان بگذاشتيم / [اينچنى گفتم] از دست اجل / اى ...
... اى همچو گل در شکت / گل مانند تو ... رفت
(О, подобно цветку ты распустилась, / Останусь цветком, ты ... ушла ...).

Фрагменты, найденные на некрополе *Миздакхан*. На одном из них сохранилась часть даты смерти покойного/покойной, написанной цифрами: ۷۴۴ من ذى الحجة سنة / ... - ... [да помилует его/ее] Аллах! [Умер ... числа] месяца зу-л-хиджа, года 744 (22 апреля – 21 мая 1344 г.).

Любопытные наблюдения позволили сделать другие фрагменты этой же группы. Перед нами части надгробных стихов. Однако практически ни одно из них не содержит полного (по крайней мере, завершенного) текста. Сравнивая части эпитафий, мы убедились, что, по крайней мере, два текста сходны по содержанию. Однако во втором из текстов мы видим значительные сокращения, причем в ущерб содержанию, а, значит, и смыслу текста. Одновременно в более полно сохранившемся тексте № 1 тоже есть пропуски слов и букв, что не позволило прочитать текст полностью. Совершенно очевидным стало то, что художник-исполнитель текста № 2 пытался переписать свой «урезанный» текст, подражая тексту надгробия № 1 (или близкого к нему текста), но, не поняв содержания, пропустил буквы и слова. Сильно сократив таким образом текст, мастер превратил его фактически в эпиграфический орнамент.

К такому же заключению мы пришли, изучая и сравнивая фрагменты следующих двух похожих текстов. Здесь подражательный характер надписи заметен еще больше, когда мастер, явно не понимая смысла персидских фраз, но будучи знаком с арабскими буквами, пытался имитировать похожий прототип, импровизируя даже в оригинальном начертании букв.

Эти наблюдения привели нас к следующему важному выводу. Очевидно, что до изготовления этих четырех фрагментов существовали некие профессионально исполненные прототипы погребальных стихов (*марсийа*) с полными текстами. Изготовители других надгробий, подражая прототипам, начертали, однако, только часть букв и слов, но сильно заботясь о содержании (поскольку, очевидно, не зная персидского языка), и поэтому превращали часть надписей в своеобразный эпиграфический орнамент. Причем, обладая опытом и способностями художника и отчасти каллиграфа, мастера сумели довольно близко передать особенности почерка оригинала.

Такие же наблюдения мы сделали, изучая тексты фрагмента № 6, на котором мы видим текст на арабском языке. Здесь так же наблюдаются некоторые сокращения (меньше, чем в персидских текстах). На одном из них сохранилась благопожелательная молитва в честь умершего:

فصله اللأخى (؟)...

... وصل الى رحمة ربه ... وصلى فى جوار جنته ... الروضة و ساكن هذه التربة عبده الراجى

الى درى (؟)

... да присоединит к милости его Господа ... и да поместит его в свой рай, ... райские сады. А поселившийся в этой могиле Его раб, уповающий ... на Твою щедрость.

Таким образом, представленный комплекс фрагментов может быть датирован концом XIII – началом XIV века. Можно уверенно говорить о сложившейся школе декоративного оформления малых архитектурных форм, к которым могут быть отнесены надгробия типа сагана, некогда украшенные представленными фрагментами декоративных деталей. Тексты, судя по их палеографии, писались мастерами высокого класса, имеющими серьезные навыки в написании такого рода текстов. Однако не всегда и не все из них понимали персидские и иногда арабские тексты и писали марсийа в виде подражаний прототипам, составленным более грамотными мастерами и каллиграфами.

М.-Ш. Кдырниязов, А.К. Алимбетов, О.-Ш. Кдырниязов

Каракалпакский государственный университет им. Бердаха, г. Нукус, РУз

ДОМ РЕЛИГИОЗНОГО ДЕЯТЕЛЯ В ЗОЛОТООРДЫНСКОМ МИЗДАХКАНЕ

В ходе раскопок золотоордынской части Миздахкана в 1986–2013 гг. были открыты более 400 помещений, относящихся к XIII–XIV вв. Жилища городского населения золотоордынского времени Хорезма до начала раскопок в Миздахкане специально не исследовались. Основная наша задача в данном случае – не детальное описание всех вскрытых жилых построек Миздахкана, но выделение одного типа городского жилища XIII–XIV вв., а также, насколько это возможно, рассмотрение интерьеров и их генезиса. В «Восточном квартале II» полностью раскопан дом № 11 (235,34 кв.м), состоящий из одиннадцати помещений с домашней молельней. Дом состоит из жилых, хозяйственных, парадных помещений и большого двора. Площадь помещений, занятая под жилище, составляет 67,39 кв.м (пом. № 3, 4, 8, 10), площадь комнат хозяйственного назначения – 107, 67 кв.м (коридор пом. № 1, двор пом. № 9), совмещенные с кладовыми-закромами 60, 28 кв.м (пом. № 1, 2, 7). Это соответствует стандарту богатого дома. Выход на улицу оформлен в виде тамбура, от него сохранились остатки подушки фундамента из сырцового, жженого кирпича и камня. На полу тамбура остались следы деревянных конструкций, возможно, это остатки резной двери. Через коридор входили в другие помещения и во двор (89,28 кв.м). В северной, западной и южной части двора у стен были суффы, края которых выложены жжеными кирпичами золотоордынского стандарта. Помимо суф в помещениях были тандыр, очаг с каном, закрома, ниши в стенах и ташнау. Например, помещение № 8 в большей части занято «Г-образной» суфой, края которой также облицованы жженым кирпичом. В южной части находился очаг с каном. Справа от очага, в северном углу помещения имеются нишеобразные площадки, пол которых выстлан сырцовыми кирпичами. Кроме того, в западной стене были четыре прямоугольные ниши различного размера с арочным перекрытием. Помещение, судя по интерьеру, является составной частью богатого дома. Средневековые городские жилища парадного характера украшались декоративными нишами. Ибн Баттута пишет, что парадная комната главно-го кади Гурганджа (Хорезма) Абухафса Омара ал Бакри имеет «множество

углублений, а в каждом углублении серебрянные, позолоченные сосуды и иракские кувшины. Такой обычай жителей этой страны убирать свои дома» (Тизенгаузен, 1884, с. 310). В доме № 11 интерес вызывает угловое помещение № 11 (24,55 кв.м), использовавшееся в качестве домашней молельни. Вход в молельню был перекрыт аркой. Порог украшен бордюром из жженого кирпича и обмазан алебастром. Края порога с внутренней стороны укреплены деревянным брусом. Деревянные конструкции украшали и стены помещения. В середине восточной стены сохранился оконный проем. В глубине комнаты, в центральной части южной стены открыта михрабная ниша. Стенки михраба в нижней части, высоте 0,40 м от уровня пола облицованы шлифованными спаренными жжеными кирпичами с изразцами-бантиками и растительным орнаментом под голубой поливой куня-ургенчского типа. Бантики повторяют формы и узоры изразцов-перемычек мавзолея Мазлумхан-Сулу. Передние углы ниши михраба справа и слева от входа увенчаны кашинными майоликовыми капителями покрытыми глазурью бирюзового цвета (Кдырниязов, 2003, с. 10-11). Левая капитель расчленена на три орнаментальных ряда, каждый из которых украшен подглазурным растительным и эпиграфическим орнаментом и рельефом. Правая капитель по размерам и форме такая же, как и левая, но композиция состоит из переплетающихся двулистников (?), может быть, и трилистников со стеблями в центре и орнаментальной цепочкой розеток. Здесь пояс с арабской надписью отсутствует, вместо него капитель украшает рельефный волнообразный орнамент в виде парящего облака. Он напоминает аналогичный по очертанию узор на кашинной керамике золотоордынского времени. В целом в орнаментации капителей присутствуют все элементы архитектурного декора, известные по мавзолеям Хивы, Куны-Ургенча и Миздахкана XIII-XIV вв.

Молельня в комплексе дома № 11 показывает социальное положение владельца, принадлежащего к городской верхушке, в среде которой было немало религиозных лиц. Ибн Баттута, посещая Кят и Ургенч, пишет о хорезмийских «кади, шейхах городов, проповедниках, словословах, мавланах и муддарисах» (Тизенгаузен, 1884, с. 310-311). Они были представителями городского патрициата. В золотоордынском городе Миздахкан открыты шесть квартальных мечетей и двухзальная Джума-мечеть с михрабами (Кдырниязов М.-Ш, Кдырниязов О.-Ш, 2011, с. 49-53). Наличие в Ургенче богатых домов религиозных деятелей подтверждается данными «Путешествия» Ибн Баттуты. Здесь мы находим сообщение о том, что кади Абухафс Омар Элбекри имел «дом, находящийся близ мечети» с «чудесным залом и роскошным интерьером». Такой прием украшения

жилищ знатных мужей широко практиковался не только в Ургенче, но и в других городах (Миздахкан).

Таким образом, дом № 11, изученный в Миздахкане, является жилищем местного религиозного деятеля. Социальное превосходство владельца наблюдается по размерам площади дома, по наличию богатого интерьера жилища (в штукатурке алебастром, поливным изразцам, бантикам-перемычкам и использованием резного дерева). Элементы украшения интерьеров дома генетически связаны с местными традициями архитектуры жилищ и общественных зданий XIII-XIV вв.

Библиография:

- Кдырниязов, 2003 – Кдырниязов М.-Ш. Капители Миздахкана // Искусство. № 2. Ташкент, 2003.
- Кдырниязов, Кдырниязов, 2011 – Кдырниязов М.-Ш, Кдырниязов О.-Ш. Мечети Миздахкана // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. Материалы Международной научной конференции, посвященной 20-летию независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. 13-14 декабря 2011 г. Алматы, 2011.
- Тизенгаузен, 1884 – Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том 1. СПб., 1884.

Г.Ю. Колганова,

Институт востоковедения РАН, г. Москва, РФ

М.Г. Никифоров

Московский Государственный Университет, г. Москва, РФ

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНЕХОРЕЗМИЙСКОГО КОМПЛЕКСА КОЙ-КРЫЛГАН-КАЛА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ДРЕВНИХ АСТРОНОМИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

В работе изучен древнехорезмийский комплекс Кой-Крылган-кала с точки зрения археоастрономии. Согласно предыдущим исследованиям (Воробьева, 1967, 1969), основное сооружение комплекса ориентировано по азимуту 69°, который связан с направлением восхода Солнца в середине промежутка времени между весенним равноденствием и летним солнцестоянием и (или) в направлении точки восхода Фомальгаута [а Южной Рыбы]. Развитие этих идей получило продолжение в работе М.С. Булатова, который привязал восход Фомальгаута к майскому паводку Амударьи и выдвинул ряд астрономических гипотез (Булатов, 1988).

Все предположения об астрономическом использовании сооружения Кой-Крылган-калы основаны на анализе археологических планов, по которым был определен азимут. Мы провели сравнение планов археологических памятников, исследованных Хорезмской археолого-этнографической экспедицией на территории южного Приаралья и опубликованных в литературе с 1948 по 1998 года с высокоточными спутниковыми снимками из программы Google Earth. В общей сложности было использовано 23 археологических плана 15-ти сооружений, для которых мы смогли получить спутниковый снимок достаточно высокой точности.

Статистический анализ показывает отсутствие унификации измерений. На разных археологических планах одного и того же сооружения могут быть обозначены разные меридианы. Наиболее часто приводится истинный меридиан, который указывает направление на полюс мира, однако в ряде случаев дается направление на магнитный север, который смещен к востоку относительно истинного севера на ~5,5°. Для некоторых памятников обнаруженная неувязка азимутов превышает 10°, что свидетельствует о наличии ошибок другого происхождения. Иногда причину ошибки можно установить. Например, согласно спутниковым снимкам, основная ось комплекса Кой-Крылган-кала ориентирована по азимуту

80°, а не 69°, как считалось ранее. Отличие в 11° совпадает с удвоенной величиной магнитного склонения. Следовательно, можно предположить, что при пересчете магнитного севера к истинному северу магнитное склонение было учтено с неправильным знаком.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что археологические планы экспедиции не пригодны для изучения пространственной ориентации сооружений. Поскольку предыдущие исследования Кой-Крылган-калы основаны на интерпретации ошибочного значения азимута 69°, все полученные ранее выводы относительно астрономических аспектов функционирования этого памятника, соответственно, также являются ошибочными.

Согласно этнографическим сведениям (Куфтин, 1916; Гулямов, 1957; Узбеки, 2011), майский паводок Амударьи в древности назывался «юлдуз дошуви» или «паводок Плеяд». Авторский коллектив М.Г. Воробьевой предложил Фомальгаут на роль звезды, с помощью которой предсказываются разливы Амударьи, при этом паводковый режим реки не был исследован. Следуя гипотезе М.Г. Воробьевой, М.С. Булатов заменил в данных Гулямова «паводок Плеяд» названием «паводок звезды», которую отождествил с Фомальгаутом.

Согласно нашим расчетам (Колганова, 2014), в период начала функционирования комплекса Кой-Крылган-кала, гелиакальный восход Плеяд совпадал с моментом майского паводка Амударьи, а момент видимости Плеяд наступал на азимуте $A=78^{\circ}-79^{\circ}$, что очень близко к найденному азимуту 80°. Получается, что с помощью наблюдения первой утренней видимости Плеяд можно было предсказывать майский паводок Амударьи.

Выдвигаемая нами гипотеза состоит в том, что основная ось комплекса Кой-Крылган-кала ориентирована по азимуту восхода Плеяд, которые имели особенное значение в древнехорезмийской культуре и использовались в древности в качестве маркера майского паводка.

Библиография:

- Булатов, 1988 – Булатов М.С. Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии в IX-XV вв. М., 1988.
- Воробьева, 1967 – Воробьева М.Г., Рожанская М.М., Веселовский И.Н. Кой-Крылган-кала – памятник культуры Древнего Хорезма IV в. до н.э. – IV в. н.э. // Труды ХАЭЭ. Т. 5. М: Наука, 1967.
- Воробьева, 1969 – Воробьева М.Г., Рожанская М.М., Веселовский И.Н. Древнехорезмийский памятник IV в. до н.э. Кой-Крылган-кала с точки зрения истории астрономии // ИАИ. Вып. X.

- Гулямов, 1957 – Гулямов Я.Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1957.
- Колганова, 2014 – Колганова Г.Ю., Никифоров М.Г., Рейджс В.М. Археoaстрономические исследования древнехорезмийского комплекса Кой-Крылган-кала // Восток (Oriens) №4 (одобрено к публикации).
- Куфтин, 1916 – Куфтин Б.А. Календарь и первобытная астрономия киргиз-кайсацкого народа // Этнографическое обозрение, №3-4, с. 123-150.
- Узбеки, 2011. / Отв. ред. Арифханов З.Х., Абашин С.Н., Алимов Д.А. М., Наука.

Matteo Compareti

ISAW-NYU

THE "EIGHT DIVINITIES" IN KHOTANESE PAINTINGS: LOCAL DEITIES OR SOGDIAN IMPORTATION?

Recent archaeological excavations at the site of Dandan Oiliq (Khotan region, Xinjiang Autonomous Province) shed some fresh light about the identification of the equestrian deities in Khotanese paintings. The figures of these eight horse riders appear in one newly found Buddhist painting whose donor (called Budai) left also an inscription which identify them as the "eight divinities". Each of them presents a halo behind the head while a black bird seems to be directed right into the cup that they hold in the right hand. They appear also on some votive wooden tablets and rare wall-paintings always to be found in a Buddhist context although they do not seem to be Buddhist at all. However, this is the first time that an explanatory inscription has been discovered. In some cases, a haloed camel rider holding a cup where a black bird seems to be directed is represented together with the horse rider. They have been considered to be local deities by B. I. Marshak while M. Mode attempted to identify them as Sogdian divinities introduced in the Khotan region by Sogdian merchants who were particularly numerous in this part of the Tarim Basin at least until the tenth century CE. This paper is an attempt to reconsider the identification of those deities.

Ж.К. Курманкулов

Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Республика Казахстан

Е.В. Переводчикова

Государственный исторический музей, г. Москва, РФ

С.Б. Болелов

Государственный музей Востока, г. Москва, РФ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К РАННЕЙ ИСТОРИИ ГОРОДИЩА ЧИРИК-РАБАТ

Городище Чирик-Рабат, находящееся в 300 км к юго-западу от г. Кызыл-Орда, расположено на возвышенности, на берегу сухого русла Жаны-дарьи и окружено крепостными стенами. Значительную часть верхней террасы Чирик-Рабата, в пределах оборонительных стен, занимают курганы и наземные погребальные сооружения V–II вв до н.э. Их доминирующее положение на памятнике дает основание предполагать особый статус этого городища среди других укрепленных поселений Чирик-Рабатской культуры. Одной из основных задач исследований на городище является выявление и характеристика культурных слоев и построек раннего периода, не связанных с погребальными сооружениями, если таковые были.

Южная часть Чирик-Рабата вторично обживалась в эпоху средневековья, тогда же здесь была построена прямоугольная в плане цитадель. Наличие на этой части городища древнего культурного слоя установлено в ходе работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции 1957–1960 гг. В стратиграфическом раскопе рядом со стеной цитадели были обнаружены строительные остатки IV–II вв. до н.э., относящиеся к двум строительным периодам. В результате было выявлено по крайней мере два периода существования городища на ранней стадии.

В 2008–2011 г. Чирик-Рабатской экспедицией Института археологии им. А.Х. Маргулана под руководством Ж.К. Курманкулова вскрыт участок культурного слоя чирик-рабатского времени в ЮЗ части средневековой цитадели. Слой залегал под пахсовой платформой цитадели средневекового города. Плохая сохранность построек в верхней части раннего строительного горизонта свидетельствует о том, что строительные конструкции и культурные слои этого периода долгое время находились в открытом состоянии.

Несмотря на это, удалось получить некоторые данные об изменении планировки в конце чирик-рабатского периода жизни городища.

В пределах раскопа, на расстоянии 3 м друг от друга, обнаружены две параллельные каркасные стены с ямками от столбов квадратного сечения, идущие в направлении СВ-ЮЗ. Стены открыты на расстоянии более 9 м. Никаких следов поперечных стен между ними не обнаружено. Вместе с тем зафиксированы крупные конструкции, стенки которых представляют собой невысокие глиняные валики и некие легкие каркасные сооружения. Здесь же расчищены прямоугольные в плане печи или очажные сооружения. Все это позволяет предполагать, что здесь открыта часть большого, возможно, хозяйственного, двора.

На этом же участке раскопа, сильно размытого и частично перекрытого слоями супесчаных натеков, обнаружена яма, оставленная основанием колонны размерами 80х80 см. В отличие от направления стен, она ориентирована по сторонам света. Похожие ямы, но худшей сохранности были найдены за стеной двора.

Таким образом, факт существования как минимум двух периодов жизни на городище в древности дополняется наблюдением о смене планировочных концепций в конце чирик-рабатского периода существования памятника. Пока не удалось проследить ни стен, ни полов более ранней планировки – это дело будущих раскопок. Однако расположение основания колонны позволяет говорить о том, что более ранняя планировка была ориентирована по сторонам света, а построенные потом стены имеют направление. Они ориентированы на большие курганы, расположенные в северной части памятника. Такую же ориентировку приняли и строители средневековой цитадели. Возможно, им была известна последняя планировочная концепция древнего периода.

Культурные слои, относящиеся к первому периоду жизни памятника, были обнаружены также за стеной цитадели на глубине 1,8 м от ее верха, где на участке, замощенном сырцовыми кирпичами, обнаружена серия небольших округлых в плане ямок, возможно, это гнезда от вертикальных стоек.

В ходе раскопок получен немногочисленный, но весьма выразительный керамический комплекс, по стратиграфическим данным, безусловно, относящийся к раннему периоду жизни городища.

По способу изготовления вся керамика подразделяется на две группы: посуда, изготовленная на гончарном круге быстрого вращения, и посуда, изготовленная от руки и подправленная на гончарном круге.

Находки фрагментов сосудов первой группы единичны. Все они сформированы из глины хорошего качества с незначительными примесями извести и, в меньшей степени, хорошо измельченного шамота.

Обращает на себя внимание фрагмент стенки крупного гончарного сосуда, возможно, фляги, на внешнюю поверхность которого до обжига был нанесен рисунок. Сохранилась только нижняя часть, как можно предполагать, фигуры птицы с длинным хвостом. Фрагмент по-своему уникальный, во всяком случае, ничего подобного в керамических комплексах Чирик-Рабатской культуры не встречалось. Изображение птицы можно рассматривать как прямое местное подражание хорезмийским флягам с оттиснутыми рельефами на плоской стороне, где иногда изображались пернатые (Кой-Крылган-кала). Можно также отметить небольшой фрагмент красноглиняного кувшина, снаружи покрытого плотным красным ангобом, с отогнутым, подтреугольным в сечении, слабо профилированным венчиком. По технологическим и морфологическим признакам данный кувшин находит себе прямые аналогии в комплексах последней трети I тыс. до н.э. земледельческих областей Средней Азии, прежде всего, Хорезма.

В количественном отношении в комплексе, безусловно, преобладает керамика второй группы, где ведущими формами являются горшки и кувшиновидные сосуды без ручки с невысокой горловиной. По параметрическим признакам эти сосуды достаточно близки между собой и находят прямые аналогии в керамических комплексах Чирик-Рабатской культуры. Кроме того, большая часть этих сосудов, прежде всего горшки и кувшиновидные сосуды, определенно схожи с керамикой из курганов раннесарматского времени в южном и юго-восточном Приуралье и южном Зауралье.

Характерной особенностью керамического комплекса из ранних слоев Чирик-Рабата является полное отсутствие в нем керамики, изготовленной в подражание эллинистическим образцам. Отметим, что присутствие эллинистических форм керамики, прежде в группе столовой посуды, является характерной чертой Чирик-рабатского керамического комплекса в целом. Традиционно это объясняется влиянием эллинизированных областей юга Средней Азии, в большей степени Согда. Эллинистические формы посуды появляются в низовьях Сырдарьи не ранее начала III в. до н.э. Таким образом, отсутствие в комплексе этих сосудов может служить хронологическим индикатором. Следовательно, комплекс, полученный из нижних культурных слоев Чирик-рабата, следует датировать в пределах IV в. до н.э., не исключая при этом рубежа III–IV вв. до н.э.

И.Л. Кызласов

Институт археологии РАН, г. Москва, РФ

СВИДЕТЕЛЬСТВА ЗАПАДНОАЗИАТСКОГО ЭТАПА ПРАТЮРКСКОГО КУЛЬТУРОГЕНЕЗА

Косвенные данные, вполне ощутимые для археолога в атавизмах раннесредневековых культур Южной Сибири, указывают на два древних этапа истории их носителей, последовательно пройденные в разных областях Евразии – первоначально в Западной, а затем уже в Восточной Азии.

Государственность центральноазиатских гуннов во II–I вв. до н.э. вытеснила или, скорее, поэтапно переселила на север, на Саяно-Алтайское нагорье *первые достоверно известные науке тюркоязычные народы*. Воздействию северокитайских культур (доханьских и раннеханьской, а также, вероятно, и раннегуннской, к тюркам не принадлежавшей) объясняются многие пришлые для Саяно-Алтая и Монголии черты археологических культур того времени: таштыкский и шурмакский стиль гравировки, «кыргызские» и уйгурские круговые вазы (позднее пришедший к Великой стене народ *тюрк* их не знает), чешуйчатый доспех из куртки и брюк, горизонтальные цитры (типа хакасского чатхана), погребальные миниатюрные предметы (стремена, уздечки, зонты) и малые скульптуры людей и животных и т.п.

Однако центральноазиатский этап ранней истории тюркских народов видится не первым, а, по крайней мере, вторым звеном в их культурном развитии и не указывает на место их древнейшего обитания. Судя по известным данным, вторичный этап культурогенеза был свойствен только восточнотюркским народам древности, пришедшим с первоначальной прародины позднее исхода оттуда прахазаро-булгар. Важно понять: весь второй этап пратюркского культурогенеза пришелся не во времена, а уже *ко времени* гуннской экспансии.

Культурные черты, принесенные в Сибирь тюркоязычными *гяньгуинями* (*кыргызами*) во II–I вв. до н.э., указывают на их древнюю тесную связь с индоевропейским миром. Особенно показательны здесь две особенности: сжигание умерших (характерное как для древних хеттов, так и для греков, германцев, славян, прочих индоевропейцев) и поклонение корове (с возведением своего первопретка к браку бога и коровы). Надежно устанавливается культурная связь с индоевропейским миром и для

ашина. Само их имя гипотетически возводится к восточноиранским языкам («небесный, синий»). Среди пяти преданий о происхождении ашина, записанных в VI–VIII вв., есть легенда о трех братьях, приведенных на Алтай коровой. Указания на сжигание мертвых долго смущали историков и археологов, т.к. те знают только один обряд тюрков – погребение человека с конем. В источниках же речь идет о сожжении умерших каганов – правящий род в VI–VII вв. сохранял исконный обычай, в то время как население хоронило по-своему.

Трупосожжение кыргызов, ашина и новых жителей Тувы II–IV вв. (шурмакская, или кокельская культура) выявляет общий культурный признак тюркоязычных народов, пришедших в Южную Сибирь с юга. Вопреки китайским описаниям, этимология исконной лексики рунических надписей рисует мир пратюрков не кочевым, а оседлым: армия была пехотой, вооруженной копьями, хозяйство ирригационным, жилища глинобитными и круглыми. Науке предстоит найти корни такой культуры. Заметные ныне общие черты ранних тюркских культур направляют поиск их начал не в Центральную, а в Западную Азию.

Культурную загадку составляет и отмеченное для тюркоязычных создателей Древнехакасского, Караханидского и Хазарского государств деление жизненных вех на три 20-тилетних отрезка, не соотносимых с двенадцатеричным годичным циклом календаря, равно как и с возрастными градациями других древних и средневековых народов. Распространение двадцатичного возрастного счета на огромном пространстве от Енисея до Волги побуждает отнести его к давней общетюркской поро, а возникновение его социальных свойств вновь позволительно искать в западноазиатских пределах (быть может, среди субстратных культур Кавказа, поскольку применение двадцатеричного счета объединяет там народы самых разных языковых групп).

Дополню названные западноазиатские признаки выявляемым ныне семитским происхождением и былым архаичным (слоговым) алфавитным строем рунического письма – общего предка енисейского и орхонского алфавитов, а также обликом письменных документов, изначально связанных с азиатскими рунами. Черновики, заготавливаемые резчиками енисейских эпитафий, оказались архаичнейшими наборами деревянных стержней и планок, а составление и чтение текста – движением от нижней строки к верхней.

Палеографическая систематика делит степные рунические письмена на два самобытных класса – евроазиатский и азиатский, никак не связанных друг с другом корнями. Значит, и стоящие за ними тюркские народы

издревле разделялись на две различные по истокам большие культурные группы, сложившиеся в неведомую по древности эпоху восприятия и формирования названных письменных систем. Евроазиатская часть (кубанский, донской и ачикташский алфавиты) принадлежит булгаро-хазарскому ареалу, а азиатская группа (енисейский и орхонский) – восточнотюркским народам: разделение на западных и восточных произошло у тюркских народов рано.

Его отмечают и хорошо известные языковые различия: чуваши, булгары, хазары – с одной стороны, и все прочие тюркские народы – с другой. Сохранение языковой и палеографической архаики позволяет думать, что хазаро-булгарский компонент протуберанцем отделился от прототюркского ядра и долго пребывал вне контактов с прочими тюркскими народами. Восточнотюркский мир, продвигаясь на запад, поглотил некогда отселившихся старообрядцев – уцелели только чуваши.

Очевидно, западноазиатский этап ранней культурной истории тюркоязычных народов, при современных возможностях взглянуть в древность воспринимаемый нами как начальный, следует отнести, археологически говоря, к бронзовому и раннему железному векам.

П.Б. Лурье

Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург, РФ

СОГДИЙСКАЯ ШКОЛА

Достаточно широкое распространение грамотности среди согдийцев и даже согдианок должно указывать на существование школ, в которых учили письму. Говорить о специальных помещениях для школ пока не приходится, однако можно реконструировать какие-то элементы обучения грамоте. Для этого полезно совместить находки учебных текстов как собственно из Согдианы (в первую очередь, Пенджикента), так и из областей согдийской колонизации (в основном Турфанский оазис).

В раннем средневековье обработанная для письма кожа была очень дорогим материалом, достаточно дорогой была и бумага; в качестве недорогого писчего материала использовались рассеченные палки, однако им тоже можно было найти более рациональное применение – использовать как топливо. Поэтому большинство учебных текстов, как минимум на начальной стадии обучения, нанесены на черепки (остраки) и кости. В Согдиане, в отличие от более восточных областей, органика при раскопках сохраняется плохо, но учебные тексты на устойчивых материалах доживают до наших дней.

Первым и, по-видимому, повторяющимся упражнением было выписывание алфавита. Кроме простых алфавитов есть черепки, на которых азбука повторяется в две строки, причем первая выполнена хорошей рукой, а вторая – неумелой. Очевидно, это пропись учителя и повторение ученика. Прописью, вероятно, являлась и опубликованная В.А. Лившицем согдийская азбука с цитадели Древнего Пенджикента.

Следующим упражнением была формула датировки «в тот год, когда правителю NN столько-то лет было». Пенджикентские упражнения не дают, к сожалению, имени правителя (многие из остраков по археологическим признакам должны датироваться временем много позже потери Панчем независимости), в Пайкенде, возможно, по традиции выписывалась дата по Кидаре.

Другое упражнение – формуляр письма «такому-то, богу, правителю, много почтения...». В одном случае этот формуляр сочетается с басмалой – вероятно, ученик осваивал и согдийское, и арабское письмо, в

Турфане найден достаточно пространственный ученический формуляр письма, адресованного царице Карашара.

Один турфанский фрагмент, на оборотной стороне бумаги, можно считать своего рода экзаменом. Ученик клянется, что станет «хорошим писцом», за этим следует авторизация «даю слово», и имя экзаменатора, уже другим почерком.

Обучение письму, видимо, не всегда соотносилось с обучением любви к искусству. Этим можно объяснить тот факт, что ряд ученических надписей в Пенджикенте выведен *secundo manu* непосредственно по поверхности настенных росписей.

В.Е. Маслов

Институт археологии РАН, г. Москва, РФ

Памяти Б.И. Вайнберга

КОМПОЗИЦИЯ С НОМАДАМИ ИЗ КАЛАЛЫ-ГЫР 2

Изображение, выполненное на роговом предмете, найденном на городище Калалы-гыр 2 в левобережном Хорезме, очень яркая находка, которой уже посвящен ряд публикаций. Наиболее полное и подробное исследование появилось совсем недавно (Ильясов, 2013). Однако сюжет изображения, его детали, а также проблема культурно-хронологической принадлежности предоставляют широкие возможности и для иных интерпретаций.

Изображение нанесено резцом опытного мастера. Частично оно контурное, частично выполнено в низком рельефе. Сложная, изогнутая поверхность предмета и обилие деталей предполагает наличие подготовительного рисунка – эскиза, который затем был нанесен на поверхность рога. Композиция состоит из двух частей сцены священной охоты: конного героя, поражающего стрелой кошачьего хищника, возможно, символ хтонического мира, и лидера/божества, сидящего с поджатыми ногами и упершегося в бедро руками. Представляется, что это своеобразная цитата эпического цикла, связанного с сакрализацией инвеституры царской власти (Королькова, 2002).

Сам предмет по форме входит в обширную группу роговых изделий Т- и У-образной формы, обычно имеющих одиночные отверстия у краев выступов, довольно часто покрытых гравированным декором. Подобные изделия в разные эпохи были распространены на огромной территории от Забайкалья до Центральной Европы. Им посвящена обширная литература. Исследователи хазарских древностей склоняются к мнению, что они являлись реликвариями, т.е. вместилищами оберегов или других мелких вещей (Флерова, Флеров, 2005). На наш взгляд, назначение их могло варьировать, и более правомерно рассматривать их как контейнеры: вместилища мелких вещей или сыпучих веществ, что подтверждается использованием их в позднем средневековье в качестве пороховниц.

Наиболее ранние находки такого рода известны на памятниках хуннской культуры в Забайкалье – Иволгинское городище (Давыдова, 1995)

и Дырестуйский могильник (Миняев, 1998), современная датировка которых – II–I вв. до н.э. (Ковалев и др., 2011). В сарматских древностях находка подобного предмета (вместе с фрагментом ханьского зеркала) происходит из Кобяковского некрополя (Guguev, 1986). Два подобных предмета, дополненные золотыми наконечниками, очевидно, входили в состав погребального инвентаря вождя-скептуха из Косики (Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993), в котором также имеется целый ряд вещей хуннского круга. По крайней мере, в двух из этих комплексов подобные контейнеры являлись принадлежностью поясного набора, в состав которых входили «ложковидные» подвески.

Датировка калалы-гырской находки должна быть основана на реалиях соответствующим изображенным деталям, которые уже подробно рассмотрены Дж. Ильясовым. Исследователь установил, что горит всадника имеет прямые аналогии из могильника Ния восточноханьского времени в Синьцзяне и широкий круг изобразительных параллелей. Наиболее ранние изображения представлены на известных золотых поясных пряжках из Сибирской коллекции (Руденко, 1962), которые бесспорно связаны с широким кругом ордосских бронзовых и золотых предметов эпохи расцвета хуннской державы, которые суммарно датируются III–I вв. до н.э. (Bunker, 2002). На этом же изображении находит аналогии предмет – кисть (?), подвешенная с левой стороны коня, о назначении которой существуют различные мнения (Пуасов, 2003). Таким образом, восточное влияние в снаряжении кавалериста выражено очень отчетливо.

Но само изображение коня, стоящего на задних ногах, его экстерьер – способ, которым завязан хвост, ровно подстриженная грива, манера посадки всадника, уводят нас в иранский мир, связанный с ахеменидскими традициями, представленными среди изображений на глиптике (Ковалевская, 2009).

Важнейшим элементом композиции является изображение кошачьего хищника, очевидно, пантеры. Для этого образа разнообразные параллели имеются среди образов эллинистического искусства. Наиболее хронологически близкие изображения на фаларах из Старобельского клада и находок у с. Твардица, где тела пантер также покрыты насечками, включенные В.И. Мордвинцевой в группу изделий II–I вв. до н.э. (Мордвинцева, 1999). Мастер, скорее всего, подражал сразу нескольким известным ему изображениям кошачьего хищника на металлических предметах, что превратило его в фантастический образ, получивший в научной литературе разнообразные трактовки. У этого хищника вертикальными волнистыми линиями передана грива, а поверх параллельных насечек, имитирующих шерсть, на теле и крупе довольно небрежно нанесены кружки с

разомкнутыми концами. Подобные кружки декорируют шкуры леопардов на пластинах из Тахти-Сангина (Litvinsky, 2001). Этот прием редко применялся в изображениях хищников на изделиях греческой торевтики, и, возможно, его происхождение связано с ахеменидским искусством (Кубышев, 2009).

Таким образом, сочетание «хуннских» и эллинистических черт определяют время создания предмета – конец II – I в. до н.э. Данному заключению не противоречит и манера, в которой передано лицо конного воина. Оно резко отличается от лиц орлатских всадников, у которых заметны бороды эспаньолки и деформированные черепа, причёски с открытым ухом; у калалы-гырского же всадника – стриженная клинообразная борода. К сожалению, неясно, причёска или головной убор занимают заднюю часть головы. Следует отметить определенное сходство данного профиля с изображением на монетах Вашхувара доаршакидского чекана (Зеймаль, 1979). В свою очередь, профиль на монете является продолжением традиций ахеменидского портрета.

Прическа же и вислые усы сидящего персонажа напоминают изображения воинов на серебряных сосудах из Косики и Вербовки (Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993; Мордвинцева, 2006). Его меховые (!) ноговицы (изображены ли ноговицы у всадника, вопрос не бесспорный) подчеркивают верховный статус.

С определенной вероятностью можно предполагать, что калалы-гырский роговой сосуд-контейнер был изготовлен в Хорезме, вероятно, ремесленником косторезом, ювелиром или резчиком по дереву. Его присутствие в храмовом комплексе требует дальнейшего осмысления.

Библиография:

- Давыдова А.В. Иволгинское городище // Археологические памятники сунну. СПб., 1995. Вып.1.
- Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. Сарматское погребение скептуха I в. н. э. у с.Косика Астраханской области // ВДИ. 1993. № 3.
- Зеймаль Е.В. Амударьинский клад. Каталог выставки. Л., 1979.
- Ильясов Дж.Я. Об изображении на роговом предмете с городища Калалы-гыр 2 // РА. 2013. № 2.
- Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., Идэрхангай Т.-О. Элитный хуннский курган Хух удзуурийн дугуй II-1 в Бужан сомоне (Ховд аймак) и его значение для реконструкции погребального ритуала хунну (предварительное сообщение) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы международной науч. конф. Иркутск, 2011. Вып. 2.

- Ковалевская В.Б. Персидские всадники и их кони // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2009
- Королькова Е.Ф. «Священная охота» - мотив в изобразительном искусстве и возможное семантическое прочтение // Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции посвященной 100-летию со дня рождения М.П.Грязнова. СПб., 2003. Книга II.
- Кубышев А.И., Бессонова С.С., Ковалев Н.В. Браталюбовский курган. Киев, 2009.
- Миняев С.С. Дырестуйский могильник // Археологические памятники сунну. СПб., 1998. Вып.3.
- Мордвинцева В.И. Так называемый «Греко-бактрийский стиль» в эллинистической торевтике // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железа и средневековья. Волгоград, 1999.
- Мордвинцева В.И., Хабарова Н.В. Древнее золото Поволжья из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Симферополь, 2006.
- Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М., 2005.
- Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I // САИ. Вып.Д-3-9. 1962.
- Флерова В.Е., Флеров В.С. Роговой реликварий с территории Хазарского каганата (уникальный сюжет с одноногими духами) // РА. 2005. № 2.
- Bunker E.C. Nomadic Art of the Eastern Eurasian Steppes. N.Y., 2002.
- Guguev V.K. The Burials in the Kobayakovo Barrow-cemetery // Raev B.A. Roman Import in the Lower Don Basin. BAR 1986. 278.
- Ilyasov J. Covered Tail and "Flying" Tassels // Iranica Antiqua. 2003. V. 38.
- Litvinsky B.A. The Bactrian Ivory Plate with a Hunting Scene from the Temple of the Oxus // Silk Road Art and Archaeology. V. 7. Kamakura, 2001.

С. Мирзаахмедов

Институт археологии АН, г. Самарканд, РУз

**ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ ОБ АРХИТЕКТУРНО-
ПЛАНИРОВОЧНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЮЖНОГО КРЫЛА РАБАТА –
КАРАВАНСАРАЯ 4
В ПРИГОРОДЕ ПАЙКЕНДА
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА IX – НАЧАЛО XIII В.)**

Первые систематические археологические исследования городских центров и сельских поселений низовьев Зарафшана, начатые еще в 30-х годах прошлого столетия совместной экспедицией Государственного Эрмитажа, Института Истории Материальной Культуры и Средневековья под руководством А.Ю. Якубовского, в последние десятилетия получили дальнейшее продолжение и сконцентрировались на одном из эталонных памятников Бухарского оазиса – городище Пайкент. К настоящему времени здесь, продолжая традиции предыдущих исследователей, ярких представителей советской археологической школы, сотрудниками Эрмитажа и Института археологии АН Узбекистана проделана значительная работа по изучению исторической топографии, фортификации, особенностей структуры застройки Цитадели, Шахристанов I, II и пригородов памятника.

Ввиду расположения городища в полупустынной зоне особое значение приобретает изучение его пригородов, археологически слабо освещенных по другим крупным городским центрам Согда.

В 50-е годы прошлого столетия Г.В. Шишкиной в округе городища были выявлены раннесредневековые наусы, вскрыт замок Бад Асия, а Я.Г. Гулямовым – основные системы водоснабжения. В последующие годы к работе подключились сотрудники Государственного музея Востока и Музея Лувр, внесшие определенный вклад в изучение жилой застройки города, характерной планировочной структуры пригородов и керамического квартала со значимым для региона специализированным производством неглазурованной керамики, в том числе изготовленной в подражание металлургическим сосудам.

Значительное место и роль в исторической топографии пригородов занимали, по данным источников, особо выделяемые в количестве «тысяч» рабаты. Даже будучи сильно завышенными, эти легендарные сведения

источников свидетельствуют об огромной военно-стратегической и экономической роли города, далеко выдвинутого в степь и расположенного на центральной транзитной трассе, соединявший Мавераннахр с Хорасаном с центральными частями Халифата. Учитывая это обстоятельство, в последние годы были продолжены исследования рабатов в южном и восточном пригородах городища.

Уже первые результаты работ показали, что они были построены в традициях раннесредневековой сырцово-кирпичной монументальной архитектуры, но с учетом зарождающихся новаций классического средневековья. По данным, массовое строительство рабатов в округе Пайкенда начинается с конца VIII в., т.е. с растянувшейся почти на столетие эпохи, невиданной по ожесточенности и длительности и проходившей с переменным успехом борьбы местных оседло-земледельческих и кочевых народов против арабских завоевателей. В результате народы Средней Азии вошли в новую эпоху с новой мировой религией – исламом и, вместе с этим, стали частью трансконтинентальной исламской ближневосточной цивилизации.

Завоеватели принесли с собой и принудительно внедряли экономическими и политическими мерами новую идеологию, совершенно новый образ мышления, менталитет и государственный язык Халифата – арабский. При этом проводилось принудительное расселение в частные жилища горожан и контроль за их вероисповеданием со стороны военных и административных членов титульной арабской диаспоры. Это привело впоследствии к конфронтации и столкновениям вновь исламизированного городского населения с неисламизированным сельским или, чуть позже, жителей исламизированных оазисов с неисламизированной кочевой степью. Подобные аспекты гражданских войн особенно хорошо прослеживаются на рубеже 70–80-х гг. III в. при восстании Муханны и привлечении последних для набегов на оазисы с преимущественно мусульманским населением еще не исламизированных кочевых тюрок. По данным источников, именно с этого периода и были приняты со стороны арабских наместников акты по масштабному строительству грандиозных оазисных стен и, в частности, длинной стены Бухары Кампыр-девор, охватившей значительную часть компактно расположенных рустаков региона. В тех же случаях, когда отдельные микрооазисы были выдвинуты далеко в степь, здесь строились рабаты – военные постоянные дворы по противовейстию и защите городов и селений от набегов кочевников.

С постепенной исламизацией края к середине IX века надобность в военном предназначении подобных сооружений начала отпадать и рабаты, обычно располагавшиеся на стратегически и географически

важных участках транспортных артерий, стали превращаться в близкие к ним по назначению и конструктивным особенностям постоянные дворы – караван-сарай.

Одним из таких ранних сооружений, раскапываемых в последние годы в восточной округе Пайкенда, является Рабат-4, где выявлены два этапа обживания: вторая половина IX – середина X в. и вторая половина XII – начало XIII в.

Учитывая вскрытый еще в 80-х гг. прошлого столетия Рабат-1, функционировавший с конца VIII по середину X в., а также два последовательных этапа обживания Рабата-4, каждый из которых имел свои конструктивные особенности, впервые для Средней и Центральной Азии выстраивается последовательная динамика развития архитектурных традиций в данном направлении монументального зодчества. Хотя работы по вскрытию Рабата-4 еще полностью не завершены, тем не менее выявляется его общая дворовая композиция со своеобразной планировкой, сочетающей симбиоз приемов монументального сырцового зодчества предшествующей раннесредневековой и настоящей раннеисламской архитектуры.

Восточный фас рабата, по предварительным данным, состоял из однокомнатных вытянутых помещений с выходами на углу и с Г-образными высокими суфами-лежанками в интерьере, для первого этапа. По второму верхнему горизонту помещения были перестроены с выходом по центру, узким проходом на ширину двери и расположенной по всему интерьеру помещения невысокой суфой.

Юго-восточную угловую часть рабата занимала своеобразная четырехкомнатная секция с большим числом больших и малых очажных ям, тандыров, небольших подпрямоугольных хранилищ для продуктов, мусорных ям и нескольких ташнау. Можно предположить, что здесь располагался кухонный отсек рабата, в основном функционировавший на втором этапе обживания памятника.

Далее по линии южного фаса выявлены остатки с нестандартным для этого периода расположением монументальных ворот на юго-восточной угловой части памятника. Проход имел ширину 3,2 м, фигурную облицовку выстилки полов из жженных кирпичей, положенных на ребро, а также выступающего портала. Справа от портала располагалось большое, подквадратное в плане помещение предполагаемой мечети, исходя из параллелей по находящемуся поблизости Рабату-1. Вход со двора, расположенный на углу, со стороны ворот, оформлен нешироким сквозным проходом вдоль восточной стены с фигурной ромбовидной облицовкой выстилки из крупных жженных кирпичей и объемным суфообразным возвышением.

Безусловно, на выстилке снималась обувь, а высокая суфа, устланная циновками, войлоком и коврами, служила для чтения молитвы прихожанам. Расположение мечети рядом с воротами было удобно как для обитателей рабата – каравансарая, так и для посетителей со стороны.

Затем по южному фаса выявлены шесть вытянутых стандартных помещений с остатками плохо сохранившихся входов по центру и занимавшей интерьер сплошной невысокой суфой, характерных для второго этапа обживания памятника во второй половине XII – начале XIII в.

Следующие шесть помещений имели такие же стандартные пропорции, но делились надвое тамбурными стенками – на внутреннюю подквадратную и меньшую прихожую части, создавая значительно большие удобства при проживании, хранении товаров, приеме покупателей и гостей. Внутри худжр, вдоль стен, выявлены неширокие суфы, остатки очагов и ташнау, безусловно, служившие для обогрева, гигиенического омовения и отдыха на суфах-лежанках, утомленными путниками.

Таким образом, несмотря на незавершенность работ на отдельных частях объекта, вырисовывается совершенно новый тип конструктивно-го решения архитектуры памятника при стандартной, в целом, системе планировки. Как и на современных гостиничных комплексах, на Рабате-4 более четко выявляется дальнейшее развитие архитектурных традиций с одно-, двух- и трехкомнатными секциями, крупными воротами с выступающим порталом, мечетью и кухонным отсеком, заключенными во внутреннюю инфраструктуру рабата-караван-сарая.

Т.К. Мкртычев

Государственный музей Востока, г. Москва, РФ

АРХИТЕКТУРА БУДДИЙСКИХ ПАМЯТНИКОВ БАКТРИИ-ТОХАРИСТАНА

На сегодняшний день в Северной Бактрии-Тохаристане известно более 15 различных буддийских памятников, датирующихся в широком диапазоне от I до VIII вв. Несмотря на многочисленные работы по буддизму этого региона, архитектура буддийских памятников Северной Бактрии-Тохаристана до сих пор не стала темой специальных исследований.

Источники дают нам три основных типа буддийских сооружений:

- вихара (монастырь);
- чайтя (святилище, храм);
- ступа.

Согласно буддийской традиции, в строительстве буддийских сооружений принимал участие архитектор, который следил за соблюдением принятых правил. Это позволяет предположить, что при возведении буддийских памятников Бактрии-Тохаристана существовали кодифицированные архитектурно-планировочные решения, которые видоизменялись в зависимости от времени и региона.

Кушанский и посткушанский период I–IV вв.

Монастыри. Буддийские монастыри Северной Бактрии кушанского времени разделяются на наземные и наземно-пещерные.

Наземные монастыри (сооружение на северной вершине Кара-тепе, Фаяз-тепе, Уштур-мулло) имеют планировочную основу в виде квадратного двора с портиком по периметру; резервуаром для омовений в центре двора; с внутренней стороны по периметру двора расположены кельи; с одной стороны периметра – святилище; ступа вынесена за двор и расположена по одной оси со святилищем; святилища вокруг ступы (вариант).

Существовали варианты двухэтажных сооружений (монастырь на северной вершине Кара-тепе). Анализ показывает, что архитектурно-планировочное решение наземных монастырей Северной Бактрии базировалось на типичной кушанской планировке монастырей (Гандхара), которая получила местную (Бактрия) трансформацию. Местным элементом можно считать появление святилища – центральная целла (иногда с круговым обходом).

Наземно-пещерные монастыри (сооружения на южной и западной вершинах Кара-тепе) имеют:

наземные сооружения – двор (с портиком по периметру или перед фасадной стеной пещерной части); резервуар для омовений во дворе; ступа во дворе; подсобные помещения, ведущие на второй этаж; помещения второго этажа;

пещерные сооружения – центральная целла в вариантах обводных коридоров; коридоры с кельями (нишами) на конце боковых стен; кельи для монахов.

Анализ показывает, что архитектурно-планировочное решение наземно-пещерных монастырей имеет два источника формирования: 1. пещерные буддийские монастыри Западной Индии; 2. пещерные погребальные сооружения Ближнего Востока.

Святилища (храмы). Имеющиеся примеры не дают оснований для определения типологии буддийских храмов Бактрии кушанского и посткушанского времени (Айртам, Дт-1, Дт-25, Зар-тепе).

Ступы отдельностице (Зурмалла, Айртам, Зар-тепе). Можно предположить, что данные сооружения, скорее всего, входили в архитектурные комплексы (монастырей), которые до наших дней не сохранились.

Помимо специально построенных сооружений, вероятно, в позднекушанское – посткушанское время в Северной Бактрии-Тохаристане существовали буддийские памятники, которые обустроивались в построенных ранее сооружениях (Зар-тепе).

Раннесредневековый период (V–VII вв.)

Наземные монастыри (Аджина-тепа, Хишт-тепе) имеют центральный двор (помещение); четкое разделение на монастырскую и культовые части (по сторонам двора, помещения); включение ступы (ступ) в структуру сооружения (двор, помещение); святилище (несколько святилищ) в культовой и монастырской частях.

Анализ архитектурно-планировочных решений монастырей Тохаристана дает основание говорить о северо-индийском (кашмирском) влиянии на формировании буддийской архитектуры региона.

Святилища (храмы). Имеющиеся примеры позволяют предположить, что при сооружении буддийских храмов Тохаристана руководствовались образцами местной культовой архитектуры (Калаи-Кафирниган, Кафыр-кала).

Подводя итог, анализу буддийской архитектуры Бактрии-Тохаристана I–VIII вв. н.э., можно выделить три внешних импульса, которые оказали влияние на ее формирование – гандхарский, ближневосточный, кашмирский. Следует подчеркнуть, что существовали значительные региональные традиции, во взаимодействии с которыми и сложилась буддийская архитектура Бактрии-Тохаристана.

В.В. Мокробродов
г. Ташкент, РУз

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПОСЛЕДНИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТНИКОВ «АХЕМЕНИДСКОГО» ПЕРИОДА НА ЮГЕ УЗБЕКИСТАНА

После определенного снижения интенсивности археологического изучения Средней Азии в 90-х годах XX века, оно было возобновлено на новом уровне и в еще больших, чем ранее, масштабах. Не стали исключением и исследования объектов одного из таких значимых периодов в среднеазиатской истории, как времени ее вхождения в состав Ахеменидской державы. Недавние раскопки объектов данного периода в Согде, Хорезме и др. регионах позволили во многом по новому взглянуть на ряд вопросов археологии и истории Средней Азии этого времени.

Территория современной Сурхандарьинской области Узбекистана отличается, пожалуй, наибольшей концентрацией объектов середины I тысячелетия до н.э. из указанных выше зон региона. Естественно, исследования в данном направлении были возобновлены и здесь. За исключением работ Узбекско-Чешской экспедиции на Джандавляттепа (Abdullaev, Stancho, 2011), выявления ряда памятников интересующего нас времени в ходе разведок (Страйд, Сверчков, 2004) и, отчасти, работ празднующей свой юбилей Среднеазиатской археологической экспедиции ГМВ на Дабилькургане (Боделов, 2004), на протяжении последних 10 лет исследования объектов «ахеменидского» периода на указанной территории проводились при участии автора этих строк. Краткому обзору результатов этих изысканий и посвящен наш доклад.

Исследования 2005–2006 гг. на поселении Шортепа, отождествлявшимся Э.В. Ртвеладзе с упомянутой в письменных источниках крепостью, мимо которой прошло войско Александра Македонского в ходе его среднеазиатской кампании (Ртвеладзе, 2000), выявили 4-метровую свиту культурных слоев без архитектурных остатков. Анализ полученного при раскопках материала позволил подтвердить предлагавшуюся ранее датировку этого объекта V–IV вв. до н.э. (Мокробродов, 2006).

Раскопки группы памятников эпохи раннего железа в Бандыхане уже получили достаточное отражение в печати (Сверчков, Бороффка, 2007;

Мокробродов, 2010 и др.). Здесь были исследована крепость «позднеахеменидского» времени Бектепа (Бандыхан II), возведенная на месте поселения периода Яз II и полностью раскопано синхронное крепости монументальное здание Киндыктепа, где был открыт колонный зал с алтарем огня и П-образным подиумом, в обводе коридоров. В одном из отрезков обводного коридора зафиксирован оригинальный лабиринт ям с различным заполнением. На основании ряда аналогий и близости выявленной ситуации данным письменных и этнографических источников, Киндыктепа был интерпретирован как ранний храм огня, построенный по основным зороастрийским канонам. Раскопки этих объектов не только проиллюстрировали комплекс духовных воззрений того времени, но и приблизили нас к пониманию структуры укрепленного поселения исследуемой эпохи. Анализ материалов из шурфа на близлежащем памятнике – Газимуллатепа с его несколько отличным от прочих керамическим комплексом позволил типологически подразделить керамику периода на раннюю и позднюю.

Начатые в 2010 г. Узбекско-американской экспедицией работы на Кизылтепа – крупнейшем памятнике региона для середины I тысячелетия до н.э., позволили скорректировать предложенную ранее датировку памятника и сузить ее до VI–IV вв. до н.э. В ходе работ выявлена оригинальная архитектурно-планировочной структура цитадели и пр. (Сверчков, У Син, Бороффка, 2013). Кроме того, при раскопках был получен крайне интересный керамический комплекс конца IV в. до н.э., ныне находящийся в стадии обработки.

В 2013 г. было завершено детальное обследование округа Кизылтепа. В частности, было обнаружено ранее неизвестный памятник Хоштепа (в 3 км к западу от Кизылтепа), разведочные раскопки которого дали материал VI–IV вв. до н.э. Однако наиболее интересные результаты были получены на площадях, на которых, согласно предыдущему исследователю этой зоны, располагалось более десяти укрепленных сельских усадеб, аналогичных полностью раскопанному в 1970-х гг. объекту Кизылча 6 (Сагдуллаев, 1987 и др.). На этой территории, спланированной под хлопковые поля еще в начале 1960-х гг. (см. космоснимки Gogona), т.е. до исследований А.С. Сагдуллаева, выявлены скопления керамики на площади более 12 га. В подъемном материале, так же, как и на центральном памятнике, отсутствует керамика ранее VI в. до н.э. Таким образом, за исключением раскопанной усадьбы Кизылча 6 (ныне не сохранившейся), несоответствующее по размерам небольшой усадьбе всхолмления на месте Кизылча 1, и, возможно, небольшого тепа на месте Кизылча 4, выявить какие-либо признаки отдельных объектов или какой-либо застройки не представляется

возможным. Известно, что в неукрепленной («пригородной») части поселения Кизылтепа, на площади более 5 га, «...за пределами юго-восточной стены, отмечены остатки заглубленных в землю жилищ каркасного типа» (Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990, с. 28). Весьма вероятно, что в обследованной нами зоне до распашки имела место идентичная ситуация.

Обобщая известные сведения, мы получаем следующую планиграфическую картину в районе Кизылтепа. Ядром поселения является мощная двухчастная цитадель. Внешние стены Кизылтепа окружают территорию, на которой для «ахеменидского» периода сплошная застройка отсутствует, архитектурные остатки концентрируются по внутреннему периметру стен. К востоку, юго-востоку и северо-востоку от укрепленного центра располагалась основная часть поселения, состоящая из массы небольших жилищ, возможно даже каркасных построек. В ближайшей округе также находятся две группы компактно расположенных монументальных строений. Дополняют картину тяготеющие к Кизылтепа поселения невыясненного типа на берегу озера Ахаткуль и Хоштепа. По многим параметрам близка описанной ситуация, выявленная в Бандыхане, возможно, в округе Талашкантипа I и в районе Кучуктепа. Эти данные, на наш взгляд, способны несколько изменить представления о структуре крупных центров ахеменидского времени в северной Бактрии.

Проводившиеся одновременно с исследованием зоны Кизылтепа тематические разведки на ряде синхронных этому памятнику сурхандарьинских объектах позволили на основании сравнительного анализа комплексов определить время окончательного разрушения Бандыхансайтепа. Также в ходе разведок зафиксировано отсутствие керамики ахеменидского времени на известных к сегодняшнему дню памятниках в районе кишлака Вахшувар; в научный оборот введены материалы Обиширтепа (Мокробородов, У Син, 2014).

В данном кратком обзоре опущены многие детали, однако и из него следует, что возобновление исследований даже на достаточно изученных территориях, как в случае с Кизылтепа, при условии скрупулезного подхода к узловым вопросам вкупе с широким использованием всего накопленного ранее массива сведений способно скорректировать устоявшиеся представления о многих проблемных темах среднеазиатской археологии.

Библиография:

Болелов, 2004 – Болелов С.Б. Работы Тохаристанской экспедиции в Северной Бактрии (Республика Узбекистан) // Археологические открытия 2003 года. М., 2004, с. 500-502.

- Мокробородов, 2006 – Мокробородов В.В. Стратиграфические исследования Шортепа // Материалы ТАЭ. Вып. 5. Археологические исследования Кампыртепа и Шортепа. Ташкент, 2006, с. 13-20.
- Мокробородов, 2010 – Мокробородов В.В. Раскопки памятников середины I тысячелетия до н.э. в Бандыхане // Традиции древней и средневековой городской культуры Средней Азии. Ташкент, 2010, с. 105-112.
- Мокробородов, 2014 – Мокробородов В.В., У Син О разведочных работах Узбекистано-американской экспедиции в Сурхандарьинской области // Археология Узбекистана. № 1 (8). Самарканд, 2014, с. 88-97.
- Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990 – Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Северная Бактрия – Тохаристан. Древность и средневековье. Ташкент, 1990.
- Ртвеладзе, 2001 – Ртвеладзе Э.В. Древнебактрийская крепость Шортепа на Оксе // Археологические исследования в Узбекистане – 2000 г. Самарканд, 2001, с. 122-129.
- Сагдуллаев, 1987 – Сагдуллаев А.С. Усадьбы древней Бактрии. Ташкент, 1987.
- Сверчков, Бороффка, 2007 – Сверчков Л.М., Бороффка Н. Археологические исследования в Бандыхане в 2005 г. // Труды Байсунской научной экспедиции. Археология, история и этнография. Вып. 3. Ташкент, 2007, с. 97-132.
- Сверчков, У Син, Бороффка, 2013 – Сверчков Л.М., У Син, Бороффка Н. Городище Кизылтепа (VI-IV вв. до н.э.): Новые данные // Scripta Antiqua. Том третий. М., 2013, с. 31-74.
- Страйд, Сверчков, 2004 – Страйд С., Сверчков Л. Памятники эпохи бронзы и раннего железа возле Денау // Transoxiana. История и культура. Ташкент, 2004, с. 94-99.
- Abdullaev, Stancho, 2011 – Abdullaev K., Stancho L. Jandavlattepa. The excavation report for seasons 2002-2006. Vol. 1. Prague, 2011.

Никифоров М.Г.

Московский Государственный Университет, г. Москва, РФ

Колганова Г.Ю.

Институт востоковедения РАН, г. Москва, РФ

А.А. Петрова

г. Москва, РФ

МАЙСКИЙ ПАВОДОК АМУДАРЬИ И ЕГО ОСОБОЕ МЕСТО В КУЛЬТУРЕ ДРЕВНИХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ ХОРЕЗМА

В работе исследован паводковый режим Амударьи с древнейших времен по настоящее время с использованием всех доступных древних источников и результатов современных наблюдений. По сведениям Я.Г. Гулямова, с древности выделяли четыре паводка Амударьи. Первый паводок наступал во второй половине марта и назывался «паводком зеленого камыша»; второй происходил в середине апреля и назывался «паводок белорыбицы»; третий начинался в середине мая и назывался «юлдуз дошуви» или «паводок Пляяд»; наконец, четвертый назывался «паводком сорокадневной жары». Он начинался в середине июня и заканчивался в середине августа (Гулямов, 1957).

Информацию Я.Г. Гулямова относительно сроков и названий паводков Амударьи никто из современных ему авторов не подвергал сомнению. Наоборот, эти данные цитировались в авторитетных работах (Андрянов, 1969; Булатов, 1988).

Данные первой половины XX века о водном режиме Амударьи подтверждают информацию Гулямова по числу паводков и времени их наступления (Шульц, 1965). Источники XIX века не позволяют провести точное сравнение с информацией Гулямова, но в то же время, они не находятся с ней в противоречии (Таранов, 1885; Брокгауз, 1894; N.E. Britannica, 1991).

Работы классических греческих авторов описывают Амударью, но не сообщают ее режима паводков. Самым первым автором, который описывает этот вопрос, является Бируни, который подтверждает даты апрельского и июньского разлива реки (Бируни, 1957). Кроме того, он отмечает момент максимального разлива, который происходит в июле. Проверка показывает, что информация Бируни полностью соответствует

современным наблюдениям. Это означает, что за тысячелетие, прошедшее после Бируни, паводковый режим Амударьи не претерпел существенных изменений и оставался стабильным. С высокой долей уверенности это утверждение можно распространить и на более древние времена, в том числе на вторую половину I тыс. до н.э.

Согласно Бируни, в древнем Хорезме существовал праздник Вахш-Ангам, который в пересчете к датам нашего календаря отмечался 25 мая. Это праздник посвящен ангелу, приставленному следить за разливом реки. Имя ангела «Вахш» созвучно современному названию основного притока Амударьи реке Вахш, которое, безусловно, соответствует древнему названию Амударьи – Окс (Охшо, Вахш). В данном случае напрашивается очевидная параллель между названием праздника со значением «ангел Окса» и вотивным алтариком с фигурой Марсия посвященном Оксу (Вахшу) найденный в храме Окса на городище Тахти-Сангин (Пичикийн, 1991, с. 171).

За четыре дня до Вахш-Ангама в Хорезме отмечался праздник Хиж. Русский перевод названия этого праздника имеет смысл «вставание», а аналогичный фрагмент английского текста переводится словом «rising», т.е. подъем. Вероятно, что этот праздник также относится к реке и посвящен майскому паводку. В этом случае праздник Хиж соответствует началу наводнения, а через шесть дней река разливается настолько сильно, что за ней необходимо специально следить для регулирования потоков воды в ирригационной системе. Моменту начала большого паводка посвящен праздник Вахш-Ангам.

В результате складывается следующая картина. Согласно современным наблюдениям, майский паводок Амударьи является самым первым полноводным паводком после окончания зимнего периода. Он мог нанести существенный вред ирригационной системе, поэтому за временем его наступления приходилось следить. Это нашло свое отражение в празднике Вахш-Ангам и, возможно, в празднике Хиж. В дополнение к этому, значимость майского паводка объясняется тем, что он совпадает со временем проведения поливных работ, момент которых определяется вегетативным циклом сельскохозяйственных культур.

В заключение отметим, что майский паводок в древности назывался «паводок Пляяд», а время его наступления совпадало с первой утренней видимостью Пляяд и праздником Вахш-Ангам. Отсюда можно предположить, что майский паводок Амударьи имел особенное место в культуре древних земледельцев Хорезма.

Библиография:

- Андрианов, 1969 – Андрианов Б.В. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969.
- Бируни, 1957 – Бируни А.Р. Избранные произведения I. Памятники минувших поколений, Ташкент, 1957.
- Брокгауз, 1894 – Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Аму-Дарья. Энциклопедический словарь. Т. 1А. СПб., 1894, с. 676-677.
- Булатов 1988 – Булатов М.С. Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии в IX–XV вв. М., 1988.
- Гулямов, 1957 – Гулямов Я.Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1957.
- Таранов, 1885 – Таранов Н.А. Русский берег Аму-Дарьи // Живописная Россия. Том десятый. Русская Средняя Азия. Под редакцией Семенова П.П., М.-СПб, 1885, с. 77-106.
- Узбеки / Отв. ред. Арифханов З.Х., Абашин С.Н., Алимов Д.А. М., Наука, 2011.
- Шульц, 1965 – Шульц В.Л. Реки Средней Азии. Часть I, II. Ленинград, 1965.
- Al-Biruni, 1879 – Al-Biruni The chronology of ancient nations. /Edited by C. Edward Sachau. London, 1879.
- N.E. Britannica, 1991 – The New Encyclopedia Britannica. Amu-Darya. Vol. 1. 1991.

А.В. Омельченко

Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург, РФ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О СЛОЖЕНИИ ЦИТАДЕЛИ ПАЙКЕНДА

Пайкендское городище расположено на юго-западной границе Бухарского оазиса, в 60 км от Бухары. Китайские, иранские, арабские источники сохранили сведения о процветавшем здесь когда-то городе, важном центре Западного Согда. Он лежал на пересечении торговых трасс, ведущих из Восточного Туркестана через Чач (Ташкент) и Самарканд в Мерв и на Ближний Восток и из Восточной Европы через Хорезм – в Тохаристан и Индию.

С 1981 г. раскопки городища ведет совместная Бухарская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа и Института археологии АН Республики Узбекистан. За это время на цитадели (площадь 1 га) было расчищено несколько больших объектов: храм огня, дворец, мечеть с минаретом, фортификационные сооружения, включая казарму гарнизона. Наиболее ранние керамические комплексы (III–II вв. до н.э.) были обнаружены в начале 1980-х гг. в стратиграфическом шурфе, заложенном на площади дворца (Городище Пайкенд, 1988, с. 148-156).

Новые раскопки арка 2011–2013 гг. также выявили ранние следы его обживания. На небольшом участке в северо-восточной части цитадели были открыты первые укрепления: отрезок стены с бойницей и прилегающее помещение. Формат сырцового кирпича (прямоугольного и квадратного), а также сопутствующий керамический комплекс позволяет отнести возведение постройки к крайней мере к рубежу IV–III вв. до н.э. Подобная керамика ранее была обнаружена на других согдийских памятниках: Афрасиабе, Еркургане, Подаятаке (Узункыре). Пайкендский комплекс, наряду с баночными сосудами, характерными для предшествующего, ахеменидского, периода, включал тарную керамику закрытых форм, а также столовую посуду раннеэллинистического облика.

Аналогичная керамика была найдена в шурфе на северо-западе городища, где также была выявлена ранняя крепостная стена.

Таким образом, сейчас установлена протяженность с востока на запад первой крепости Пайкенда – 70 м. Причем, как показали раскопки на северо-востоке, с самого начала внутри крепостных стен располагался храм огня; его планировка по верхним строительным периодам известна

благодаря раскопкам Г.Л. Семенова (Semenov, 1996, Abb. 10-14). Интересно, что это перекликается со свидетельством «Шах-намэ» о строительстве Феридуно, легендарным иранским царем, «властителем Арианы и Турана», в Пайкенде, тогда Кундузе, одного из первых зороастрийских храмов (Фирдоуси–Бану-Лахути, 1965, с. 358-359).

По-видимому, с культовой сферой (зороастрийским обрядом очищения?) связан и комплекс ям, открытый раскопками непосредственно к северу от храма, под основанием стрелкового коридора III–IV вв. Бронзовый наконечник стрелы, керамика с полов комплекса датируются по афрасиабской шкале III в. до н.э.

Синхронный комплекс керамики обнаружен у южного края платформы храма, в т.н. внешнем дворе. Это свидетельствует о том, что протяженность храма с севера на юг не менялась с древности и составляла 32,5 м.

Четкая стратиграфическая ситуация, зафиксированная в ходе раскопок на участке к северу от храма (четыре пола при общей толщине слоев 1,5-1,6 м), позволяет предложить относительную шкалу для раннеэллинистической керамики Пайкенда. Несмотря на то, что в целом керамика типологически однородна на всем протяжении периода, на каждом этапе есть «маркеры», которые позволяют судить об определенных изменениях комплекса во времени.

Например, в керамических наборах всех уровней ведущей формой были кубки с цилиндроконическим или округлым профилем тулова. На тех, что происходят с верхнего пола, появляется невысокая ножка с неглубоким выемом. Эта форма характерна для периода Афрасиаб IIB (или позднего Афрасиаб II) (Шишкина, 1975, с. 71, рис. 2; Исамиддинов, 2002, с. 204, рис. 168-III). Чаши представлены двумя основными типами: с плавным или с небольшим перегибом расходящихся стенок (венчик иногда утолщен); с Г-образно или Т-образно отогнутым венчиком. В то же время в комплексе нет полусферических чаш с загнутым внутрь приостренным верхним краем. В комплексе отмечен фрагмент, по-видимому, фиалы с небольшим выступом-налепом и концентрическими резными линиями под венчиком, которые обычны для комплекса Афрасиаб IIB, но изредка встречаются и в предшествующий период. Толстостенные тагора имеют близкий к Т-образному, поставленный прямо венчик и ребро при переходе к округлому тулову. Многочисленные горшочки (кувшини без ручки) с отогнутым утолщенным венчиком. «Фасолевидная» в горизонтальном сечении ручка есть только у одного узкогорлого кувшинчика (венчик профилирован желобком), найденного на уровне верхнего пола. Есть в комплексе также небольшие ручки-выступы с вертикальным сквозным

отверстием. Они наблюдаются, например, у хумчей из синхронных слоев Хорезма (Калалыгър II..., 2004, рис. 3/7), и у фляг из Парфии (Пилипко, 1990, рис. 2, 28). Известны формы с почти прямыми стенками и утолщенным венчиком, вероятно, восходящие к банкам позднеахеменидского комплекса. У хумов стенки в верхней части наклонены внутрь, венчики в виде валика выделены широким желобком. Лепная керамика представлена котлами с ручкой-упором, жаровнями с невысоким боком; интересно, что на четвертом, нижнем (пока) полу встречена «шашлычница» Эта форма представлена, например, в синхронных материалах Афрасиаба (Кабанов, 1981, с. 51, рис. 22, 14).

Описанный комплекс по времени позже, чем материалы, обнаруженные в северо-восточном и северо-западном углах ранней крепости. В нем уже нет банкообразных сосудов с манжетовидным венчиком и подкосом в нижней части, т.е. эта черта предшествующей «ахеменидской» гончарной традиции изживается в пайкендской керамике, по-видимому, в первые десятилетия III в. до н.э.

Библиография:

- Городище Пайкенд. К проблеме изучения средневекового города Средней Азии / Мухамеджанов А.Р., Адылов Ш.Т., Мирзаахмедов Д.К., Семенов Г.Л. Л.; Ташкент, 1988.
- Исамиддинов, 2002 – Исамиддинов М.Х. Истоки городской культуры Самаркандского Согда (проблемы взаимодействия культурных традиций в эпоху раннежелезного века и в период античности). Ташкент, 2002.
- Кабанов, 1981 – Кабанов С.К. Освоение западных районов города на ранних этапах его жизни // К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда. Ташкент, 1981, с. 23-59.
- Калалы-гър 2. Культовый центр в Древнем Хорезме IV–II вв. до н.э. / Отв. ред. Б.И. Вайнберг. М., 2004.
- Пилипко, 1990 – Пилипко В.Н. Раннеантичное поселение Капыр-Кала у Каушута // Древняя и средневековая археология Средней Азии (к проблеме истории культуры). Ташкент, 1990, с. 60-76.
- Шишкина, 1975 – Шишкина Г.В. Эллинистическая керамика Афрасиаба // СА. № 2. М., 1975, с. 60-78.
- Grigori, 1996 – Grigori L. Semenov Studien zur sogdischen kultur an Seidnstraße // Studies in Oriental Religions. Vol. 36. Wiesbaden, 1996.

О.А. Папахристу

Афины, Греция & UCL, Institute of Archaeology, London, UK

**К ВОПРОСУ О МАСТЕРСКОЙ
ПО ПРОИЗВОДСТВУ ПРЕДМЕТОВ
ИЗ СПЛАВОВ НА ОСНОВЕ МЕДИ НА ГОНУР-ДЕПЕ
(ТУРКМЕНИСТАН)**

Цивилизации эпохи бронзы на территории современного Туркменистана и Иранского плато, как и Эгейские цивилизации, по справедливому замечанию К. Ренфрю (Ренфрю, 2006), были основаны не на великих реках, таких как Нил, Тигр и Евфрат, Инд. Центральноазиатские цивилизации характеризуются как оазисные. В Эгейском случае протогородские или дворцовые центры (*To Anáktoro*) располагались на островах или на побережьях и были разделены морем. Как работает аналогия, морские пути и пустынные пути играли сопоставимую роль.

Уже первые исследователи Древней Маргианы отмечали общую для всех оазисов закономерность, когда определенное количество мелких холмов оазиса группируются вокруг одного – центрального и наиболее крупного. Самым большим по площади и наиболее изученным памятником в дельте Мургаба является Гонур-депе.

Согласно последней интерпретации В.И. Сариниди, в последние века III тыс. до н.э. вдоль многоводных протоков старой мургабской дельты на территории современного Туркменистана стали вырастать новые и новые поселения прибывших с далекого запада племен земледельцев, гонимые «ксеротермическим кризисом». Первые свои поселки маргушцы возвели на окраинных частях дельты, где вскоре выросли и небольшие дворцы и храмы. В северной части дельты складывается автономный ирригационный оазис, именуемый ныне Келлелийский. Параллельно с обустройством этого оазиса возводится и главный столичный город страны Маргуш, локализованный с городищем Гонур-депе (2005).

Столичный Гонур был возведен в стратегически важном месте, в замковой части реки Мургаб – откуда легче всего было распределять и контролировать подачу воды многочисленным поселениям, находившимся к северу.

Раскопки громадных сооружений (кремль с мощными оборонительными стенами, усиленными прямоугольными башнями; дворец,

предназначенный для царя и его семьи; комплекс общественных трапез; храм жертвоприношений; храм воды – причем весь монументальный гонурский архитектурный ансамбль был заключен в гигантский круг обводной стеной диаметром 400 м с контрфорсами) и богатых могил, их быстрые и эрудированные публикации своим открывателем, Виктором Ивановичем Сариниди, внесли неоценимый вклад в мировую науку.

В течение двух полевых сезонов (2005–2006 гг.) на Гонур-депе археологами был раскопан своеобразный архитектурный комплекс на северо-западном берегу южного бассейна, состоящий более чем из 50 помещений (раскоп 9). Некоторые помещения этого архитектурного комплекса сохранили остатки орудий труда мастеров по обработке металла: горны, каменная наковальня, тигли и литейные формы для отливки металлических объектов. Предварительное изучение индустриальной керамики – тиглей и литейных форм – позволило прийти к заключению о том, что раскопанный архитектурный комплекс является мастерской эпохи бронзы по производству предметов из сплавов на основе меди.

Согласно производственным свидетельствам (фрагменты тиглей и литейных форм, остатки горнов), помещения 107, 108, 109, 111, 112, 117, 118, 119, 121, 122, 123, 126, 130, 131, 132 и 147 были отнесены к индустриальным. Следует отметить, что производственные свидетельства в помещениях 107, 108, 109, 111 и 122 находились *in situ* на полу.

Перечисленные ранее помещения раскопа 9, отнесенные к производственным, по мнению В.И. Сариниди и автора настоящих строк, изначально были построены в других целях. Позднее в них появились мастера с их инвентарем и попытались приспособиться к уже существующей архитектуре. Причем, на начальных этапах, мастерская была большой. Но, затем, в силу каких-то причин, она была сокращена и функционировала только помещения 107, 108, 109, 111, и 122, поэтому, собственно самые массовые находки *in situ* расположены на этих площадях. Помещение 112 было построено еще позже, так как его вырубил с пола помещения 111.

Две специальные предварительные статьи, посвященные тиглям и литейным формам из мастерской на Гонур-депе, опубликованные автором настоящих строк, наглядно демонстрируют, что древние мастера по обработке металла отливали в основном крупные сельскохозяйственные орудия труда, топоры и т.д. (Папахристу, 2008, 2010).

Очень интересными для нас являются исследования Н.Н. Тереховой, которые она опубликовала в 1990 г., когда раскопки памятников эпохи бронзы в дельте реки Мургаб, только начинались. Собственно так же, как последующие исследования металлических предметов из Гонур-депе

(Гиберт, Киллик, 1994; Вертман, Дубова, 2013; Kraus, Pernicka, Mannheim, 2013)

Радиоуглеродная датировка мастерской по производству сплавов на основе меди на основании трех фрагментов каменного угля, обнаруженных в помещениях 108, 109 и 112, показала разбросанные даты в пределах 2150–1430 гг. до н.э. Последняя дата была скорректирована методом комбинированной версии и лимитирована в пределах 1780–1678 гг. до н.э. (Дубова, 2008; Зайцева..., 2008).

В.И. Сариниди назвал столичный центр в пределах Гонур-депе – «Город царей и богов». Основная культовая направленность протогородского центра сказалась и на мировоззрении металлостроителей. В мастерской выделяются отдельные площади и артефакты, свидетельствующие о существовании мистерий, которые, по мнению древних, способствовали успешному завершению производственного процесса.

В.Н. Пилипко

Институт археологии РАН, г. Москва, РФ

О СВОЕОБРАЗИИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЗЕМЕЛЬ ПО СРЕДНЕМУ ТЕЧЕНИЮ РЕКИ АМУДАРЬЯ

Средняя Амударья – это очень своеобразная географическая и историко-культурная область. Она представлена цепочкой относительно небольших оазисов, нанизанных на голубую нить великой среднеазиатской реки. Уже в определении ее границ возможны разные оценки. В физико-географическом отношении под ней обычно понимают побережье средней части Амударьи между ее верховьями, характеризующимися многочисленными наполняющимися Амударью притоками (последним из них можно считать Шерабад-дарью или Кугитанг-дарью) и дельтой (или нижним течением) реки, где ее русло делилось на два крупных потока – сарыкамышскую и аральскую дельты. Географическим рубежом между средним и нижним течением служит Туямульская излучина.

Однако политическая, экономическая и культурная ситуация в различные исторические периоды вносила коррективы в это определение. Мощный Хорезм в различные исторические периоды выплескивался за рамки своих географических границ и активно осваивал часть среднеамударьинских районов.

В античную эпоху, как свидетельствуют археологические данные, южная граница Хорезма располагалась несколько севернее Кабаклы. Географы X–XII вв. самым южным городом Хорезма дружно называют Дарган. В период Великих Хорезмшахов культурное влияние Хорезма распространилось на значительную часть области Амударьи. В настоящее время существует тенденция совмещать понятие Средняя Амударья с административными границами Лебапского вейлата Туркменистана (бывшая Чаржоуская область).

Следует заметить, что короткое запоминающееся туркменское название этой области – Лебап, представляется даже более удобным, чем громоздкое описательное определение «побережье среднего течения реки Амударья».

Знакомство с археологическими памятниками этой области заставляет включать в ее пределы четыре крупных оазиса: Келифский, Керкянский,

Карабекаульский и Амударьский, расположенные по обоим берегам реки, между Келифом и Кабаклы.

Эта территория с одной стороны изолирована от сопредельных областей труднодоступными пустынями (Каракумы, Кызыл-кумы) и горами Кугитанг. С другой стороны ее расположение в самом центре среднеазиатского региона на великой Амударье способствовало ее активным связям с сопредельными областями и более далекими странами. Это центральное, стратегически важное положение области, делало ее постоянным объектом внимания различных политических сил, мир редко царил на берегах Средней Амударьи.

Большинство среднеазиатских областей испытывало недостаток в воде. На Средней Амударье воды было много. Но условия для развития здесь земледелия были неблагоприятными. Долина реки очень узкая, ее с двух сторон теснят пустыни, забор воды из быстро текущей реки был чрезвычайно труден, а беспокойный нрав Джейхуна еще в недавнем прошлом не давал возможности создать устойчивые оросительные системы. Какие-либо полезные ископаемые в пределах области отсутствовали, за исключением района Кугитанга. Все это ограничивало возможности для развития товарного земледелия и ремесла.

Главным достоинством области в этих условиях стало ее центральное положение. Вдоль и поперек ее пересекало множество торговых трасс. Обслуживание транзитных караванов было одной из наиболее важных и прибыльных отраслей местной экономики. При многочисленных переправах издревле складывались большие и малые города, в которых концентрировалась эта деятельность.

Благодаря своему географическому положению Лебап всегда находился в центре всех важнейших культурных и политических процессов, происходивших в регионе. Они, несомненно, находили отражение в местной культуре. На Средней Амударье находятся концы интересных «ниточек», потянув за которые, можно получить материал для решения многих важных исторических проблем древней Средней Азии.

Но древняя материальная культура Средней Амударьи в значительной мере остается «вещью в себе». На фоне бурной археологической активности XX века в соседних областях Средняя Амударья, несмотря на свое центральное положение, осталась глухой археологической провинцией. Археологические исследования здесь не вышли за рамки первичных рекогносцировок. К тому же древняя история Средней Амударьи это книга со многими вырванными страницами. Многие следы прошлой жизни уничтожила сама подательница этой жизни – Амударья. Блуждая

по своему тесному ложу, она поглощала стоявшие на ее берегах города и селения. Многие археологические объекты оказались скрыты многометровыми наносами. Другим «врагом» древних руин были сами живущие здесь люди. Земли в Лебапе всегда не хватало. Брошенные строения долго не стояли, они разбирались окрестным населением, и пустошь вновь пускалась в оборот.

В силу этих причин Лебап – наиболее бедная археологическими памятниками область Туркменистана. Здесь сохранилось всего около сотни археологических объектов. Преимущественно эти остатки крупных поселений городского типа. Мощные многометровые их твердыни устояли в борьбе со временем, людьми и рекой.

В этих условиях значение каждого сохранившегося памятника еще более возрастает. Это последние хранители почти неизученной истории рассматриваемого края. Широкие раскопки почти каждого из них могут дать материал для восстановления не только местной истории, но и для решения многих исторических проблем регионального масштаба. Так, контрольные зачистки на крепости Кош-кала южная у Кабаклы показали, что исследование этого памятника представляет огромный интерес для выяснения некоторых спорных вопросов эллинистического периода Средней Азии. Для этой же эпохи важное значение имеют и последние раскопки на Старой Крепости в Керках (ныне город Атамурат). Здесь обнаружена последовательная «свита» мощных культурных отложений, представляющих развитие этого населенного пункта с ахеменидского времени до кушанской эпохи. К этому следует добавить, что совершенно еще не изучена стратиграфия цитадели этого города, возможно, имеющей еще более почтенный возраст.

Контрольные раскопки на Одей-депе показали, что его можно определять как раннюю столицу Амударьского оазиса и один из древнейших городов Средней Азии, основание которого восходит к периоду Яз I. Это, в свою очередь, позволяет уточнить трассу древней «столбовой» дороги, соединяющей запад и восток Средней Азии. Активные раскопки памятников Лебапа, несомненно, приведут ко многим подобным уточнениям. Пока же Средняя Амударья пребывает в состоянии «спящей красавицы».

А.Н. Подушкин

г. Шымкент, Республика Казахстан

**К ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ ПРЕДМЕТОВ
ДИСТАНЦИОННОГО ОРУЖИЯ
ИЗ КАТАКОМБ АРЫССКОЙ КУЛЬТУРЫ
ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА**

1. В археологических комплексах катакомбных погребений арысской культуры Южного Казахстана первых веков до – первых веков н. э. обнаружены дисковидные круглые изделия из легкой губчатой кости (в том числе – из панциря черепахи) диаметром 3,5-6 см с отверстием в центре. Как правило, их сопровождает почти полный набор клинкового (мечи, кинжалы) и дистанционного (части луков, наконечники стрел) оружия явно кочевнического облика (Подушкин, 2009, с. 176-178). Более того, условия находок подобных предметов непосредственно связаны с луком, т.е. *in situ* они присутствуют вместе с частями М-образного сложносоставного лука: это костяные концевые длинные парные накладки, срединные парные с фронтальной пластиной накладки на кибить, а также специальные приспособления для поддержания лука в боевом состоянии (фигурные камни для лощения тетивы и камни из песчаника для заточки ударной головки железных трехперых наконечников стрел).

2. Почти аналогичные предметы округлой формы с отверстием в центре из кости (дерева) и также – в комплекте с массой концевых, срединных накладок на сложносоставной лук обнаружены в могильниках джетынасарской культуры низовьев Сырдарьи этого же времени (Левина, 1993, с. 89-90, рис. 81, 8, 18; Левина, 1994, с. 65, рис. 124, 9, рис. 125, 19, рис. 130, 3). Относительно функциональности таких изделий Л.М. Левина острожно сделала предположение, что они могут являться «...вероятной принадлежностью луков» (Левина, 1996, с. 197), которые, «...возможно, предназначены для защиты пальцев руки при натяжении тетивы» (Левина, 1993, с. 90; Левина, 1994, с. 65). Заметим также, что более близких аналогий на этот счет в общеизвестной литературе по сложносоставным лукам пока найти не удалось (Хазанов, 1971; Литвинский, 1966, с. 51-69; Худяков, 1986, с. 23-52).

3. Комплексный археологический, трассологический и эмпирический анализ подобных артефактов из катакомбных погребений арысской

культуры: могильник Акбулактобе, катакомба 3 (Подушкин, 2009, с. 178; табл. 3; рис. 2), могильник Кылышжар, катакомба 5 и 8 (Подушкин, 2012, с. 209-211, рис. 2, 7; рис. 4, 14; Подушкин, 2010, с. 210, рис. 3, 15) позволяет сделать следующие выводы:

– указанные дисковидные (иногда с небольшим прогибом) костяные изделия имеют прямое отношение к сложносоставному М-образному луку сармато-сюннского типа, это его какая-то вспомогательная часть, связанная с тетивой. Такой лук был жестким и относительно небольшим (от 0,9 до 1,05 м в боевом состоянии);

– судя по выраженным следам функционального использования подобных изделий (отверстие в центре эллипсоидной формы, по краю пластины «затертости»), их можно трактовать как оттягиватели тетивы: эллипсоидное отверстие в центре – свидетельство «работы» тетивы, а «затертости» по периметру – это результат частого зажима оттягивателя пальцами рук.

– такие оттягиватели располагались в центре тетивы, а для того, чтобы они стационарно там находились, имелись фиксаторы с обеих сторон (в виде обмотки сыромятными ремешками). Косвенно такое предположение подтверждают материалы некрополя Алтынасар: в погребении № 190 обнаружен круглый деревянный оттягиватель с бронзовой пластиной, который имел кожаный ремешок для крепления, очевидно, к тетиве (Левина, 1994, сноска на с. 65).

4. Дисковидный костяной оттягиватель как приспособление для стрельбы из лука, без сомнения, мог быть востребованным в древности: сармато-сюннские М-образные кочевнические луки, адаптированные к конному дистанционному бою, были чрезвычайно жесткими небольшими по размерам (Литвинский, 1966, с. 56). Поэтому натяжка тетивы таких луков при боевой стрельбе была делом физически трудным, которое могло травмировать кончики пальцев рук. В таком случае оттягиватель значительно облегчал задачу частой стрельбы, полностью исключая варианты травмирования пальцев рук. Кроме всего, стрела (древко и толкатель с прорезью) сразу ложились на небольшую платформу оттягивателя, фиксируясь таким образом, что тоже немаловажно при целенаправленной стрельбе. Наконец, малая амплитуда колебания тетивы жесткого лука позволяла сохранять оттягиватель без риска разбить его о кибить.

5. Факт появления костяных (деревянных) оттягивателей на тетиве сложносоставного М-образного лука в сармато-сюннских комплексах катакомб арысской культуры можно рассматривать как определенную

новацию в традициях боевого искусства nomадов Центральной Азии и Казахстана.

Библиография:

- Левина, 1993 – Левина Л.М. Джетыясарские склепы // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. II. Джетыясарская культура. Часть I. Склепы. М.
- Левина, 1994 – Левина Л.М. Могильники Алтын-Асар 4 // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. IV. Джетыясарская культура. Часть 3-4. Склепы. М.
- Литвинский, 1966 – Литвинский Б.А. Сложносоставной лук в древней Средней Азии (к проблеме эволюции лука на востоке) // СА. № 4. М., 1966, с. 51-69.
- Подушкин, 2009 – Подушкин А.Н. Сюнну в Южном Казахстане (историко-археологический аспект в рамках исследования памятников арысской культуры) // Труды Центрального музея. Том II. Алматы, 2009, с. 173-182.
- Подушкин, 2010 – Подушкин А.Н. Сарматы в Южном Казахстане // Древние культуры Евразии. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию А.Н. Бернштама. СПб., 2010, с. 207-217.
- Подушкин, 2012 – Подушкин А.Н. Катакомбы могильника Кылышжар II в. до – III в. н. э. и сарматы на территории Южного Казахстана // Материалы международной научной конференции «Кадырбаевские чтения 2012». Алматы, 2012, с. 207-217.
- Хазанов, 1971 – Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971.
- Худяков, 1986 – Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири. Новосибирск: Наука, 1986.

Н.Ж. Сапаров

Государственный педагогический институт им. Ажинияза, г. Нукус, РУз

А.И. Торгоев

Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург, РФ

К ХРОНОЛОГИИ НИЖНИХ СЛОЕВ ШАХРИСТАНОВ ПАЙКЕНДА

Когда возникли шахристаны Пайкенда? Этот вопрос предстал перед исследователями сразу же после начала работ совместной экспедиции Эрмитажа и Института Археологии АН Узбекистана в 1981 г. В своей монографии Г.Л. Семенов обозначил время возникновения первой городской стены шахристана I не ранее V в. н.э.

В верхних слоях храма на цитадели города получены комплексы, самой выразительной формой которых являются обильно представленные тонкостенные чаши полусферической или конической со слегка загнутым внутрь венчиком и легким же утолщением закраины. Чаши такого типа характеризуют в Бухарском оазисе комплексы типа Рамиш V, датировка которых надежно обоснована в рамках IV–V вв. Комплексы с чашами этого типа известны вне цитадели только в самых нижних слоях площадки, которая примыкает к цитадели с севера и хорошо выделяется в рельефе городища. Оборонительных стен собственно площадки пока неизвестно. Разрезы показывают, что она обнесена стенами шахристана I. Вполне вероятно, что площадка первоначально существовала как неукрепленное поселение. Не исключено также, что эта городская часть была обнесена тонкими стенами, остатки которых пока не выявлены. В настоящий момент ясно только, что первоначальное поселение перед цитаделью занимало территорию этой площадки.

К сожалению, мы не имеем возможности точно датировать крепостные стены шахристанов. Лучше дело обстоит с определением времени появления квартальной застройки, видимо, напрямую связанной с разбивкой кварталов и уличной сети.

За годы раскопок жилого квартала на шахристане I (1989, 1998–2007; с 2011 – по настоящее время) в нескольких местах был достигнут уровень материка. Сейчас несколько домов расчищены до уровня сооружений, покрывающих предматериковый слой. В нескольких отдельных помещениях достигнут уровень материка. В основном в предматериковых слоях и на уровне первых конструктивных полов помещений материал

представлен керамическими комплексами, в том числе и довольно большими по количеству.

Для анализа можно использовать четыре керамических комплекса полученных в ходе раскопок квартала. В данном случае стоит задача выявления относительной хронологии, так как данных для абсолютной датировки пока очень мало.

Не имея возможности здесь остановиться на полной характеристике комплекса, сосредоточимся на тех основных формах, которые являются определяющими для датировки указанных комплексов.

Столовая керамика представлена в основном мисками с перегибом легко прогнутого во внутрь бортика, отделенного от нижней части корпуса хорошо выраженным ребром и близких этому типу сосудов мисок с перегибом бортика поставленного с некоторым наклоном наружу. В этих комплексах в небольшом количестве встречаются чаши с корпусом полусферических очертаний. Также попадаются и котлы, низ которых сформован в полусферических чашах. Как пережиточная форма, встречающаяся только в мелких фрагментах, в комплексы входят характерные для верхних горизонтов храма чаши с легким утолщением закраины и венчиком, слегка наклоненным вовнутрь.

Как и в комплексах более раннего времени, широко распространены были столовые кувшины с низким горлом и клювовидным в сечении венчиком, снабженные вертикальной ручкой, верх которой отходил от плечиков.

Именно в комплексах раннего горизонта на шахристане I появляются кувшины с ситчком, вставленным в горло кувшина. Эти кувшины имели верх оформленный в виде чаши с перегибом бортика, венчик их был очень широкий, видимо исполняющий роль воронки. Более того, они имели слив на плечике. Видимо, их использовали для переноски воды из сильно заросших водоемов.

Тарная керамика представлена в основном тагора конической формы с подтреугольным, профилированным наружу венчиком. В нижних слоях встречаются характерные для комплексов предшествующего времени, известные по раскопкам на цитадели, трапециевидные подставки под донья хумов. Сами хумы сохраняют те же характеристики, что и для предшествующего времени.

Для самых ранних комплексов не характерно использование чаш с перегибом низкого бортика и средним диаметром 18 см, тогда как в комплексах последующего времени они становятся абсолютно преобладающим типом, образующим сервизы с кувшинами с клювовидным в сечении венчиком.

Монетный материал из ранних слоев представлен преимущественно монетами Асбара, а также найдены были две монеты неизвестного правителя Бухары с тамгой в виде симметрично противопоставленных трилистников с волотами, загнутыми в половину оборота, и профильным портретом правителя. Эти монеты появляются после монет Асбара и обрываются вместе с ними.

На суфе-эстраде в одном из жилых помещений углового дома I был поднят фрагмент стеклянной чаши с шлифованными фасками овальной формы, датированные аналоги которого не известны ранее второй половины VI в.

В комплексах более позднего времени известны калачиковидные серьги, встречающиеся в Северном Хорезме с материалами VII в., и крупная бузина из горного хрусталя, также характерная для VII в. Таким образом, суммируя все данные, сейчас можно утверждать, что застройка шахристана I началась вряд ли ранее VI в.

Анализ всех данных, полученных из шурфов на месте улиц шахристана II, показывает, что эта часть города возникла несколько позже, но, вероятно, это произошло в рамках того же VI в. или рубежа VI–VII вв.

Интересно отметить, что комплексы из нижних слоев шахристана I практически не находят аналогий в комплексах на цитадели, где уже упомянутые комплексы типа Рамиш V перекрыты зачастую наслоениями VIII в. и еще более поздними. Видимо, цитадель с появлением шахристана I и позже шахристана II обживалась меньше, чем в более раннее время. Во всяком случае, здание храма на цитадели было заложено уже в V в. В VII в. цитадель снова начинают активно застраивать. Тогда появляются дошедшие до нас остатки сооружений типа кладовых и коридоры, которые сгорели в пожаре начала VIII в. Эти сооружения могли входить в большой комплекс дворца, который, видимо, также мог появиться в VII в.

Н.В. Семенов

Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург, РФ

КЛИНКОВОЕ ОРУЖИЕ НА РОСПИСЯХ ДВОРЦА АФШИНОВ УСТРУШАНЫ

Исследователи, занимающиеся самыми разными проблемами искусства, истории, археологии центральноазиатского региона довольно часто обращаются к настенным росписям как к источнику по истории материальной и духовной культуры. Целью данного сообщения можно считать постановку проблемы соотношения изображений на росписях, обнаруженных при раскопках Калаи-Каххаха I в 1965–72 гг. с реалиями Уструшаны и соседних областей в раннесредневековый период.

С 1955 по 1972 год в районе Ура-Тюбе велась систематическая раскопки под руководством Н.Н. Негматова. Здесь было обнаружено множество памятников, в их числе городище Калаи-Каххаха I и II. Расположенное в восточной части городища большое сооружение со сложной планировкой (Калаи-Каххаха I), включало два прямоугольных зала, арсенал, несколько коридоров, хозяйственные и жилые помещения. Это здание, судя по комплексу находок и своему внутреннему декору, скорее всего, представляет собой царскую резиденцию, построенную в VII–VIII веках, которая продолжала функционировать и в начале X века. Найденные здесь произведения стеной живописи и резьбы по дереву свидетельствуют о существовании на территории Уструшаны уникальной художественной культуры, проявившейся в творчестве первоклассных художников и резчиков раннесредневекового периода.

Наибольшее количество фрагментов живописи было найдено в Малом парадном зале площадью 95 м. Мастер росписей «Малого зала» в целом придерживался согдийской традиции. Стенопись зала, расположенная в три яруса, посвящена теме борьбы людей и демонов, представленной множеством сцен различного содержания. Росписи малого зала изобилуют изображениями оружия, в большинстве случаев клинкового, представленного мечами и кинжалами. В большинстве сохранившихся фрагментов сцен детали прорисованы обобщенно и схематично, однако изображения позволяют определить общую форму клинка, перекрестья, способ крепления ножен, отсутствие или наличие бутероли, обкладок и других элементов гарнитуры. Несколько ключевых фигур, представляющих

знатных воинов, царей или богов, отличает детальная моделировка костюма и вооружения. Благодаря их тщательно прорисованному оружию можно выделить несколько типов клинков и элементов их отделки.

Клинки, изображенные на росписях, могут быть отождествлены с несколькими типами оружия ближнего боя. Наиболее характерным на росписях дворца является раннесредневековая разновидность длинного (около метра и более) двулезвийного меча со штырьковой рукоятью без металлического навершия. Немногочисленные находки остатков клинков в Пенджикенте и на Афрасиабе, которые датируются VII–VIII вв. н.э. и современные им изображения на росписях позволяют установить определенное родство с целым рядом мечей, происходящих из разных памятников и восходящих к сарматским прототипам. В то же время есть ряд особенностей, характерных для раннесредневекового клинкового оружия Согда, которые можно видеть на росписях Афрасиаба, Пенджикента и Шахристана.

Основным типологическим критерием мечей на росписях Калаи-Каххаха I является способ подвески ножен – вертикальный или горизонтальный. Первый способ, представленный здесь в большинстве случаев, варьирует в некоторых деталях. Аналогиями могут служить некоторые изображения из Афрасиаба, например в сцене, где показано прибытие чаганианских послов. Второй способ – горизонтальный или наклонный – представлен на рассматриваемых росписях значительно реже. Выступы крепления ножен имеют здесь необычную P-образную форму. На изображениях, происходящих из Средней Азии, можно видеть ножи с аналогичными выступами у всадника на пице с горы Муг. Выступы такой плавной формы, как в Калаи-Каххаха, не встречаются в археологическом контексте.

Кинжалы на росписях Калаи-Каххаха встречаются чаще остальных видов оружия. В отличие от росписей Пенджикента и Афрасиаба, где представлена большая вариативность этого вида оружия, на исследуемой живописи изображены однотипные кинжалы с горизонтальной подвеской ножен, лишь немного отличающиеся в деталях. Судя по форме клинка, это, очевидно, коленчатые кинжалы.

В целом оружие клинкового типа, изображенное на росписях дворца афшинов в Калаи-Каххаха I, демонстрирует центральноазиатские традиции в эпоху раннего средневековья. Однако ряд архаичных черт, представленных изображенным оружием, не столь характерен для соседних регионов, например для Пенджикента или Афрасиаба, что позволяет говорить о некоторых особенностях, непосредственно присущих клинкам воинов Уструшаны.

В.С. Соловьев

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, г. Елец, РФ

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЮЖЕТА НА ГЛАЗУРОВАННОЙ ЧАШЕ ИЗ ШУРОБКУРГАНА

1. В 1983 году во время строительства ирригационного канала в северной части поселения Шуробкурбан на юге Узбекистана была найдена глазурованная чаша. Она опубликована Г.А. Пугаченковой в 1984 г. и репродуцирована во втором томе каталога «Культура и искусство Древнего Узбекистана» 1991 г. Эти публикации дают представление о находке. Диаметр венчика чаши — 20,8 см, дна — 10,4 см, высота — 8,3 см. В изломе ее черепок имеет светло-желтый цвет. Снаружи и внутри сосуд покрыт белым ангобом, поверх него на внутреннюю поверхность и на венчик снаружи нанесен слой мутновато-белой глазури. С внешней стороны венчик украшен косыми штрихами лиловато-черной краской. С внутренней стороны по нему идет концентрическая цепочка из зубьев, обращенных остриями вниз.

Значительная часть внутренней поверхности чаши покрыта сетчатым орнаментом, выполненным черной глазурью. Внутри квадратов — четыре точки или пятно зеленой глазури, они перемежаются с белыми квадратами. Вместе квадраты образуют шахматный рисунок. В центре чаши изображен сидящий на коврике юноша с подогнутыми под себя ногами. Фигура четко выделяется на светлом фоне, повторяющем ее контуры. Юноша одет в облегающий халат с двумя отворотами, отделанными зеленой тканью. Его голову и плечи облегает длинная полоса черной ткани с белыми поперечными штрихами — это, видимо, размотанная чалма. Голова юноши повернута в три четверти вправо, на левой щеке черной точкой обозначена родинка. Левая рука юноши согнута в локте и лежит на колене, правая рука поднята к плечу. Брови изогнуты и удлинены до висков.

2. Г.А. Пугаченкова датировала чашу X в. и предположила, что она происходит из Мерва, где в то время было исключительно высоко развито керамическое ремесло. Она отметила сходство шуробкурбанской чаши и с глазурованными чашами Нишапура с изображениями мужских фигур. Сам сюжет, по ее мнению, заимствован в резном дереве, художественном металле или настенной живописи — в сценах с изображениями монарха, принца. Свою мысль об импортном происхождении чаши

исследовательница объяснила тем, что в Сурхандарьинской области в X в. керамика данного типа не производилась. В упомянутом каталоге шуробкурбанская чаша датирована IX в.

3. Археологические исследования последних лет, проводившиеся в Старом Термезе, на поселениях Шуробкурбан и Дабилькурбан в Сурхандарьинской и Пашхуртской долинах, показали, что производство глазурованной керамики в Северо-Западном Тохаристане началось в конце VIII в., в IX в. Оно было развитым и находилось под сильным влиянием продукции Нишапура. Стратиграфия поселения Шуробкурбан и характер фонового орнамента чаши позволяют датировать ее первой половиной IX в.

Хотя сюжет на шуробкурбанской чаше, очевидно, вызван хорасанскими образцами, расписана она была, по моему мнению, местным мастером, знакомым с изобразительным искусством доисламского периода. Белый фон, на котором изображен юноша, соответствует нимбу и мандорле Будды в настенной живописи. Правая его рука — в жесте адорации. Поворот головы персонажа в три четверти — обычный прием, используемый тохаристанскими художниками VI—VIII вв. в изображении людей. Истоки же для нишапурской керамики с антропоморфными изображениями были иными, например, они повторяли сюжеты сасанидских прирешественных чаш со сценами царской охоты. Другим является и ракурс мужских персонажей на изделиях хорасанских гончаров.

Относительно трактовки образа юноши на шуробкурбанской чаше можно предположить, что он связан с каким-то поступком молодого представителя местной знати, хорошо известным тохаристанцам. Возможно, этот поступок носил религиозный характер. В любом случае, Г.А. Пугаченкова была права в том, что шуробкурбанская чаша представляет большой художественный и историко-культурный интерес. К этому можно добавить, что смена традиций в художественной культуре Тохаристана после арабского завоевания шла постепенно и реминисценции прошлых эпох проявлялись в разных ее образцах.

Ю. Степанов

Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург, РФ

ПОВТОРНАЯ РЕСТАВРАЦИЯ НАСТЕННОЙ РОСПИСИ «КРАСНЫЙ ЗАЛ» ИЗ ВАРАХШИ VIII В.

Дворцовый комплекс городища Варахша расположен в 40 км от Бухары. При археологических раскопках (руководитель В.А. Шишкин) в конце 1930-х – начале 50-х годов были раскрыты стенные росписи на ярком красном фоне, что и дало название живописи – «Красный зал». Роспись располагалась на западной, южной и восточной стенах помещения.

Живопись двухярусная. Нижний ярус высотой 130 см тянулся над фризом, опоясывая все три стены. Над ним второй ярус. Это выступающий фриз с частично сохранившимся изображением шестерых животных и узкой орнаментальной полосой вдоль края. Здесь живопись сохранилась на высоту 45 см. Композиция нижнего яруса представляет собой группы персонажей, расположенных на равном расстоянии друг от друга. В центре каждой группы изображен слон с восседающей на нем крупной фигурой царя. На голове слона маленькая фигура погонщика. Оба персонажа вооружены. С двух сторон на слона нападают хищные и фантастические животные. Вдоль нижнего края росписи широкая кайма с растительным орнаментом.

Роспись Варахши оказалась очень благодарным материалом для разработки нескольких методик полевой консервации живописи, выполненной на лессовой штукатурке клеевыми красками. Впервые реставратором Государственного Эрмитажа Павлом Ивановичем Костровым был успешно применен низковязкий ПБМА. В полевом сезоне 1953 г. было расчищено, закреплено и снято со стен почти 15 кв.м живописи. Это 18 фрагментов. Все они были транспортированы в Эрмитаж, где в нашей мастерской прошли первую лабораторную обработку: укреплены, замастикованы и смонтированы с помощью воско-канифольной смеси на металлический поддон. По решению реставрационной комиссии в 1954 году утраты росписи были восполнены тонировками с частичной реконструкцией.

На повторную реставрацию памятник поступил в ЛНРМЖ в конце 2012 года. Техническое состояние сохранности росписи было очень тревожным:

- 1) многочисленные и обширные отслоения воска от металлического поддона;
- 2) повсеместные расслоения в самой лессовой штукатурке;
- 3) значительные деформации и изломы основы преимущественно в центральной части композиции.

Также имелись поверхностные загрязнения пылью, копотью и следами воско-канифольной смеси. На некоторых участках красочный слой потемнел из-за клеевых пятен акрилата. Тонировки, выполненные казеиново-масляной темперой, со временем изменились по тону и цвету. Достаточно большие участки красного фона имели реставрационные записи по подлинному красочному слою.

При повторной реставрации использован метод, основанный на применении низковязкого ПБМА. Проведены следующие реставрационные мероприятия.

- 1) Выполнение графических прорисовок и картограмм, отражающих виды разрушений росписи.
- 2) Удаление старой монтажной конструкции.
 - а) С тыльной стороны выпилены рейки деревянных подрамников.
 - б) Отжаты по периметрам фрагментов бортики металлических поддонов и удалены сами поддоны.
 - в) Удаление воско-канифольной мастики с тыльной стороны. В процессе этого были утрачены реставрационные художественные дополнения (реконструкции), выполненные на воско-канифольном основании в местах больших утрат росписи. При этом обнажились сохранившиеся контуры подлинного штукатурного основания, которые очень хорошо были зафиксированы при археологических работах. Процесс снятия воска оказался очень трудоемким и сложным. Верхние слои воско-канифольной смеси удалены механическим способом. Далее воск «всухую» тщательно удален скальпелем до основы. Но укрепить лессовую штукатурку в таком состоянии было невозможно. Воско-канифольная смесь пропитала основу на глубину 1-2 мм, образовав корку, препятствующую проникновению ацетоновых растворов ПБМА. Удаление этой корки было сопряжено с трудностями: во-первых, штукатурная основа очень неравномерная, на некоторых участках утрачена почти до грунта; во-вторых, лесс под коркой воско-канифольной смеси оказался полностью разрушенным и очень слабым и деструктурированным. Корка воско-канифольной смеси размягчена спиртом, ацетоном и удалена с тонким слоем лесса.
 - 3) Укрепление штукатурки ацетоновыми растворами ПБМА, при необходимости – утончение и выравнивание.

4) Укрепление штукатурки, грунта, красочного слоя и одновременно выравнивание деформаций с лицевой стороны. Этот процесс был также затруднен. При подведении растворов акрилата согласно методике, лесс мгновенно размягчался и плохо поддавался укреплению. Одни и те же участки приходилось укреплять многократно. Почти все расслоения и деформации основы удалось устранить.

5) Удаление старых реставрационных мастиковок. Удаление мастиковок было необходимо, т.к. они в некоторых случаях препятствовали выправлению деформаций основы.

6) Удаление поверхностных загрязнений. После расчистки красочного слоя выявилось подлинное состояние сохранности авторской живописи. Под слоями казеиново-масляной темперы частично сохранился тонкий и потертый подлинный красочный слой. Необходимо подчеркнуть, что тонировки были выполнены не только в пределах утрат по лессовым мастиковкам, по авторской лессовой штукатурке в местах осыпей и обширных утрат красочного слоя (при этом сохранившиеся подлинные остатки красочного слоя были сверху записаны). В некоторых местах под тонировкой имелась белая подложка. Обширные участки фона были пролессированы. После удаления загрязнений (акрилата, копоти, следов воска) и слоев казеиново-масляной темперы раскрылась бархатистая матовая поверхность, какой и должна быть роспись, выполненная клеевыми красками. Выявился подлинный теплый охристо-красный цвет фона. Живопись стала ярче.

7) На следующем этапе реставрации встал вопрос о тонировках и реконструкциях. Нуждается ли данный археологический памятник в художественных дополнениях? Памятник, освобожденный от реставрационных реконструкций и тонировок с записями, кардинально изменил свой привычный вид. За 60 лет экспонирования фрагментов Красного зала в том виде, в котором они известны всему миру и опубликованы, невозможно представить данный памятник «обнаженным». До начала повторной реставрации мы и сами не могли визуально оценить подлинный процент сохранившейся росписи. Большинство голосов членов реставрационной комиссии было решено восполнить утраты красочного слоя тонировками внутри фрагментов, в окружении авторского красочного слоя – на чуть пониженном уровне. В местах больших утрат выполнить конструктивные тонировки, основываясь на предыдущие реконструкции П.И. Кострова, но с некоторыми корректировками и на достаточно пониженном уровне (4-5мм). Тем самым сохранить исторические резы, которые в период первой реставрации были заполнены вровень живописной поверхности.

Тонировки выполнены водорастворимыми красками на тон светлее авторского окружения по светлым мастиковкам. На тех участках, где аналогии отсутствуют, оставлены лессовые мастиковки.

8) 18 фрагментов росписи смонтированы на новые блоки из высокопрочного пенопласта. Традиционное использование клеящей массы на основе водной эмульсии ПВА в данном случае не подходит. Наличие влаги является опасным фактором для специфического состояния лессовой штукатурки. Впервые для монтировки фрагментов настенных росписей был применен однокомпонентный клей на основе высококачественного полиуретана. При монтировке фрагменты объединены. Верхний ярус состоит из пяти монтировочных блоков, нижний ярус – из шести.

как насечки, возможно, свидетельствует в пользу культурного влияния поселений Нижней и Средней Сырдарьи. В данном регионе насечки, как правило, украшали верхнюю часть тулова и венчик горшков джетысарской и каучинской культур.

Выявленный в ходе изучения объекта V керамический комплекс демонстрирует также наличие античных традиций. К таковым можно отнести частичное ангобирование, редкие фрагменты сосудов, украшенных штампом, наличие чаш с полусферическим резервуаром и слегка загнутым внутрь краем, чаш с налепом в виде морды льва, столовые тагора.

Разработать дробную датировку керамического комплекса кушано-сасанидского времени, полученного на Дабилькургане, пока не представляется возможным. Это объясняется, прежде всего, тем, что материал III–IV вв. выявлен на небольшой площади, а раскоп не доведен до материка.

Р.В. Тихонов

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, г. Елец, РФ

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС КУШАНО-САСАНИДСКОГО ВРЕМЕНИ С ГОРОДИЩА ДАБИЛЬКУРГАН В СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ

В 2012 г. автором проводились исследования кушано-сасанидского культурного слоя городища Дабилькурган, выявленного на объекте V. Наиболее массовым материалом из слоя является керамика. Всего было обнаружено более 400 фрагментов.

В большинстве своем она изготовлена на гончарном круге, находки лепной посуды единичны. Нередко в тесте встречаются включения гашеной извести. Цветовая гамма ангобного покрытия ограничивается оттенками красного цвета. Однако ангоб не плотный и легко отслаивается от стенок сосуда. Кроме того, имеются сосуды, которые лишь частично покрыты ангобом в верхней части тулова. Обращает на себя внимание практически полное отсутствие штампа и лощения.

По набору основных типов керамический комплекс кушано-сасанидского времени Дабилькургана достаточно характерен для Бактрии III–IV вв. В его составе отмечены чаши с полусферическим резервуаром и слегка загнутым внутрь венчиком, чаши со слегка отогнутым наружу краем, чаши с налепом в виде морды льва, кружки, столовые тагора, кувшины, горшки, хумы и хумчи.

Следует обратить внимание на археологически целую тагора. Она имеет коническую форму тулова с широко расходящимися стенками. Венчик утолщен с внутренней стороны и профилирован тремя желобками с уступами. Для большей устойчивости сосуду был придан кольцевой поддон. Характерной его особенностью является наличие растительного орнамента, нанесенного посредством лощения по темно-красному ангобу на внутреннюю поверхность сосуда. В верхней части расположена композиция, состоящая из изображения цветов. Их можно подразделить на мелкие, средние и крупные. Каждые два цветка соединены между собой продолговатой U-образной линией, которую пересекает волнистая линия. В нижней части тагора орнамент представлен наклонными пересекающимися линиями.

Среди редких типов следует отметить фрагмент венчика тарелки (?), по верхнему краю которого нанесены насечки. Такой декоративный прием,

А.И. Торгоев

Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург, РФ

В.А. Кольченко

Институт Истории и Культурного Наследия НАН РК

Е.А. Кий

Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург, РФ

А.В. Кулиш

Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург, РФ

БУДДИЙСКИЙ МОНАСТЫРЬ ГОРОДИЩА КРАСНАЯ РЕЧКА (НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАБОТ 2010–2013 ГГ.)

С 2007 г. Государственный Эрмитаж совместно с коллегами из Кыргызстана возобновил исследования известного городища Красная Речка, расположенного в Чуйской долине в 36 км восточнее Бишкека. Памятник является самым крупным по масштабу средневековым городищем в Чуйской долине и состоит из пяти частей: цитадели, двух шахристанов, южной и западной пристроек и обширного рабада, опоясанного длинными оазисными стенами.

В южной пристройке расположен комплекс сооружений с высоким коническим холмом в центре, окруженный с трех сторон обвалованными постройками. С восточной стороны перед доминантным холмом стоят два соединившиеся полами больших холма. От центрального холма они отделены ложем арыка. Северный холм с 2010 г. стал объектом наших раскопок. Севернее его расположена площадка, на которой мог бы располагаться третий холм, который, в свою очередь, мог бы замыкать обвод центрального массива. Однако разведочные работы 2012 г. выявили на этой площадке лишь слой современного разрушения, перекрывающий тонкий лессовый слой без остатков сооружений. Не исключено, что третий холм имелся, но был полностью срыт во время раскопок В.В. Радлова или позже, когда углублялось русло арыка.

В результате работ выяснилось, что на объекте под верхним строительным горизонтом сохранились остатки буддийского храма. Таким образом, весь комплекс, ранее считавшийся зороастрийским храмом, на раннем этапе уверенно можно интерпретировать как самый крупный в Семиречье буддийский монастырь. Надо полагать, что центральный конический холм скрывает остатки ступы.

Храм представляет собой отдельно стоящее прямоугольное в плане здание размером 22,4x19,5 м вытянутое по линии С-Ю. Вход в него находился с востока. В строительной истории здания удалось выделить три периода, о которых будет сказано ниже. Его планировочной основой является почти квадратное помещение – целла размером 8x7,3 м, слегка вытянутое по направлению В-З. Целла окружена обводом из коридоров шириной 1,7–2 м. Восточный коридор разделен на три отсека: центральный, который фактически является вестибюлем перед входом в целлу, северный и южный. Последние два отсека отделены от вестибюля выступающими пилонами, которые, видимо, были устоями входных арок. Вестибюль размером 7x1,8 м вытянут в направлении С-Ю. Условной границей целлы и вестибюля могут считаться торцы суф в святилище, вытянутые в одну линию с пилонами проходов в северный и южный отрезки обводного коридора. При последней перестройке (третий строительный период), по линии торцов суф между стенами святилища была построена стенка толщиной в полкирпича, тем самым вестибюль фактически отгораживался от целлы. В здание попадали через вестибюль по подъему шириной не менее 6,4 м, находившемуся с восточной стороны на протяжении всего периода существования храма. В первый период подъём был лестничным, позднее он, вероятнее всего, стал пандусом. Высота подъема была чуть более 1 м – такова общая высота платформы из сырцового кирпича, на которой был построен храм.

Внутри целлы вдоль северной и южной стен располагались уже упомянутые суфы шириной 1 м. Такие же суфы находились у пьедесталов скульптур, расположенных вдоль западной стены.

В середине западной стены находится алтарная ниша длиной 1,4 м и шириной 1,05 м. В боковых ее стенах на некоторой высоте от пола устроены симметричные нишки, разгороженные на два отсека перегородками, а у торцевой стены расположена скульптурная композиция. Торцы перегородок нишек, вероятнее всего, были оформлены в виде полуколонн, украшенных штампованным орнаментом из перлов и пояска ромбов. Нижняя часть полуколонн, возможно, имела расположенное у основания «яблоко». Можно полагать, что в этих нишках стояли светильники, и, вероятно, они также могли использоваться как места, куда прихожане могли складывать свои подношения.

В центре скульптурной композиции находилась фигура сидящего Будды размером шириной 1,54 м. Скульптура сохранилась *in situ* на высоте 0,7 м, что составляет около 1/3 торса. Она покоится на пьедестале, находящемся на уровне основания нишек. Покрываются одеянием со складками

ноги фигуры скрещены в позе лотоса и сохранились почти полностью. Ступни также сохранили свои очертания, однако поверхностный слой утрачен. На левом бедре фигуры лежит предплечье левой руки с ниспадающими вниз складками одеяния, заканчивающегося волютами. Кисть этой же руки, отколовшаяся в запястье по месту соединения, не сохранилась. На ногах скульптуры ниже живота проходит рельефная, относительно широкая полоса – возможно, складки спадающего одеяния. Под ногами скульптуры, на постаменте, находятся две рельефные полосы какого-то одеяния (ленты?). В месте скрещения коленей эти полосы сходятся, образуя пальметтовидный узор.

С правой стороны от центральной скульптуры были расчищены остатки ног (ступней) предстоящей фигуры (вероятно, бодхисаттвы). С левой стороны, видимо, также существовала фигура предстоящего, но это место в значительной части было разрушено большой норой.

Перед постаментом скульптуры залегал практически сплошной скульптурный завал, в котором вперемешку лежали детали интерьера ниши, большой скульптуры Будды и предстоящих фигур.

В целле у западной стены, по обе стороны от алтарной ниши, располагались постаменты для пристенной скульптуры. На южном постаменте в 2012 г. были расчищены остатки плохо сохранившейся скульптуры. Не исключено, что персонаж, вероятно, сидящий на подушках, мог являться какими-то охранителем.

Рядом с постаментом был расчищен упавший грудью вниз крупный фрагмент торса. Он был украшен барельефом в виде двух пар лент, скрещенных по диагонали в центре. На лентах показаны прямоугольные бляшки, от которых отходят бубенцы. Место скрещения занято рельефным изображением морды Киртимукки.

В 1,5 м севернее торса залегал крупный фрагмент ствола трехчетвертной полуколонны, украшенный рельефом и живописью. Роспись сугубо орнаментальная. В орнаменте – в пальметтах, в облаковидных мотивах, фестончатых розетках – чувствуется большое влияние буддийского искусства Восточного Туркестана. Фрагменты штампованного раскрашенного декора из необожженной глины встречались в заполнении и натеках над полом. В этих же натечных слоях удалось зафиксировать и снять фрагменты росписей, сильно пострадавших от нахождения в переувлажненной среде.

На южной стене святилища, перед постаментом для скульптуры у западной стены, *in situ* сохранился единственный фрагмент живописи длиной 1,1 м и шириной не более 18 см. На светло-палевом (слегка желтоватом) фоне видны следы тонких красных линий, описывающих контуры

лотосового престола. На нем изображен сидящий Будда, от которого сохранилась только нижняя часть. Справа от изображения Будды видно большое пятно синего цвета в круглую «крапинку» цвета фона.

Зафиксировано совершенно точно, что росписями был покрыт северный коридор, а в последний период – и западный. В этих коридорах на стенах *in situ* были зафиксированы мелкие участки белой ганчевой штукатурки с очень слабыми остатками смытых пигментов. В завале северного коридора был найден относительно хорошо сохранившейся двуслойный фрагмент настенной росписи.

В заключении краткой характеристики остатков храма следует остановиться на его строительной истории.

В *первый строительный период* постройка была, совершенно очевидно, П-образной в плане, открытая целиком с восточной стороны. Стены этого периода были сложены из сырцового кирпича размером 40x40x10 см и 51x26x10 см. Это единственный из известных случаев использования квадратного кирпича «античного» стандарта в Семиречье. В середине западной стены был устроен проход шириной 2,25 м. Обходных коридоров на этом этапе еще не было. Мощные стены, по 2 м толщиной, очевидно, нужны были для установки какого-то сложного деревянного перекрытия.

Здесь важно отметить, что наш объект стоит на одной оси (по линии В–З) с доминантным коническим холмом комплекса, и создается впечатление, что этот широкий проход мог какое-то время быть центральным проходом к ступе. Отсутствие обходных коридоров также говорит о том, что постройка задумывалась изначально не как храм, а как портал с обширными крытым портиком при входе.

Второй строительный период характеризуется собственно появлением храма. В этот период проход к ступе закладывают, и в нем устраивают алтарную нишу, преобразовав айван в целлу. Появляются обводные коридоры и вестибюль. Новый проход во двор монастыря к ступе устраивают из северного обходного коридора. В этот период в храме появляется богатое убранство интерьера в виде живописи и скульптуры.

В третий строительный период происходит подъем пола в обводных коридорах, часть ранней скульптуры при этом оказывается уже в завале. Определенно в это время происходит побелка обходных коридоров, по которой наносят последние по времени росписи, выполненные преимущественно синей и красной краской непрофессиональным художником. В этот период ранее действующий проход к ступе в северном обходном коридоре уже не функционирует, а новый устраивают почти в центре внешней стены западного обводного коридора.

Вопрос датировки храма является наиболее проблемным. Датировать первый период из-за крайней малочисленности материала сложно. Маловероятно, что он может датироваться ранее начала VIII в., так как нигде на городище не удастся выделить слои более раннего времени. В растворе между кирпичами обводных галерей были найдены фрагменты керамики, аналогичные керамике ранних слоев на центральном четырехугольнике (малом шахристане) и крупная тухусская монета. Последнее прямо говорит о том, что второй строительный период – собственно время появления храма – может быть датирован пока довольно широко в рамках середины VIII–IX вв.

В натеках над полом и на полу святилища найдены преимущественно мелкие фрагменты керамики, относящиеся к X – началу XI в. Фрагменты такой же керамики (венчики хумов и тагора) найдены на полу третьего строительного горизонта. Очевидно, что храм в это время еще функционировал по назначению.

Следы более позднего обживания, уже руин здания, зафиксированы в западном обходном коридоре. Расчищен вырубленный в стене очаг и участок пола, перекрывающий пол третьего строительного горизонта. Пол периода спорадического обживания перекрывал завал стен коридоров, упавших большими блоками, и, возможно, рухнувших в результате землетрясения. По находкам фрагментов поливной керамики и обломкам стекла этот последний горизонт обживания руин должен относиться ко времени не ранее середины XI – начала XII в.

Во всяком случае, сейчас совершенно очевидно, что буддийский монастырь на городище Красная Речка функционировал еще при первых караханидах.

Т.Г. Цветкова

Государственный музей Востока, г. Москва, РФ

**ФОНД АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ГМВ:
НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ
ИССЛЕДОВАНИЙ 1930-Х ГОДОВ В БУХАРСКОМ ОАЗИСЕ**

В Фонде археологических материалов Архива Государственного музея Востока хранятся документы, рассказывающие об исследованиях экспедиции Узбекстанского комитета по охране и изучению памятников искусства и старины и Института истории и археологии Академии наук Узбекистана в Бухарском оазисе. Руководителем этих экспедиций, проводившихся в 1930–1950-х годах, был известный ташкентский археолог В.А. Шишкин (весной–летом 1934 года – совместно с А.Ю. Якубовским, Гос. Эрмитаж).

Указанные архивные материалы представляют собой три группы документов: 1) полевые дневники В.А. Шишкина, его отчеты об экспедициях, подготовленные для Узкомстариса; 2) рукописи и тексты тезисов и докладов на научных сессиях АН Узбекистана, а также рукописи статей для различных изданий; 3) материалы многолетних исследований по теме «История археологического изучения Бухарского оазиса», часть которых в виде отдельной главы вошла в монографию «Варахша», опубликованную в Москве в 1963 году.

Из первой группы документов наиболее интересны материалы о разведках В.А. Шишкина в 1930-х – 1950-х гг. в Бухарском оазисе. Например, по нашим подсчетам, в семнадцати полевых дневниках содержатся сведения более чем о ста археологических объектах, обследованных Василием Афанасьевичем на территории оазиса за годы работ.

В 2008 году нами был опубликован один из архивных документов – отчет В.А. Шишкина о работах совместной Зарафшанской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа и Узкомстариса (под общим руководством А.Ю. Якубовского) на восточной окраине Бухарского оазиса в мае–июне 1934 года. Задачей экспедиции было проведение обширной археологической разведки по древнему караванному пути, соединявшему Бухару с Самаркандом. Однако по ряду причин была исследована только часть маршрута, причем особенно тщательно изучена северо-восточная окраина Бухарского оазиса с остатками Кампыр-Дувала – стены,

окружавшей орошаемые земли оазиса, с развалинами городищ и тепе, построенных вдоль стены в качестве дополнительных укреплений.

Эти исследования были очень важны для решения многих вопросов социально-экономической истории Бухарского Согда, в частности, вопроса о взаимоотношениях оседлого населения земледельческих оазисов с кочевой степью на определенном этапе истории Средней Азии. Помимо этого, по словам В.А. Шишкина, работы по изучению Кампыр-Дувала имели еще и историко-топографическое значение, поскольку помогли определить конфигурацию культурных земель перед арабским завоеванием.

В связи с такой важностью обследования указанных археологических объектов, как пишет В.А. Шишкин в своей монографии «Варахша» во второй половине того же 1934 года и в следующем, 1935 году он уже самостоятельно, без привлечения сотрудников Эрмитажа, продолжил исследование Кампыр-Дувала. Нужно отметить, что кроме этого указания на 1935-й год мы располагаем лишь скудными отрывочными сведениями о разведках в Бухарском оазисе в том году как в публикациях В.А. Шишкина, так и среди имеющихся в архиве музея Востока материалов.

Что же касается неопубликованных результатов осенне-зимней разведки 1934 года, хотя В.А. Шишкин и намеревался в книге «Варахша» подробно их осветить, на самом деле получилось всего лишь краткое, на полстраницы, общее описание работ с перечислением около десятка памятников.

Учитывая все вышесказанное, а также тот интерес, который в последние десятилетия проявляют ученые из разных стран (Узбекистана, Италии, Германии, США) к памятникам Бухарского оазиса, в том числе Кампыр-Дувалу, и учитывая значительные изменения исторического антропогенного ландшафта, а именно исчезновение большого числа памятников в ходе освоения человеком древних земель орошения, мы полагаем, что хранящиеся в архиве музея Востока неопубликованные материалы археологических разведок В.А. Шишкина представляют несомненный интерес.

В настоящее время готовится к публикации полный текст «Полевого отчета о разведках памятников материальной культуры в Бухарском оазисе в период с 12 сентября по 28 декабря 1934 года». Этот документ имеется в архиве музея в трех вариантах: текст в полевом дневнике Василия Афанасьевича, рукописный текст его отчета в Уэкомстарис (без рисунков) и машинописная копия того же отчета с двумя карандашными схемами маршрутов исследований.

В сентябре-октябре В.А. Шишкин имел возможность производить поездки в Бухарский оазис лишь в выходные дни, т.к. одновременно

наблюдал за проведением ремонтно-реставрационных работ в мечети Магоки-Аттари в Бухаре. И только в ноябре-декабре, по окончании реставрации мечети, его разведки стали более масштабны. Он продолжил начатые в первой половине 1934 года работы по поиску Кампыр-Дувала, перенес их из северо-восточной части оазиса в юго-западную. И на этих территориях также были найдены остатки стены, а кроме того несколько десятков мелких бугров и более крупных тепе – остатков укрепленных поселений вдоль Кампыр-Дувала. Помимо этого в полевом отчете описаны находки, среди которых главным образом многочисленная и разнообразная керамика различных исторических периодов.

В своей работе В.А. Шишкин использовал сведения о памятниках Бухарского оазиса, собранные Л.А. Зиминым в 1913–1915 гг. и опубликованные в 1917 г. в «Протоколах заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии». Судя по тексту полевого отчета, в ходе разведок 1934 года лишь некоторая часть сведений Зимина подтвердилась, а значительная их часть была уточнена и дополнена Шишкиным.

Последующие археологические разведки в Бухарском оазисе В.А. Шишкин с небольшим количеством сотрудников проводил в 1937, 1938 и 1939 гг., а затем уже по окончании Второй Мировой войны, в 1947 и 1949–1954 гг. Эти работы были сосредоточены главным образом в западной части оазиса, в зоне ирригационного земледелия в сельской округе Варахши и проводились в рамках полномасштабных раскопок этого городища. Далеко не все результаты этих работ вошли в публикации В.А. Шишкина. Часть этих документов хранится в Фонде археологических материалов музея Востока и, надеемся, когда-нибудь также будет опубликована.

Л.Т. Яблонский

Институт археологии РАН, г. Москва, РФ

ХОРЕЗМИЙСКИЙ ВАРИАНТ ЗОРОАСТРИЗМА (ПО РАСКОПКАМ КУРГАННЫХ МОГИЛЬНИКОВ)

Присарыкамьшские саки (VII–VI вв. до н.э.), наряду с ингумацией, использовали в погребальном обряде кремацию на кострах на месте захоронения, а иногда и в стороне, с последующим переносом праха к месту окончательного погребения. Редко, но фиксируются захоронения расчлененных тел.

Позже, в конце V в. до н.э. местные скотоводы стали применять погребальный обряд, при котором сооружались большие ямы с перекрытиями и дромосами, где совершались многочисленные последовательные захоронения. В савроматскую эпоху такие камеры получили распространение на обширной территории Евразийских степей от Приуралья и Приаралья до Волго-Донского междуречья. Отличительной особенностью хорезмийского варианта погребений такого рода являлась многочисленность захоронений в одну камеру: иногда – до 40 человек, уложенных в несколько слоев. При этом останки погребенных относительно ранние бесцеремонно сдвигались вместе с сопровождающим их инвентарем и подвергались иногда полному или частичному разрушению при совершении новых захоронений. Это происходило, когда кости скелетов еще держались на связках.

Таким образом, еще в ахеменидское время скотоводы Хорезма имели представление о возможности различных манипуляций с телами умерших.

Во второй половине I тысячелетия до н. э. эти представления получили дальнейшее развитие. В подкурганных подбойных захоронениях, которые датируются IV–II вв. до н.э. погребальная камера вначале использовалась для неоднократных последовательных захоронений. При этом скелеты ранее захороненных сдвигались к одной из ее стенок. В других случаях в углу камеры устанавливали глиняный сосуд (хумчу) и складывали туда кости ранее захороненного вместе с сопровождающим его инвентарем, чтобы освободить место для вновь погребяемого.

В конце этого периода появились небольшие ямы, перекрытые плитами известняка, куда в сопровождении инвентаря укладывали предварительно очищенные кости скелетов.

В конце I тысячелетия до н.э. обряд подкурганного захоронения очищения костей получает уже широкое распространение в среде скотоводов. Сначала предварительно очищенные кости укладывали в сосуды бытового типа – хумы и хумчи. Горловины сосудов закрывали обломками известняковых плит или специальными крышками и примазывали к венчику сосуда известняковым раствором. Такие крышки разрисовывали красной краской. Чаще всего это был прямой крест, вписанный в окружность. В сосуды помещали иногда несколько скелетов в полном наборе костей, но черепа всегда укладывали сверху. Своды черепов украшали различными знаками, нанесенными красной краской, что лишний раз свидетельствует о предварительном очищении черепов от мягких тканей.

И уже в это время появляются специально изготовленные для погребального обряда астоданы в виде глиняных ящиков с крышками. Применялись как сырцовые сосуды, так и изделия, обожженные в горнах. Как правило, они содержали полные скелеты, включая ногтевые фаланги пальцев. Это говорит о тщательности процесса сбора костей и о том, что тела умерших не подвергались обряду выставления, принятому в классическом зороастризме и очищались с помощью специальных механизмов мацерации. Нижние челюсти иногда подвязывали к черепам с помощью шелковых лент, но иногда в шелк заворачивали и весь скелет.

В это же время появляются и первые скульптурные оссуарии. Любимым персонажем становится конь, который у древних индо-иранцев ассоциировался с солнцем.

Крышки сосудов украшали фигурками голубок, связанных у хорезмийцев с образом богини воды и плодородия Анахитой.

В первые века н.э. хорезмийские скотоводы еще сохраняли обычай последовательного захоронивания умерших в большие ямы с дромосами, но теперь и в этих случаях они использовали специальные оссуарии/астоданы.

Этот обряд просуществовал в Хорезме по крайней мере до V в. н.э. Так, на возвышенности Калалы-гыр 2 был исследован большой курган, под насыпью которого, в центре погребальной площадки было найдено катакомбное захоронение с ингумацией. Вокруг него, у краев насыпи были расчищены многочисленные оссуарные захоронения, которые были совершены, в основном, в сосудах бытового типа и ящичных оссуариях.

Из общего ряда выдается скульптурный оссуарий, изображающий фигуру женщины с искусственно деформированной головой и сформованными отдельно выступающими руками. Судя по положению рук, нельзя исключить, что в них была вложена кукла, которая до наших дней не

сохранилась. В спине фигуры имелся округлый люк для закладки внутрь фигуры костей скелета. Люк с помощью специальных отверстий закрывался дисковидной крышкой. Внутри оссуария был найден скелет, который принадлежал, вероятно, девочке, умершей в возрасте 12-13 лет.

Вплоть до арабского завоевания территория Хорезма была ареной распространения погребального обряда, связанного с предварительным очищением костей умерших и захоронением их в оссуариях/астоданах. Черепа и кости скелетов находили также в бойницах кирпичных крепостей, построенных в первые века н.э.

Именно на территории Хорезма мы имеем археологические факты, свидетельствующие о наиболее раннем в Центральной Азии присутствии обряда захоронения предварительно очищенных костей, и именно здесь прослеживается в наиболее ранней форме процесс перехода к этому обряду в среде древних скотоводов. При этом нельзя исключить, что вхождение Хорезма в состав державы Ахеменидов могло послужить своеобразным катализатором в процессе формирования этого специфического обряда.